

ISSN 0494-7304 0207-4486

UNIVERSITAS TARTUENSIS

LINGUISTICA

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

Alustatud 1893.a. VIHK 911 ВЫПУСК Основацы в 1893.g.

UURIMUSI ÜLD- JA KÕRVUTAVA
KEELETEADUSE ALALT

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЩЕМУ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

L I N G U I S T I C A

1990

TARTU 1990

Toimetuskolleegium:

Paul Ariste, Karl Lepa, Mari-Ann Palm,
Enn Veldi, Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)

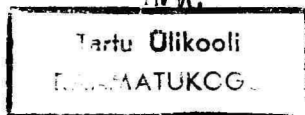
Редакционная коллегия:

Пауль Аристе, Карл Лепа, Мари-Анн Пальм,
Энн Вельди, Юхан Тулдава (отв. редактор)

Kogumik "Linguistica" ilmub alates 1969. a. Käesolevas
XXIII väljaandes on avaldatud rida uurimusi üld-, rakendus-
ja kõrvaltava keeleteaduse alalt. Autorid on Tartu Ülikooli
õppejõud ja külalisautorid.

Сборник "Linguistica" публикуется начиная с 1969 г.
Настоящий 23-й выпуск содержит статьи по общему, прикладно-
му и сопоставительному языкознанию. Авторами статей являют-
ся преподаватели Тартуского университета и исследователи из
других городов.

The collections "Linguistica" have been published
serially since 1969 (as issues of ACUT = Acta et Commenta-
tiones Universitatis Tartuensis, since 1977). The present
issue No. 23 contains investigations in the field of gener-
al, applied and confrontative linguistics by authors from
Tartu University (Estonia) and elsewhere.

10783

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ НОВЫХ ОБЪЕКТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

П. Ю. Алвре

К древним объектным падежам в финно-угорских и самодийских языках относятся аккузатив и номинатив (см. Алвре, 1988, с. 3 и сл.). Рассмотрим ниже новые объектные падежи по языковым группам. Некоторые конкретные (особенно сепаративные) падежи могут по своей функции быть весьма близкими к объекту. Критерии разграничения объекта и обстоятельства (косвенного дополнения) в исследованиях, посвященных современным языкам, далеко не всегда тождественны. Многое зависит и от языкового чутья исследователя, а также от аспекта исследования. Сравнительно-исторический метод позволяет приравнивать к древним объектным падежам следующие случаи.

В прибалтийско-финских языках аблативное обстоятельство переросло в партитивный объект. Так, финск. *Juon vettä* 'Пью воду' имело изначально то же значение, что французская конструкция с препозицией *de*: *je bois de l'eau*. Таким же образом конструкция финск. *Syön kalaa* имело значение 'Съем рыбу (часть)'. В современных прибалтийско-финских языках партитивный объект используется широко, особенно в отрицательных предложениях, а также в предложениях, выражающих незавершенное, длительное действие (Denison, 1957, p. 137 и сл.). Так как глаголы ощущения, эмоции обозначают именно длительное состояние, то, напр. в аст. предложении *Armastan oma vanemaid* 'Люблю своих родителей' объект может иметь только форму партитива. Оформление партитивного объекта началось еще в волжский период (Ravila, 1935, S. 54, Itkonen, 1972, S. 185 и сл.). Однако прибалтийско-финские языки могли при расширении сферы употребления партитивного объекта опираться и на балтийские языки; напр. литовский генитив выполняет те же самые функции (Larsson, 1983, S. 40 и сл.). На соотношениях парциального и тотального объекта в прибалтийско-финских языках мы здесь остановиться не можем, укажем лишь на основательные исследования В. Грүнthalя и К. Конта (Grünthal, 1941, Kont, 1968).

В отличие от прибалтийско-финских языков в саамском языке партитив, восходящий к аблативу, в качестве объектного падежа в единственном числе уже неупотребителен (Itkonen, 1973, S. 291 и сл.), во множественном же числе продолжа-

ет функционировать - с окончанием -id, напр. gūliid 'рыбы', jūlgiid 'ноги'. В единственном числе ему соответствует аккузатив на -n (или -n > b, u, w, Ø).

В прибалтийско-финских, а также в саамском языке многие функции древнего аблатива (или сепаратива) перешли к элативу, который однако в предложении обычно остается обстоятельством. Объектным падежом стал не только партитив на *-ta, *-tä, но в ряде случаев и элатив, занявший место аблатива, напр. эст. Mis sa l a p s e s t (элат. = last, партит.) kiusad? 'Что ты пристаешь к ребенку/дразнишь ребенка?', ливск. ma äp kārīta sliest lainstē 'Я не боюсь этой волны'. В саамском языке элатив обычен от существительных, обозначающих продукты питания; объект является парциальным, напр. mun časkestam l e e i b i s t 'Я режу хлеб' (Bartens, 1972, S. II4).

В мордовских языках финно-угорский (гесп. уральский) аблатив на *-ta, *-tä заменился отложительным падежом. В функции объекта он употребителен от слов со значением продуктов питания или напитков, причем действие распространяется лишь на часть предмета, напр. эрзян. ярсамс к ш и д е, мокш. ярцхамс к ш и д а 'есть хлеб' (буквально: есть от хлеба), эрзян. симемс п о з а д о, мокш. симомс п о з а д а 'пить квас' (буквально: 'пить от кваса'). Однако же нередки и случаи, где и при глаголе 'видеть' существительное в отложительном падеже выступает в функции прямого объекта, напр. Несть и н ж е д е, несть п а р о д с; Остань кудос промсь народось 'Увидели гостей, увидели хороших; в доме Остаевых собрался народ', Вейкенъ пес п о к о й д е некшность, улав ланга сынъ маднекшность 'До единого они покой видели, на возах легли' (Ермушкин, 1978, с. 246). В ряде диалектов эрзянского языка местный падеж (инессив) выполняет функцию прямого объекта, который в литературном языке может быть выражен или существительным в аккузативе основного склонения, или родительным падежом указательного склонения, напр., k i o l k n e s e uski? 'Кто солому берет?', s k a l t n e s e noldit 'Коров выпускают', rava-jeñbuka ardovtiže avansteñ пока ovto šlaš š a č o s o n z o 'Равая бик вез до матери, пока медведь мыл мордусвою'. Ранее инессив в функции объекта в диалектах эрзянского языка выступал чаще (Ермушкин, 1978, с. 194 и сл.). В мордовских письменных языках в этой функции утвердился генитив с послелогом эрзян. эйсэ, мокш. эса, что семанти-

чески равно инессиву и способно выполняет функцию объекта, напр. эзян. Чоп теци учинь Семань эйсэ 'Целый день сегодня ждала я Семена', мокш. Сиянянь валда ковнясь валы/ Шобдаты пачка велеть лангс./ Панчфнень эса ваны, ваны/ 'Зорять шобдаваннеть стямс 'Серебряный свет льет луна/ Сквозь сумрак на село,/ Стерезет (охраняет) цеты, охраняет/ До восхода утренней зари' (Коляденков, 1954, с. 205).

В пермской группе поздние объектные падежи известны в диалектах коми языка. Так, в верхнесольском диалекте в функции партитивного прямого объекта употребляется златив на -сыс, напр. Мый сэ мында в асыс вайан 'Зачем несешь так много воды', Мый сэтшэм кодзыдысы йуан, йи кодсыс 'Почему пьешь такую холодную (воду), ледяную' (Жилина, 1975, с. 69). В диалектах коми-пермяцкого, а по соседству с ними и в коми-зырянском дательный (аллатив) является полноценным объектным падежом, напр. ноллота кагалö 'Ношу ребенка', воньтлö зн жö деньга лö сет? 'Брату своему ты ведь деньги не отдал же?' (Баталова, 1975, с. 141). Датив, в отличие от других л-овых падежей, реализуется в коми языке широкий спектр значений, причем пространственное значение выступает уже как реликтовое. Отсюда понятно, почему датив на -ло, -лы, выполняющий в основном функцию объекта направленного действия, адресата в широком смысле слова, принял на себя функцию и обозначения самого определенного объекта (прямого дополнения).

Интересно, что подобное развитие датива можно регистрировать и в самодийских языках. В ненецком языке показатель -х-, -г-, -х", служащий для обозначения неполноты или неопределенного количества объекта, материально тождествен суффиксу дательно-направительного падежа для множественного числа, напр. Не папакохон нуб" ялярин' эдэй п'ан эхэ та" 'Дай моей сестренке на один только день новой паницы'. Вещественные существительные в немецком языке имеют чаще всего форму множественного числа (Терещенко, 1973, с. 187).

Знают поздние объектные падежи и угорские языки. В мансийском и в некоторых северных диалектах хантыйского языка объект может иметь форму инструментального (творительного) падежа, напр. манс. ёква ахите ва у эл сарй 'Женщина (именно) дочке заплетает косу', тав рапа рум эл титти 'Она кормит травой козлянка (букв. Она позволяет козлянку есть траву)' (Ромбандеева, 1979, с. 105). Использование по-

добной формы зависит, естественно, от семантики глагола и объектного слова. Творительный падеж мансийского языка выражает только определенный объект, в отличие от второго объектного падежа, номинатива, который в мансийском языке может выражать как определенный, так и неопределенный объект.

Исследователи истории венгерского языка (А. Клемм, Э. Гомбоц и др.) причисляют к объекту, наряду с аккузативом на *-t*, и элатив на *-ból, -ből* (в старом литературном языке также на *-ban, -ben*), напр., в предложениях *Evett a kenyér ből* 'Он поел хлеба', *Vett a cukorból* 'Он взял сахару'. По мнению К.Е. Майтинской, формы на *-ból, -ből* все же не вполне согласуются с определением объекта: "В данном случае существительное, обозначающее указанный член предложения, не имеет формы винительного падежа и никогда не может влиять на форму связанного с ним глагола" (Майтинская, 1960, с. 159).

Если исходить из сравнительно-исторического аспекта, то сепаративные или элативные конструкции изначально относились, конечно, к обстоятельству (косвенному дополнению). Однако нельзя упускать из виду факт, что именно на этой почве образовались новые объектные падежи. Наиболее явное доказательство — партитив, которым охвачена вся прибалтийско-финская-саамская группа языков, а частично и волжские языки. Окончания его восходят к **-ta, *-tä* уральского праязыка. С возникновением партитива понятия парциальность/то-тальность стали неотъемлемыми признаками категории объекта. Функционально равен партитиву элатив, который в качестве вторичного объектного падежа употребителен в прибалтийско-финских, саамском, коми, а также — почему бы и нет — в венгерском языке. Появление и других новых объектных падежей (мордовского инессива, коми и ненецкого датива, мансийско-хантыйского инструментального) стало возможным лишь постольку, поскольку от объектообразного обстоятельства до объекта оставался лишь один шаг. Не исключается возможность, что, в силу зыбкости границ этих членов предложения, категория объекта и в будущем пополнится новыми формами. Однако образование новых объектных падежей не смогло подавить традиции использования номинативного и аккузативного объекта, восходящей к финно-угорскому (герр. уральскому) праязыку. Эта традиция жизнеспособна и сегодня.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Алвре П.Ю. Сопоставительный анализ функций древних объектных падежей в уральских языках // *Linguistica*. Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 838. - Тарту, 1988. - С. 3-9.
- Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. - Москва, 1975.
- Ермушкин Г.И. Типологическая эволюция системы местных падежей и истории мордовских языков // *Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам*. - Москва, 1978. - С. 155-265.
- Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. - Москва, 1975.
- Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков II. Синтаксис. - Саранск, 1954.
- Майтинская К.Е. Венгерский язык. III. Синтаксис. - Москва, 1960.
- Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. - Москва, 1979.
- Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. - Ленинград, 1973.
- Bartens R. Inarinlapin, merilapin ja luulajanlapin kaususyntaksi. - Helsinki (MSFOu 148), 1972.
- Denison N. The Partitive in Finnish. - Helsinki (STT, B 108), 1957.
- Grünthal W. Itämerensuomalaisten kielten yksikön nominatiivi objektin edustajana aktiivin yhteydessä. Lauseopillinen tutkimuskoe. - Helsinki (SKST 218), 1941.
- Itkonen E. Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen // *FUF XXXIX*, 3, 1972. - S. 152-213.
- Itkonen E. Zur Geschichte des Partitivs // *FUF XL*, 1-3, 1973. - S. 278-339.
- Kont K. Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes. - Tallinn (KKIU IX), 1963.
- Larsson L.-G. Studien zum Partitivgebrauch in den ostseefinnischen Sprachen. - Uppsala (SUAU 15), 1983.
- Ravila P. Die Stellung des lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // *FUF XXIII*, 1-3, 1935. - S. 20-65.

ANALYSE DER FUNKTIONEN DER NEUEN OBJEKTSKASUS
IN DEN URALISCHEN SPRACHEN

Paul Alvre

R e s ü m e e

In allen finnougri-schen und samojedischen Sprachen sind neben dem Akkusativ und Nominativ auch andere Kasus Mittel zum Ausdruck des Objekts geworden. Einige Kasus mit separativer Bedeutung stehen in ihren Funktionen dem Objekt sehr nahe.

In den ostseefinnischen Sprachen hat das ablativische Adverbiale (*-ta, *-tä) die Funktion des Objekts übernommen. Es wird in erster Linie in solchen Sätzen verwendet, die eine Negation oder eine nicht abgeschlossene, andauernde Handlung zum Ausdruck bringen. Die gleichen Funktionen wie der Partitiv besitzt der Elativ, der als sekundärer Objektskasus in den ostseefinnischen Sprachen sowie im Lappischen, Komi und Ungarischen verwendet wird. Auch die Entstehung anderer neuer Objektskasus (der mordwinische Inessiv, der Dativ im Komi und Nen-zischen, der Instrumental im Wogulischen und Ostjakischen) ist nur deshalb möglich geworden, weil das Objektsadverbiale und Objekt nahe beieinander liegen. Es ist nicht ausgeschlossen, daß die Kategorie des Objekts in den uralischen Sprachen auch zukünftig durch neue Kasus bereichert wird.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

Т.С. Глушак, Л.И. Копань

Номинация как феномен языка, в котором объединяются и исторически сложившийся результат и живой процесс языкового наречения предметов, явлений (их признаков, свойств и т.д.) внешнего мира, неизменно привлекает к себе внимание лингвистов.

При протекании номинативной деятельности и в ее итоге устанавливается связь "между дискретным элементом" картины мира"... и приуроченным к нему в качестве означающего языковым элементом" (Павлов, 1985, с. 22). Придерживаясь коммуникативного осмысления номинации, характерного для современного языкознания, правильно утверждать, что такую связь способна осуществлять как стандартная номинативная единица — определенное слово, так и его "коммуникативный заместитель": "коммуникативная деятельность определяет отбор не только готовых единиц номинации, но и ... постоянно производимых номинаций" (Никитевич, 1985, с. 23). В качестве производимых номинаций с функцией слов часто выступают описательные обозначения" или "описательные выражения" (Кацнельсон, 1986, с. 68), по терминологии зарубежных теорий языковой семантики-дескрипции (см. сборники "Новое в зарубежной лингвистике XIII, XVI, работы Н.Д. Арутюновой и др.). Дескрипции имеют свой отличительный признак: они предрасположены к варьированию и благодаря этому заключают в себе потенцию с особой выпуклостью реализовать принципы коммуникативной динамики и актуальности при обозначении объектов действительности. Но и слова-номинанты обеспечивают подвижность номинации и установление актуальной (живой) связи между объектами отображаемой действительности и языковыми элементами, будучи охвачены процессом семантической деривации в рамках соответствующего текста. Семантическая деривация широко взаимодействует с переносом значений, и в таком реализационном русле слово становится носителем образности, приспособленным к выполнению даже не свойственной ему номинативной функции, оно может воссоздавать нечть "с большим успехом, но лишь в рамках развернутого контекста" (Кацнельсон, 1986, с. 102). Метафорическими и метонимическими номинациями особенно насыщается художественная речь, а всеми своими связями в контекстах реализации они содействуют, с одной стороны, более углубленному познанию, с другой сторо-

ны, коммуникативно более ориентированной, наглядно-образной характеристики предмета описания.

В целом ряде лингвистических работ принято различать и даже противопоставлять друг другу номинацию и предикацию. В номинации усматривается классифицирующая деятельность языка, поскольку она, фиксируя элементы опыта, ограничивает их друг от друга, т.е. как бы классифицирует вследствие обозначения разными именами. Коммуникативная же деятельность признается за предикацией, которая помещает элементы опыта — предметы и явления в реальные связи и отношения. Однако, прямолинейное разграничивание ролей номинации и предикации как разных видов деятельности едва ли правомерно и оправдывает себя только в плоскости системно-статистического описания языка, тогда как для описания его динамики, функционирования, руководящим принципом должна быть неразрывная связь номинации и предикации, классифицирующей деятельности языка с его коммуникативной деятельностью. Язык не употребляется отдельно для номинации и отдельно для предикации, лишь совместно и одновременно эти два феномена входят в понятие "язык в коммуникации": выполняемая языком коммуникативная функция органически включает номинацию. Язык выполняет еще и прагматическую функцию, служа не только объективации действительности, но и выражению настроения говорящих-передатчиков их субъективных оценок, оттенков отношения, эмоций и др. Согласно современным положениям языкознания, язык в коммуникации подчинен "не столько целям обозначения, наименования предметов и явлений реального мира, сколько целям ... отражения человеком объективной действительности и его субъективного мира" (Уфимцева, 1986, с. 38). Соответственно и слово, выполняя номинативную роль, представляет собой в таком ракурсе рассмотрения не просто обозначение, а отражение реальной вещи, явления вместе с их связями в предметном мире и понятиями квалификативных (оценочных) сфер носителей языка. В новейших семантических классификациях поэтому не случайно выделяют значения слов, направленные на мир, — идентифицирующие, и значения, направленные на субъект или говорящего, — характеризующие, т.е. признаковые и оценочные. А в теории именовании в свою очередь различают номинацию идентифицирующую и номинацию предикатную (характеризующую), к тому же в диапазоне последней, в прямой связи с оценочностью и эмоциональностью, выделяют еще и стилистическую номинацию. Стилистические номинанты опосредствуются в кон-

текстах шкалой эмоциональных и оценочных параметров, вследствие чего на первый план у них выступает отношение между познающим субъектом и именуемым объектом, когда объект претерпевает "поворачивание" к субъекту разными своими сторонами (Уфимцева, 1986, с. 95-96, а также Гак, 1974, с. 24-26).

Использование словесных номинантов в контекстах художественной прозы неизбежно сопровождается тем, что в их значения включаются многообразные коннотативные элементы как нюансы и созвучия, которые способствуют созданию прагмакоммуникативного эффекта. Они не обязательны в качестве компонентов для значения слов как "единиц инвентаря языка": коннотативный элемент "причастен не столько к семантике ..., сколько к прагматике - отношению говорящих к средствам обозначения ..., а точнее к выбору этих средств с целью произвести определенный коммуникативный эффект" (Телия, 1986, с. 7). Именно в этом состоит суть так называемой стилистической номинации, если ее оценивать в аспекте коммуникативного подхода к языку. Однако нельзя утверждать абсолютно, что все стилистически маркированные номинанты имеют значения, необязательные для инвентаря (лексико-семантической системы) языка: "экспрессивные характеристики значений также влияют на семантическую структуру языка", в языке устанавливаются "особые отношения ... при наличии ряда лексем, претендующих на роль носителя данного значения" (Качнельсон, 1986, с. 86). Одни единицы лексемного ряда, будучи оттеночными синонимами, уживаются в системе языка рядом с другими единицами ряда - нейтральными лексемами таким образом, что каждая из них "получает свою ... стилистико-контекстуальную сферу употребления в рамках единого значения" (Там же). Поэтому в современной лингвистике, в частности в советском языкознании, абсолютно "сверхсловным ... трактовкам коннотации противостоят концепции, согласно которым данная сущность входит в значение номинативных единиц", и, как подчеркивается, чаще всего "такое понимание характерно ... для лингвистов, занимающихся проблемами номинации" (Телия, 1986, с. 6). Правда, никто не утверждает, что всякое и любое стилистико-коннотативное значение, реализуемое словом, обязательно должно войти или входит в его значение как единицы инвентаря языка.

И все же вопрос о коннотативных аспектах семантики номинативных единиц относится к номинации преимущественно в ее динамическом осмыслении, т.е. как к процессу означивания, а

не как к установившемуся в языке инвентарю означаемых. Поскольку в центре внимания находится при этом коммуникативное поведение номинантов, то оценка их семантико-стилистической значимости может быть дана сквозь призму лингвистики текста: текст "необходимо признать действительной, т.е. основной, самостоятельной единицей коммуникации" (Колшанский, 1984, с. 43). При рассмотрении номинативных единиц в тексте лингвистика выходит за рамки их анализа с точки зрения формально-семантической таксономии, так как главный интерес представляет для нее динамика функционирования и порождаемых ею смысловых эффектов единиц в речи. Под таким углом зрения перемещается акцент и в изучении самой номинации: значимой становится не столько прямая, сколько косвенная, и не столько первичная, сколько повторная номинация. Повторная номинация как бы пронизывает текстообразование, вызывая к жизни цепочки номинантов, условием формирования и проявления которых является общая референтная отнесенность.

Данная статья посвящена изучению проблемных вопросов повторной номинации на материале субстантивной лексики немецкого языка и на базе текстов художественной прозы. Авторство текстов принадлежит таким известным писателям, как J. Brézan, B. Reimann, Panitz, Probst. Сам же характер материала - художественные тексты - обязывает к тому, чтобы обратить максимум внимания на раскрытие в ходе анализа того положения, что "подавляющее большинство слов и выражений с экспрессивной окраской - продукт вторичной или косвенной номинации" (Телия, 1986, с. 28), имеющей своей целью как более глубокое проникновение в сущность объекта, так и его эмотивно-экспрессивную, оценочную квалификацию (характеризацию). Именно этим обеспечивается не просто фотографическое отображение, а художественное освоение действительности, при котором в качестве мощного импульса формирования новых концептов на линии развертывания повторной номинации выступает перенос значений, в частности метафора. Она возникает из сосуществования в актуализации "двух параллельных систем представлений: о том, что обозначается, и с тем, что служит мотивом для данного номинативного свершения" (Телия, 1986, с. 82). Будучи способной совмещать несовместимое, метафора ассоциативно-образно выявляет новые признаки в познаваемом объекте и создает новые смысловые пласты в вербализуемых при ее посредстве понятиях. Благодаря этому ей, как и метонимии, предназначено занимать особое место в функ-

ционально-реализационной сфере повторной номинации художественных текстов.

В рамках каких единиц ведется текстовый анализ? В качестве операционной единицы анализа избирается микротекст. Микротексту как единице делимитации текста уделено достаточно внимания в новейшей лингвистической литературе, и самое существенное в его дефинициях сводится к тому, что под микротекстом должно пониматься некое смысловое единство — "функциональная часть текста" (Домашнев; Шишкина, Гончарова, 1983, с. 18), "единица делимитации текста", т.е. его "часть" или "текстема" (Колшанский, 1984, с. 98), "тематизирующая единица текста" (Блох, 1984, с. 21), "единство с коммуникативно-смысловым статусом", или "единица развития темы (гипертемы) текста" (Гвенцадзе, 1986, с. 135-136) и т.д. Не анализируя детально все эти определения, достаточно констатировать, что микротексту придается в целом статус функционально-смысловой ячейки текста, репрезентируемой единой по теме совокупностью высказываний. При попытках задать границы такой совокупности всякий раз возникают трудности, хотя объективно она, как считают исследователи, так или иначе лимитирована. И в данной статье понятию "микротекст" не приписывается границ объема: он осмысливается по параметрам относительной смысловой (субтематической) завершенности, относительной функциональной цельности.

За исходную концепцию анализа принимается следующее: в номинации, приобретающей в текстовом развитии характер повторной номинации, скрыт важнейший механизм функционирования языка, приводимый в действие не только объективной потребностью обозначения предметов речи, без чего вообще не может быть языкового выражения, но и чрезвычайно актуальной именно в художественном тексте необходимостью реализации авторских намерений и субъективных интенций внутритекстовых коммуникантов, вместе с их эмоциональным отношением и оценками, в безграничных по своему разнообразию контекстах. Поскольку же именно субстантивные единицы в наибольшей степени отвечают потребности именовать и способны выступать функциональными субститутами номинативных единиц всех других частеречных рядов, формировать в качестве стержневых слов описательные выражения по линии развития синонимии повторно-номинативных средств, тем самым концентрируя в себе максимум семантико-стилистического потенциала, то изучение их свойств и реализационных потенций на базе художественных текстов должно с

наибольшей адекватностью раскрыть динамику становления повторной номинации и прагмакоммуникативные установки номинационного процесса в конкретном тексте. Эта сторона языковой номинации особенно нуждается в тщательном исследовании, что подтверждают и на что нацеливают лингвистические работы (Колшанский, 1984; Вольф, 1985; Стернин, 1985; Телия, 1986; Уфимцева, 1986; Кубрякова, 1986 и др., а также сборники "Новое в зарубежной лингвистике" XIII, XIV).

Анализ целесообразно проводить как рассмотрение конкретных микротекстов под указанным углом зрения.

1. "Mutter", wandte sich Lena erregt an sie, "habt ihr das Kind wirklich diesem - diesem Hagen gegeben?" "Was hätten wir denn tun sollen, Lena?" meinte die Mutter bekümmert. "Wir können sie doch nicht hindern. Es ist doch schließlich ihr Vater. "Vater! Schöner Vater! ereiferte sich die Tochter. ... Vielleicht kommt sie doch dahinter, was für ein Lump er ist", meinte der Heger.

В границах проходящей через весь микротекст цепочки субстантивных номинантов главное понятие "Vater" получает повторное, частично квалифицирующее, хотя в основном идентифицирующее обозначение - "dieser Hagen". Далее используется негативная дескрипция "schöner Vater" (подобная приводившемуся в первой главе "хороший негодяй"), затем лицо характеризуется существительным "Lump" как членом цепочки, а тем самым в роли обобщающей повторной номинации с предикатной функцией выступает семантически яркое оценочное имя.

2. Gegen Morgen fielen Schüsse im Nachbargarten. Wilhelm fand die Toten, auf dem Rasen ausgelegt, zwei Kinder, die puppenhafte Frau und den Obergeringenieur. Pettinger war ein netter dicklicher junger Mann gewesen ... und Wilhelm hätte geschworen, daß dieser angenehme Nachbar, der zärtliche Vater seiner zwitschernden Vogelfamilie, nicht einmal wußte, wie man eine Pistole hält ... "Das Tier" sagte Wilhelm. "Zuerst hat er die Kinder erschossen".

На данном фрагменте можно наблюдать, как цепочка номинации развертывается от обозначения объекта сначала идентифицирующим именем собственным "Pettinger", затем идентифицирующе-характеризующей дескрипцией "dieser angenehme Nachbar", еще одной такой же дескрипцией "der zärtliche Vater ..." и в итоге - квалификативным косвенным номинантом "das Tier" (зверь), образно обобщающим негативную оценку, которая и окрашивает всю цепочку именованного лица.

3. "... mein Sohn ist nicht schlecht, es ist nur diese Frau, diese rote Sophia, die ihn mir so entsetzlich entfremdet hat. ... Alles habe ich mitansehen müssen, alles, auch dieses schamlose Weib, das sich ihnen an den Hals gehängt hat.

В границах повторной номинации здесь выступают сначала идентифицирующие дескрипции, а завершается цепочка стилистически маркированным (в сниженном регистре) генерализирующим именем "Weib", которое, в сочетании с определением и указательным местоимением, образует дескрипцию с предикатной функцией - "dieses schamlose Weib". Сама по себе синонимическая пара Frau - Weib не создала бы сильного различительного эффекта, без определения, которое и оказывает основное влияние на негативное осмысление образа адресатом. Вся же цепочка выполняет благодаря этому четкое прагмакоммуникативное назначение.

4. "Doch eine Granatwerfersalve erreichte die davonrasende Motorradpatrouille, tötete den Offizier und zwei andere der heimtückischen Mörder. "Jagt ihnen nach, packt sie im letzten Winkel!" schrie die rote Sophia als die Panzer stoppten. "Es sind Barbaren, sie müssen ausgerettet werden! Henkt sie, reißt sie in Stücke! Alle!"

Цепочка номинации развертывается, как видно, своеобразно: вначале употребляется генерализирующее имя - "die Motorradpatrouille", затем эта номинация идентифицируется в нарицательном имени "der Offizier" и неопределенной дескрипции - "zwei andere", которые сразу же квалифицируются оценочным именем с сильным негативным акцентом - "Mörder". Наконец, характеристика лиц снабжается еще более ярким оценочно-предикатным именем "Barbaren". Эта косвенная номинация, замыкающая цепочку, и предопределяет в наибольшей степени ее прагмакоммуникативный эффект.

5. "Das war nicht der Axel, den sie liebte! Dies hier war ein trockener, kluger, sehr verständiger junger Mann, aber er interessierte sie nicht".

В приведенном микротексте повторную номинацию обеспечивает генерализирующее имя "junger Mann", сопровождаемое качественной характеристикой в форме определительно-признаковых слов, точнее дескрипций ("ein kluger Mann", "ein trockener Mann" и т.д.). Именно в них потенциально заключен прагмакоммуникативный эффект, реально проявляющийся в виде положительного воздействия информации на адресата.

6. "Alles habe ich mitansehen müssen, alles, auch dieses schamlose Weib, das sich ihnen an den Hals gehängt hat: sie sprach voller Haß von der roten Sophia, die sie bettelarm aufgenommen habe, eine flüchtige Bekannte ihres Sohnes aus der Kriegszeit, eine dunkle, zwielichtige Existenz, ein Flittchen, ein heuchlerisches Weibsbild, das schließlich sein wahres Gesicht gezeigt habe.

Данный микротекст содержит номинационную цепочку, которая начинается с повторяющегося генерализирующего обозначения "Weib" в идентифицирующей функции, поскольку оно конкретизируется за счет детерминатива dieses, снабжается признаком за счет определителя schamlos, становясь дескрипцией. Косвенная номинация - "eine Bekannte ihres Sohnes" не завершает характеристики, ее продолжают оценочное имя "ein Flittchen" и оценочная дескрипция "ein heuchlerisches Weibsbild". Наличие неопределенного артикля в обеих последних номинациях подчеркивает их предикатный характер.

Итак, выбор обозначения объекта при повторном назывании подчиняется в функционирующем языке главной задаче - внутритекстовой идентификации объекта, но при этом с явно задаваемым, или неявным прагмакоммуникативным эффектом, что и подтверждают все рассмотренные примеры.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Блох М. Проблема основной единицы текста // Всесоюзная научная конференция "Коммуникативные единицы языка". - М., 1984. - С. 19-23.
- Гак В.Г. О семантической относительности языковых единиц // Тезисы докладов и сообщений на пленарных заседаниях Всесоюзной конференции по теоретическим проблемам языкознания. - М., 1974. - С. 23-29.
- Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. - Тбилиси: Изд-во "Танатлеба", 1986. - 315 с.
- Домашнев А.И., Шижкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. - М.: Просвещение, 1983. - 191 с.
- Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. - Л.: Наука, 1986. - 297 с.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984. - 175 с.
- Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. - Мн.: Вышэйш. школа, 1985. - 157 с.

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. - Л.: Изд-во "Наука", Ленинградское отделение, 1985. - 299 с.

Телия В.П. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. - 142 с.

Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принципы семиологического описания лексики). - М.: Наука, 1986. - 240 с.

PROBLEMFRAGEN DER ERSCHEINUNG DER MEHRFACHEN BENENNUNG
EIN- UND DESSELBEN OBJEKTS IN DER TEXTDARSTELLUNG

T. Glušak, L. Kopan

R e s ü m e e

Das sich wiederholende Auftreten mit der Neubenennung dabei ein- und desselben Objekts in der Textgestaltung gehört zu den wichtigsten Eigenschaften ihrer formellen und semantischen Seite. Im Rahmen eines künstlerischen Textes verbinden sich mit diesem Phänomen noch spezifische Aspekte der Textgestaltung, nämlich die Stilistik, die subjektive Modalität, die Intenz des Autors usw. Infolgedessen entstehen mehrgliedrige Benennungsketten (nominative Ketten) für ein- und denselben Gegenstand, die verschiedenartige Bedeutungen, semantische Schattierungen und stilistische Varianten einschließen und dadurch eine höchst wesentliche Rolle in der Formierung des entsprechenden kommunikativen Textinhalts spielen.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ВОПРОСОВ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(“ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ” МИР КЛАССИФИКАЦИИ)

Н.И. Голубева-Монаткина

1.1. Классификация может определяться как разбиение любого множества (класса) объектов на подмножества (подклассы) по любым признакам, может строиться по различным основаниям, что с неизбежностью влечет за собой различие самих классификаций. Также неизбежен выбор одной из предлагаемых классификаций или, при неудовлетворенности имеющимися, новая постановка классификационной задачи. Необходимость классификации вопросов возникает из-за отсутствия их общепринятой классификации.

Классификация - это два мира, мир “теоретический” и мир “эмпирический” (Воронин Ю.А., 1982, с. 10). Свойство и соответствующий ему класс являются двумя эквивалентными способами описать объекты. Связь между этими способами описания объектов, связь классификационного “теоретического” мира с “эмпирическим” стала особенно очевидной после применения в теории классификации карнаповских понятий интенционала и экстенционала. Экстенциональный аспект классификации несет информацию о том, как расчленены данные объекты на классы (таксоны), интенциональный - о том, каковы основания группировки классифицируемых объектов: “Сущность классификации ... - описание интенциональной структуры классификационного универсума, позволяющее ввести на соответствующем классификационном поле структуру таксонов” (Панова Н.С., Шрейдер Ю.А., 1975, с. 10. См. также: Панова Н.С., Шрейдер Ю.А., 1974; Шаталкин А.И., 1988).

Наша статья описывает “теоретический” мир, или интенциональный аспект, классификации вопросов русской диалогической речи, полученный с применением статистических методов исследования.

1.2. Проблема классификации вопросов является междисциплинарной - ею занимаются не только лингвисты, но и логики, философы, социологи ... В разных науках классификации вопросов строятся по разным основаниям⁺, и это является закономерным отражением как своеобразия классификационной за

⁺ Об основаниях классификации, далее Ок, см.: Розова С.С., 1986, с. 18-26.

дачи, так и многоаспектности самих классифицируемых объектов. По разным основаниям классифицируются вопросы и в пределах одной науки.

1.3. В лингвистике вопросы делятся на классы в соответствии с установкой говорящего в процессе коммуникации⁺: 1) вопросы чистые, собственно-вопросы, реальные, чисто-информативные и вопросы переходного - от вопроса к сообщению - характера, несобственно-вопросы (ОК: направленность-ненаправленность вопроса на выяснение неизвестного); 2) вопросы, в которых одинаково неизвестны разные компоненты ситуации; вопросы, в которых неизвестным могут быть разные компоненты ситуации и одно из неизвестных наиболее вероятно; в которых одинаково неизвестен факт наличия - или отсутствия действия, состояния, признака; вопросы, в которых неизвестное сопоставляется с тем, что уже известно; вопросы, в которых неизвестное в том или ином смысле уподобляется предшествующему и известному (ОК: содержание речевой ситуации, отраженной в неизвестном, и степень неизвестности неизвестного); 3) вопросы, передающие предположение, презумптивно-информативные, презумптивные, и вопросы, не передающие предположение спрашивающего (ОК: направленность вопроса на констатацию данного положения вещей) (см., например, Рестан П., 1966); 4) вопросы, выражающие констатацию противоположного, экспрессивное отрицание, риторические, силлогистические вопросы и вопросы, не передающие экспрессивного отрицания (ОК: направленность вопроса на констатацию противоположного положения вещей) (Аристотель, 1952); 5) вопросы, побуждающие к действию, и вопросы, не побуждающие к действию (ОК: направленность вопроса на побуждение к действию) (Есперсен О., 1958); 6) вопросы, устанавливающие или поддерживающие контакт с собеседником, и вопросы, не направленные на установление или поддержание контакта (ОК: направленность вопроса на установление или поддержание контакта с собеседником (см., например, Голубева-Монаткина Н.И., 1985, с. 103-111)).

Вопросы делятся на классы в соответствии с местом, занимаемым в вопрос-ответной последовательности: вопросы-повторения при ответе, эхо-вопросы и вопросы-перепросы, контрольные вопросы (ОК: принадлежность отвечающему, спрашивающему) (Брызгунова Е.А., 1977).

⁺ Вслед за Д. Уэнадзе и М. Гелашвили мы понимаем установку как выражение непосредственной связи системы "субъект-ситуация", как отношение между актуальной ситуацией и множеством альтернативно фиксированных установок данной ситуации (Гелашвили М.А., 1985). 19

В зависимости от отнесенности вопроса к компонентам ситуации или ко всей ситуации в целом (к тому или иному члену предложения или ко всему предложению в целом, к связи подлежащего и сказуемого) вопросы подразделяются на класс вопросов частных, частичных, специальных, вопросов к ядру, категориальных и класс общих, полных, коллективных, функциональных (Теньер Л., 1988).

По средствам выражения вопросы делятся на: 1) местоименные, с вопросительным словом и неместоименные, без вопросительного слова (ОК: наличие-отсутствие вопросительного слова); 2) альтернативные, разделительные, дизъюнктивные и неальтернативные (ОК: наличие-отсутствие части, присоединенной через или).

1.4. В логике среди вопросов различаются, в частности: 1) ди-вопросы, уточняющие, закрытые, альтернативные, прямые, определенные, пропозициональные, нексус-вопросы и какой-вопросы, восполняющие, открытые, косвенные, непрямые (ОК: логическая структура и познавательная функция; наличие пропозициональных альтернатив - наличие вопросительного слова; субъект вопроса предоставляет конечный список альтернатив непосредственно или путем отсылки к матрице) (Хинтика И., 1974; Белнап Н., Стил Т., 1981); 2) вопросы простые и сложные (ОК: невключение-включение в качестве составных частей других вопросов) (Кириллов В.И., Старченко А.А., 1987); 3) вопросы конъюнктивные, дизъюнктивные, смешанные (ОК: тип связи) (там же); 4) вопросы условные и безусловные (ОК: наличие-отсутствие в базе вопроса условной связи) (Старченко А.А., Волченко М.В., 1980); 5) вопросы многоместные (реляционные) и одноместные (ОК: количество вопросительных слов); 6) вопросы условные и гипотетические (ОК: время/наклонение глагола-сказуемого) (Белнап Н., Стил Т., 1981).

Логическим, но часто используемым лингвистами ОК является характер связи вопроса с ответом: существуют вопросы, на которые можно или должно ответить (речь идет, в основном, об ответе да, нет), и вопросы, которые такого ответа "не требуют", т.е. например, вопросы подтверждающие и восполняющие (Волченко М.В., 1984).

2.1. Классификационная гипотеза. Излагаемая в данной статье классификация вопросов строится по двум основаниям. Основания классификации формируются при рассмотрении вопросо-ответной последовательности в аспекте коммуникативной установки спрашивающего и отвечающего (первое основание) и в

аспекте средств выражения (второе основание). Эти основания обусловлены теми свойствами вопросов, которые дают возможность выделить классы свойств вопросов и самих вопросов на базе дихотомической оценки этих свойств (вопросы делятся на класс вопросов, имеющих данное свойство, и класс вопросов, не имеющих данного свойства), многозначные свойства могут быть естественным образом определены через бинарные (Шрейдер Ю.А., 1968). Эти свойства служат классообразующими значениями оснований классификации.

Анализ языкового материала и теоретической литературы по вопросам привел нас к предположению о классообразующем характере двадцати шести свойств (свойства, классообразующие значения далее называются критериями оценки вопросов).

Коммуникативное основание классификации позволяет оценить вопросы по двенадцати критериям (I-XII).

I-критерий собственно-вопроса (Кто приходил?; Таня звонила?), направленного на выяснение неизвестного компонента ситуации и обладающего "открытой" пропозициональной структурой (Конрад Р., 1985); II-критерий вопроса, в котором одинаково неизвестны разные компоненты ситуации: лицо, время, цель, причина действия (Когда же он придет?, Ваши планы на этот год?; Каковы должны быть мои первые слова? Товарищи? Граждане? Друзья?)⁺; III-критерий вопроса, в котором неизвестным могут быть разные компоненты ситуации и одно из неизвестных наиболее вероятно (Это кто же сказал? Толик?; Таня звонила?); IV-критерий вопроса, в котором одинаково неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака (Павел уехал?; Павел уехал или не уехал?); V-критерий сопоставляющего вопроса (вопроса, в котором неизвестное сопоставляется с тем, что уже известно) (А на такси?; А как же тогда?); VI-критерий уподобляющего вопроса (вопроса, в котором неизвестное в том или ином смысле уподобляется предшествующему, уже известному) (И на такси не успеете?; На такси тоже не успеете?); VII-критерий вопроса-побуждения к действию (Вы не могли бы открыть форточку? 'откройте (пожалуйста) форточку'); VIII-критерий вопроса-контактной формы (Видишь?; Вы думаете?); IX-критерий вопроса-повторения при ответе (С. Вы убили много львов, мсье Тартарен? О. Много ли я их убил?); X-критерий несобственно-вопроса, констатирующего данное положение вещей

⁺ Здесь и далее источники примеров не указываются.

(Тебе наверное не очень удобно/да?); XI-критерий несобственно-вопроса, констатирующего противоположное положение вещей (Кто себе зла желает? 'никто себе зла не желает'); XII-критерий вопроса с поясняющим значением (А Павел, он куда идет? 'куда идет именно Павел?').

Основание классификации, формируемое средствами выражения, позволяет оценить вопросы по остальным четырнадцати критериям (XIII-XXVI). Введение XIII-критерия Я-вопроса и XIV-критерия Ты-/Вы-вопроса обусловлено существующей многообразной асимметрией отношений между I-м, 2-м и 3-м лицами, отражающейся в вопросе (Тебе помочь?; Я тебе говорила Ваню утвердили?; Ты посидишь еще?); XV-критерий отрицательных частиц (не, нет) (Но вы там уже оформили/или нет еще?; Не пойдет ли кто со мной?) (Голубева-Монаткина Н.И., 1988); XVI-критерий вопросительного слова (Ну какая была обувь, например, на Руси?); XVII-критерий вопроса с или (часть, присоединенная через или, выполняет важную роль экспликации неизвестного (Голубева-Монаткина Н.И., 1988)) (Вы кашу сейчас хотите/или потом?); XVIII-критерий вопросительных частиц (Может ли это быть?); XIX-критерий некодифицированности вопроса, т.е. разговорного и просторечного вопроса (Что ж вы не подскажете, как ему в баню-то повернуть?; Ты чего супротив матери идешь?).

Критерии XX-XXVI базируются на тех средствах выражения вопроса, которые являются одновременно и средствами логического анализа. XX-критерий невозможности ответа да/нет на данный вопрос (Да спать-то, скажи, куда мне положить гостя, а?); XXI-критерий способа задания альтернатив (Это было убийство или самоубийство?); XXII-критерий множественности вопроса (Какие из мальчиков являются братьями каких девочек?); XXIII-критерий составности вопроса (Где находится город Тимбукту и каково его население?); XXIV-критерий гипотстического вопроса (Если бы вам надо было уйти, взяли бы вы с собой зонт?); XXV-критерий условного вопроса (Если вам надо было уйти, вы брали с собой зонт?); XXVI-критерий последовательности, или цепочки, вопросов (Почему он не приехал? Опоздал на поезд? Когда он приедет? Когда будет тепло?).

2.2. Проверка классификационной гипотезы. Ставится задача проверить пригодность перечисленных двадцати шести критериев оценки вопросов в качестве классообразующих значений классификации. Строится матрица вопросов, столбцы которой формируются перечисленными двадцатью шестью критериями, а

строки – двумястами шестьюдесятью вопросами (по каждому критерию вводится десять типичных вопросов). Каждый из двухсот шестидесяти вопросов оценивается по двадцати шести критериям. Полученная матрица обрабатывается статическими методами на ЭВМ (Гласс Дж., Стэнли Дж., 1976). С помощью расчета средних арифметических, стандартного отклонения, а также корреляционного анализа определяются характеристики частотности проявления и меры вариации результатов по данному критерию в отобранном массиве вопросов, связи каждого критерия с каждым другим и связи каждого вопроса с каждым другим.

Пригодными для построения классификации признаются лишь те критерии оценки вопросов, которые имеют заметно выраженные корреляции друг с другом. Расчет средних арифметических и стандартного отклонения, а также корреляционный анализ показали, что такими критериями из двадцати шести предполагаемых могут быть лишь следующие семнадцать: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXIII, XXV. Девять других – XXII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX – не имеют заметных корреляций с другими, являются в классификационном отношении слабыми и отбрасываются.

3. Построение классификации свойств вопросов. Классификация производится с помощью факторного и кластерного анализа (Лоули Д., Максвелл А., 1967; Мандель И.Д., 1988). Факторный анализ выявляет факторы, воздействующие на вариативность вопросов в матрице. Кластерный анализ позволяет получить автоматические классификации критериев оценки (т.е. свойств) вопросов и самих вопросов.

Корреляции критериев обусловлены преимущественным воздействием на отобранный массив вопросов шести факторов: первым контрастным (биполярным) фактором (Лоули Д., Максвелл А., 1967, с. 67-73) двух свойств собственно-вопроса (вопрос, в котором все неизвестные одинаково неизвестны, и вопрос, в котором неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака); вторым – собственно-вопроса, третьим – сопоставляющего вопроса, четвертым контрастным фактором не-собственно-вопроса и вопроса-повторения при ответе, пятым фактором средств выражения (вопросов с или и составных), шестым – вопроса, в котором одно из неизвестных наиболее вероятно. Факторный анализ позволил определить те критерии оценки вопросов и группы этих критериев, которые можно положить в основу классификации. Их список свидетельствует о том, что при классификации вопросов необходимо, прежде всего,

учесть коммуникативную установку спрашивающего. Факторизация матрицы показала также, что основными классами вопросов в этой построенной по коммуникативному основанию классификации являются класс собственно-вопросов и класс несобственно-вопросов.

При кластерном анализе выделилось восемь кластеров (или таксонов, классов ...). Первый кластер включает критерий собственно-вопроса (ср. фактор собственно-вопроса). Второй кластер – это критерии вопроса, в котором неизвестен факт наличия или отсутствия действия, признака, состояния, и способ задания альтернатив путем перечисления (ср. один из "полюсов" первого фактора контрастности двух типов собственно-вопроса). Третий кластер – критерии вопроса, в котором одно из неизвестных наиболее вероятно, и цепочки (ср. шестой фактор собственно-вопроса, в котором одно из неизвестных наиболее вероятно). Четвертый кластер включает критерии несобственно-вопросов – вопроса уподобляющего и констатации данного положения вещей (ср. один из "полюсов" четвертого фактора контрастности несобственно-вопросов и вопросов-повторений при ответе). Пятый кластер – это критерии 1) вопроса, в котором все неизвестные одинаково неизвестны, 2) вопросительного слова, 3) ответа (ср. один из "полюсов" первого фактора). Шестой кластер объединяет критерии сопоставляющего вопроса и вопросительных частиц (ср. третий фактор). Седьмой кластер – это критерии повторения при ответе и констатации противоположного (ср. один из "полюсов" четвертого фактора). Восьмой кластер – критерии вопроса с или и составности (ср. пятый фактор средств выражения вопроса). Результаты кластерного анализа, таким образом, подтверждают результаты факторного анализа.

Итак, проведенная статистическими методами обработка матрицы вопросов позволяет построить классификацию свойств вопросов, интенсионал классификации вопросов. Действительно существенным является лишь одно основание классификации – коммуникативное. Все вопросы делятся на класс вопросов, являющихся собственно-вопросами, и на класс несобственно-вопросов. Собственно-вопросы делятся на четыре подкласса: подкласс сопоставляющих вопросов; подкласс вопросов, в которых неизвестен факт наличия или отсутствия действия, состояния, признака; подкласс вопросов, в которых все неизвестные компоненты ситуации одинаково неизвестны; подкласс вопросов, в которых одно из неизвестных наиболее вероятно. Несобствен-

но-вопросы делятся на два подкласса: вопросы, констатирующие данное положение вещей, и вопросы, констатирующие противоположное положение вещей. Кроме того, существует класс вопросов, переходных от собственно- к несобственно-вопросам - уподобляющие вопросы, обладающие одновременно свойствами собственно- и несобственно-вопросов. Как представляется, эта классификация свойств вопросов может удовлетворить требованиям познавательной простоты и эффективности.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Аристотель. Аналитики первая и вторая. - М.: Госполитиздат, 1952.

Бернап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. - М.: Прогресс, 1981.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. - 3-е изд., перераб. - М.: Русский язык, 1977.

Волченко М.В. Логико-семантические средства формализации текста в вопросно-ответной последовательности. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. - М., 1984.

Воронин Ю.А. Введение в теорию классификаций. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982.

Гелашвили М.А. К вопросу семантики установки // Металогические исследования. - Тбилиси: Мецниереба, 1985.

Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. - М.: Прогресс, 1976.

Голубева-Монаткина Н.И. Французская диалогическая речь в сопоставлении с русской: (Вопросительное предложение). - М.: Высш. школа, 1985.

Голубева-Монаткина Н.И. Синонимические конструкции в русском диалоге // Русский язык в национальной школе. - 1988. - № 12.

Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. - М.: Высшая школа, 1987.

Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16. - М.: Прогресс, 1985.

Лоули Д., Максвелл А. Факторный анализ как статистический метод. - М.: Мир, 1967.

Мандель И.Д. Кластерный анализ. - М.: Финансы и статистика, 1988.

- Панова Н.С., Шрейдер Ю.А. О знаковой природе классификаций.
- НТИ. Сер. 2. - 1974, № 12.
- Панова Н.С., Шрейдер Ю.А. Принцип двойственности в теории
классификации. - НТИ. Сер. 2. - 1975, № 10.
- Рестан П. Вопросительное предложение, его формы и функции
// Скандо-славика. XII. - 1966.
- Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке.
- Новосибирск: Наука, 1986.
- Старченко А.А., Волченко М.В. Семантика вопроса в естественном
языке // Логико-методологические исследования.-
М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. - М.: Прогресс,
1988.
- Хинтика И. Вопрос о вопросах // Философия в современном
мире: Философия и логика. - М.: Наука, 1974.
- Шаталкин А.И. Биологическая систематика. - М.: Изд-во МГУ,
1988.
- Шрейдер Ю.А. Математическая модель в теории классификации.
- М.: ВИНТИ, 1968 (Межд. конгресс по научной информации.
Москва, 16-18 сент. 1968 г.).

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF QUESTIONS
IN RUSSIAN (THEORETICAL WORLD OF CLASSIFICATION)

N.I. Golubeva-Monatkina

S u m m a r y

The article describes a theoretical world (intentional aspect) of the classification of questions in Russian Dialogic Speech on the basis of application of statistical research methods.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЯЗЫКА И ВИДОВ РЕЧИ

В.Д. Ившин

Наличие в лексико-грамматическом строе любого языка множества качественно разных явлений было причиной появления различных грамматических учений и направлений в языкознании.

Одной из сложных проблем в познании сущности языка явилась и продолжает являться проблема различения понятий языка и речи. Это различение началось, очевидно, с высказывания Аристотеля в его "Первой аналитике", в которой слово "прóта-сис" отечественными переводчиками по-разному понималось и переводилось на русский язык¹.

Теоретическое разграничение этих понятий было по существу впервые произведено Ф. Соссюром, хотя отдельные высказывания языковедов, в том числе и русских, имелись по этому вопросу и раньше, но без специального описания и разъяснения (В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, Н.В. Крушевский, И.А. Бодуэн де Куртэнз и др.)².

Теория Соссюра о разграничении языка и речи послужила в свою очередь основой для создания ряда концепций о языке как средстве общения в отвлечении от конкретного применения и о речи как средстве общения с конкретным содержанием. Но примерно через двадцать лет после Ф. Соссюра англичанин А. Гардинер высказал на III Международном конгрессе лингвистов категоричное мнение о том, что термины "речь" и "язык" являются взаимоисключающими³. Этот тезис он отстаивал и позднее в других работах⁴.

История вопроса о разграничении понятий языка и речи представителями различных лингвистических школ и направлений достаточно подробно, на наш взгляд, изложена в специальной работе Т.С. Шарадзенидзе⁵. В общем плане представляется правомерным толкование понятий языка и речи в монографии В. А. Звегинцева о теоретической и прикладной лингвистике⁶, а соотношение языка и мышления - в монографии В.З. Панфилова⁷.

По нашему мнению, понятия языка и речи не являются взаимоисключающими, а являются соотносительными понятиями, определениями двух разных сфер состояния одной и той же лексико-грамматической системы, как правило, одинаково проявляющейся как в языке, так и в речи.

Язык - это общий способ существования и осуществления мысли, а речь - частное, индивидуальное (реже коллективное) проявление языка. Язык и речь - это функции высокоорганизо-

ванной материи. Это проявления мозга, которые возникают при столкновении человека с действительностью. Следовательно, деятельность мозга представляет собой отражение окружающей нас действительности. Поэтому странно искать в мозгу на нейронном или молекулярном уровне какие-то языковые склады слов, предложений и т.п., как это пытается представить себе Э.П. Шубин⁸.

Ни на каком уровне изучения, расщепления или просвечивания мозга мы не найдем в нем никаких полочек, на которых были бы разложены языковые и речевые знаки. Их там нет и быть не может, так как они — функционирование мозга. При изучении мозга на любом уровне (нейронном или молекулярном) исследователь будет обнаруживать лишь биологическую ткань особого строения. Точно так же невозможно и бесполезно пытаться обнаружить, например, искру в камне, поскольку она может возникнуть, т.е. быть высечена только вне камня и от удара о другой камень или иной более твердый металлический предмет. Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что бессмысленно искать мысль в мозгу, ибо мысль и функционирование языка — это результат деятельности мозга как функциональной системы, как высекаемая искра мозга, порождающаяся прерывно или непрерывно в течение какого-то отрезка времени при столкновении с действительностью, этим философским камнем в самом широком метафорическом смысле слова. Точнее говоря, из мозга исходят материальные биотоки, которые подобно радиоволнам несут в себе знаковые значения и которые преобразуются (тоже подобно радиоволнам) в материальные знаковые явления в виде языковых и речевых единиц (слуховых при устной речи, буквенно-знаковых при письме), которые способны при соответствующем восприятии вызывать мысль у слушающего или читающего. Только на основе этого постоянно порождающегося взаимодействия лингвистического знака и значения возможно взаимопонимание говорящего и слушающего, пишущего и читающего.

В связи с этим весьма актуально выделенное курсивом высказывание В.З. Панфилова в одной из его последних по времени работ.

"Проблема понимания в процессе общения возникает именно потому, что слушающий воспринимает не мысль своего собеседника как таковую, а лишь материальную, знаковую сторону языковых единиц, которая вызывает у него мысль, приближающуюся по своему содержанию к мысли говорящего в той степени, в ка-

кой у обоих собеседников оказываются общими те языковые значения, которые закреплены у каждого из них за материальной стороной языковых единиц, посредством которых выражается соответствующая мысль"⁹.

Согласно марксистско-ленинской диалектике общее (язык) проявляется в единичном, а единичное (речь) не исключает общего¹⁰. Поэтому различать и разграничивать эти понятия необходимо и притом не просто ради теоретического описания, а для более глубокого познания этих явлений и для более правильного пользования речью как средством общения и воздействия¹¹.

Однако следует различать не только "язык А" (в мозгу, т.е. мысль, не высказанную - *thought in brains*) и "язык Б" (т.е. мысль, фиксированную в тексте - *thought in the text*), как это предлагает делать А.Т. Кривонос¹², но также и "речь А", "речь Б" и "речь В", которые никогда не могут быть абсолютно тождественными.

Речь А - это физическая речь высказывания (*physical speech of uttering*), которая называется устной речью. Ее разновидностью является публичная (ораторская или лекционная) речь (речь А₁).

Речь Б - это статическая (неподвижная) речь в тексте (*static speech in the text*), которая называется письменной речью.

Речь В - это физическая речь воспроизведения (*physical speech of reproducing*), которая называется исполнительской речью (*performing speech*) или просто исполнением (*performance*) и которая возникает при преобразовании статической речи нашими органами речи при помощи зрения (при чтении вслух или при декламации, при пересказе по памяти и т.п.) в речь динамическую (подвижную), т.е. устную. Исполнение текста другим лицом всегда направлено на максимальное приближение к подлиннику высказывания автора текста. Как известно, именно перед исполнением текста (студентом, чтецом, актером и т.д.) делается предварительная разметка предложений интонационными знаками, постановка ударений и т.п. в учебных и иных целях.

Язык и речь функционируют одновременно и поэтому проявляют себя как соотносительные явления и понятия. Они постоянно переходят одно в другое. Их переходы обусловлены взаимосвязью мышления, языка и речи. Если основные исходные понятия языка и речи не являются взаимоисключающими, то можно полагать, что и их основные единицы - предложение (принадле-

жащее языку) и высказывание (принадлежащее речи) — также не являются взаимоисключающими (равно как и другие единицы языка и речи). Они беспрепятственно переходят одно в другое, с одного уровня (синтаксического) на другой (логико-коммуникативный) и наоборот. Это означает, что синтаксическая единица языка — предложение — может рассматриваться как интонационная величина (при синтаксическом разборе по членам предложения) и как интонационная (при разборе по членам высказывания, т.е. при актуальном членении). А высказывание (по диалектическому закону о переходе одних явлений в другие) всегда превращается из чисто интонационной речевой единицы в статико-синтаксический языковой знак, т.е. в предложение как синтаксическую единицу. Поэтому возможно говорить о членении этого синтаксического знака, т.е. предложения на логико-коммуникативном уровне, как интонационной единицы, т.е. как высказывания, не впадая при этом в противоречие или непоследовательность. Наличие некоторого или явного противоречия является непременным условием для диалектических переходов. Предложение может анализироваться и логико-грамматическом уровне (при разборе по членам суждения)¹³.

Следовательно, истинным предметом общего языкознания должно стать изучение соотношений языка и мышления, языка и действительности, языка и сознания, языка и речи¹⁴. Это обусловлено еще тем, что каждое из этих понятий (и явлений, которые обозначаются этими понятиями) имеет относительную самостоятельность и специфические черты. Более того, понятие одной только речи обнаруживает различные специфические свойства в зависимости от того, какая речь имеется в виду: письменная, устная, публичная (ораторская или лекционная) или исполнительская. Их характерные и отличительные свойства можно представить в виде схемы (см. след. страницу).

Собственно говоря, основной задачей в изучении языка и в обучении языку, родному или иностранному, должно стать обучение логически и стилистически правильному пользованию речью (в указанных четырех разновидностях), что и должно составлять предмет речеведения (speechology)¹⁵, этого частного и прикладного раздела языкознания. Поэтому проблема различения и соотношения понятий и единиц языка и речи имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

Приложение

Сопоставительная схема

отличительных свойств речи четырех разновидностей

№№ п/п	Устная речь (речь А)	Публичная (ора- торская или лек- ционная) речь (речь А _Г)	Письменная речь (речь Б)	Исполнительская речь (речь В)
1.	Диалогична по природе (может быть монологичной)	1.Диалогична	1.Монологична	1.Монологична и диалогична
2.	Ситуативна и реактивна в высшей степени	2.Ситуативна и реактивна	2.Слабо ситуативна, мало реактивна	2.Ограниченно ситуативна и реактивна
3.	Слабо организована, организуется в процессе общения	3.Спланирована и организована предварительно, но может перестраиваться в процессе общения	3.Организуется в ходе написания или спланирована и организована предварительно	3.Зависит от коммуникативного задания и построения текста и соответственно организуется исполнителем
4.	Свёрнута	4.Развёрнута (в разной степени)	4.Развёрнута (в разной степени)	4.Может быть развёрнутой и свёрнутой
5.	Необратима во времени	5.Фиксирована во времени в основном односторонне и в той части, если имеется готовый текст (рукописный, машинописный или иной)	5.Фиксирована во времени	5.Необратима, но повторяема во времени
6.	Избегает сложных конструкций	6.Допускает сложные конструкции и включает официальные стандартные фразы и лозунги	6.Допускает сложную конструкцию фразы	6.Целиком определяется структурами текста
7.	Допускает отклонения от нормы, оправданные ситуацией общения	7.Допускает отклонения от нормы в значительной степени или в единичных случаях	7.Строго нормирована, но не строго нормативна. Может быть и не строго нормирована	7.Строго нормирована, но может иметь вариации в понимании и толковании текста при чтении и т.п.
8.	Может быть тихой, громкой и т.п.	8.Может быть тихой, громкой и т.п.	8.Безмолвна	8.Может быть тихой, громкой и т.п.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- I. О переводах этого термина и о других смежных проблемах в связи с ним см.: Ившин В.Д. Коммуникативная перспектива предложения. - **ՁՅԵԵ** - Манце (Вестник АН Груз. ССР). Тбилиси 1970, № I, с. 151; он же: Коммуникативна перспектива речення. - *Известия филология*. Львов 1971, с. 61; он же: Проблема взаимоотношения мышления, языка и речи. - В кн.: Язык и речь. Тбилиси 1977, с. 180; он же: Актуальное членение простого предложения современного английского языка. Монография деп. в ИОИНИ АН СССР 17.8.1978 г., № 2458, с. 168, 497 и др.; он же: Коммуникативный синтаксис английского языка. М., 1982, с. 41.
2. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977, с. 26.
3. Gardiner A.H. The Distinction of "Speech" and "Language". - *Atti del III congresso internazionale dei linguisti, Firenze 1935*. В русском переводе: А. Гардинер. Различие между "речью" и "языком". - В кн.: Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. II, с. 13-20.
4. Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford 1951.
5. Шарадзенидзе Т.С. Проблема взаимоотношения языка и речи. Тбилиси 1971, 50 с.
6. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 94-III.
7. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, 232 с.
8. Шубин Э.П. Объективный язык и лингвистические теории. Доклад 30 сентября 1978 г. на III теоретическом семинаре языковедов Северо-Кавказской зоны "Проблемы общего языкознания" в ПГПИИЯ (г. Пятигорск).
9. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 97.
10. Подробно об этом см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 246, 249, 368.
- II. О речи и языке как средствах воздействия имеются специальные исследования или разделы в общих работах (за последние 25 лет). См., например: Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967; Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 72-93 и часть II; Костомаров В.Г. Некоторые осо-

- бенности языка печати как средства массовой коммуникации. На материале современной русской газеты. Автореф. докт. дисс. М., 1969; Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971; Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972; Киселева Л.А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия (на материале русского языка). Автореф. докт. дисс. М., 1973; Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977, с. 3-214.
12. Кривоносов А.Т. Некоторые вопросы соотношения языка и речи. Доклад 28 сентября 1978 г. на III теоретическом семинаре языковедов Северо-Кавказской зоны "Проблемы общего языкознания" в ПШПИЯ (г. Пятигорск).
13. Подробно об этом см.: Ившин В.Д. Указ. соч. - В кн. Язык и речь. Тбилиси 1977, с. 192-194 и 200; он же: указ синтаксис. М., 1982, с. 144.
14. Кривоносов А.Т. Открывает ли "трансформационная грамматика" новые горизонты в лингвистике? - ВЯ, 1977, № 5, с. 69.
15. Этот термин, кажется, впервые употреблен в одной из статей в журнале "Вопросы языкознания" в № 6 за 1977 г.
- К этому можно добавить, что для изучения звучащей речи, в частности с точки зрения правильной и однозначной коммуникации без излишнего терминотворчества, подходящими местами являются лингвистические конференции. Автор статьи, кроме выступлений со своими докладами и прослушивания многих докладов на пленарных и секционных заседаниях, вел попутно также наблюдение за речью докладчиков. Вот его участие за последние 15 лет: "Перевод научной и технической литературы как творческий процесс". Научно-технический семинар (14-15 октября 1975 г., Челябинск); "Проблемы перевода научно-технической литературы и документации". Научно-практическая конференция (май 1976 г., Минск); "Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания" (Москва, март 1977); "Проблемы общей и терминологической лексикографии". Научно-методическая конференция (Баку, июнь 1978); III теоретический семинар языковедов Северо-Кавказской зоны "Проблемы общего языкознания" (Пятигорск, сентябрь 1978); 7-е совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Душанбе, ноябрь 1979); "Совершенствование перевода зарубежной научно-технической литературы" (Ростов Великий, апрель 1980); Региональный теоретико-методический семинар "Языковые контакты в ас-

пекте культуры языка" (Рига, май 1981); Конференция "Методы и приемы перевода научно-технической литературы и документации" (Минск, ноябрь 1981); Седьмой Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, июнь 1982); Межвузовская конференция языковедов Северо-Кавказского региона на тему: "Языкознание и текст" (Краснодар, июнь 1982); Всесоюзная конференция "Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов" (г. Руза Москов. обл., сентябрь-октябрь 1982); Межвузовская научная конференция "Нормы реализации языковых средств" (Горький, сентябрь 1983); Научно-практическая конференция "Совершенствование перевода научно-технической литературы и документации" (Минск, декабрь 1983); Межвузовская научно-практическая конференция в Калужском филиале МВТУ им. Н.Э. Баумана "Пути совершенствования учебно-воспитательной работы вузов". Секция иностранных языков (Калуга, февраль 1984); 4-е совещание-семинар межвузовской проблемной группы "Семантика и прагматика языкового общения" (г. Калинин, январь 1985); Научно-практическая конференция "Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе" (Вологда, июнь 1986); Научная конференция "Структурно-семантические особенности текста и его единиц" (Харьков, май 1987); Научно-техническая конференция "Лингвистические проблемы научно-технического перевода" (Калуга, апрель 1988); Зональная научно-практическая конференция "Терминологическое обеспечение научно-технического прогресса" (Омск, июнь-июль 1988); Всесоюзная конференция "Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов" (г. Руза Москов. области, сентябрь 1988); Научно-технический семинар "Теория перевода и методика обучения переводу" (Калуга, апрель 1989); Научная конференция "Профессиональная направленность в обучении иностранным языкам" (Киев, сентябрь 1989); Межвузовская научно-практическая конференция "Сопоставительное терминоведение в практике обучения иностранным языкам, перевода и лексикографии" (Николаев, октябрь 1989); Республиканская конференция "Функционально-семантические исследования языковых единиц и вопросы методики преподавания иностранных языков в вузе" (Гродно, февраль 1990); Научный семинар-совещание "Проблемы научно-технического перевода и извлечения информации из зарубежных источников" (Ташкент, май 1990); Научно-практический семинар "Семантико-синтакси-

ческие трудности перевода научно-технической литературы и документации" (Калуга, июнь 1990); 2-ая конференция по интерлингвистике "Интерлингвистические аспекты языковых реформ и проблемы лингвоконструирования" (Тарту, октябрь 1990).

К этому можно добавить участие автора в научно-методическом совещании по совершенствованию преподавания английского языка как второй специальности на исторических факультетах педвузов (Псков, май 1976), в Областной научно-практической конференции работников высших учебных заведений (Калуга, январь 1982), на VIII Всесоюзной конференции по космической биологии и авиакосмической медицине (Калуга, июнь 1986), на Калужской историко-археологической конференции (Калуга, март 1989) и ежегодное участие, в том числе с четырьмя докладами, на Шестых - Двадцать пятых Чтениях, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского (Калуга, сентябрь 1971 - сентябрь 1990).

Языковеды должны в первую очередь чувствовать "загрязнение лингвистической среды" родного языка ненужными иностранными словами и терминами, должны противостоять этому и соблюдать чистоту языкового выражения мысли.

CORRELATION OF LANGUAGE AND SPEECH KINDS' NOTIONS

Vassilij D. Ivshin

S u m m a r y

At the very outset of the article short historical information on theoretical differentiating notions of language and speech is expounded beginning with Aristotle's notion of *ἁράσις*

In the author's opinion the notions of language and speech are not mutually exclusive but they are correlative notions, the definitions of two different spheres of state of one and the same lexico-grammatical system, which manifests itself, as a rule, equally both in language and in speech.

Further a thesis is being substantiated on generating thought in the human brain and the functioning of language as a result of brain's activity like a functional system when colliding with objective reality, as well as on the fact that language and speech function simultaneously and therefore they manifest themselves as correlative phenomena and notions. They constantly turn into each other, which is stipulated by interdependence and dialectical unity of thought, language and speech, and their units having only relative independence but specific features at the same time.

The notion of speech alone reveals specific properties of four varieties (oral, public, written and performative speech), each of which has eight distinctive characteristics that are adduced in the form of a diagram at the end of the given article.

АСИММЕТРИЧНЫЙ ДУАЛИЗМ ВАРИАНТНОСТИ ОЗНАЧАЮЩЕГО

Г.Е. Мальковский

По своей природе вариантность означает различие в частном при одинаковости в основном. Что именно оказывается чем из этих двух признаков в вариантах слова определено А. И. Смирницким:

"... для того, чтобы данные глоссы представляли собой варианты одного и того же слова, необходимо:

1. чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а, следовательно, выраженную лексико-семантическую общность;
2. чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних."

(Смирницкий А.И., 1954, с. 24).

Первое условие определяет семантику и морфологию вариантов слова, взятого в виде глоссы. Под глоссой А.И. Смирницкий понимал "... любую языковую единицу, представляющую собой одно определенное слово, в том или другом его варианте (если данное слово имеет варианты) и в одной определенной грамматической форме или же - в единственном его оформлении, если данное слово грамматически не изменяется." (Смирницкий А.И., 1954, с. 12). Глосса представлена не менее, чем в 2-х видоизменениях, которые имеют общий корень. Следовательно, вариантообразующими элементами могут быть фонемы и аффиксы, причем фонемные различия могут иметь место и в самом корне.

В пределах лексико-семантической общности мы будем рассматривать стилистически и семантически разнозначные варианты. Варьирование фонемами представлено тысячами: *comrade* /kɒmri:d / /kɑmri:d, /kɒmreɪd/ (Джоунз Д., 1964); не более одной тысячи вариантов обнаружено на морфологическом уровне: *labourist* = *labourite* - лейборист, член лейбористской партии (Гальперин И.Р., 1972, т. I). Варьирование фонемой осуществляется многочисленной, чем варьирование аффиксами, т.к. первые одноплоскостны, а связь вторых с семантикой затрудняет их равнозначную замену. (Мальковский Г.Е., 1963, с. 43-63; 1972, с. 98-120).

Во втором условии вариантности по А.И. Смирницкому указывается на асимметричный дуализм явлений на плоскостях вариантов. При этом мы неизменно обращаемся к основополагающей статье С. Карцевского "Об асимметричном дуализме лингвисти-

ческого знака", которую мы рассмотрим преимущественно с позиции вариантности.

"Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками." (Карцевский С., 1965, с. 85).

Естественно, что под знаком тут понимается его материальная плоскость, которая далее в статье С. Карцевского называется также "звуковой знак." В других местах этой статьи под знаком понимается также слово как комплекс материального и семантического. В высказывании С.О. Карцевского, а, вернее, в первой фразе заключена основная идея всей статьи, причем, последняя мысль относится к вариантам, поскольку они равнозначны. "Несколько функций" - это несколько значений данного знака, можно предположить, что это полисемия или омонимия.

"... Одно и то же значение выражается несколькими знаками - прямо относится к вариантам означающего. Знаки (в чисто материальном смысле) могут различаться полностью как абсолютные синонимы, которые особенно часты в терминологии названий рыб, минералов, лекарственных трав, например, одна и та же рыба называется "китайская лангеда, серiola, коронадо", (англ) "amberfish, yellowtail" (Котляр А.И., 1984, с. 144 (72)).

"Всякий знак является потенциально "омонимом" и "синонимом" одновременно, т.к. он образован скрещением этих двух видов мыслительных явлений". (Карцевский С., 1965, с. 85).

"Всякий знак" - это любой тип слова, в том числе и обычное полисемантическое слово, например:

arm I. рука и др., 2. передняя лапа животного, 3. рукав (платья) ... (Гальперин И.Р., 1972).

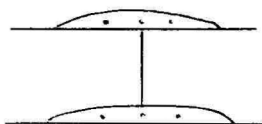
Схематически полисемантическое слово можно представить:

где дужка означает близость этих значений.

С.О. Карцевский понимает "омоним" и "синоним" как возможность развития плоскостей соответственно означаемого и означающего в широком смысле, и для отличия от традиционно точного обозначения он берет эти термины в кавычки.

Вариант отличается от синонима равнозначностью и неполнотой различия означающего при общем корне, что позволяет представить их схематически в виде:

Синонимы различаются корнями при известной семантической общности, например:

(Розенман А.И., 1980). Для синонимов невозможно составить схемы, аналогичной вышеприведенной, т.к. они связаны друг с другом все-таки экстра-лингвистически; это разные слова.

"Синонимический ряд имеет скорее логический характер, так как его члены мыслятся как разновидности одного и того же класса явлений. Однако число членов этого ряда не определено, ряд остается всегда открытым; даже если он существует в потенции, возможность введения данного значения в состав класса обязательно сохраняется." (Карцевский С., 1965, с. 87).

Вариантный ряд носит материальный характер, т.к. его члены являются разновидностями одного и того же исторически сложившегося комплекса звуков, этого означающего для данного слова. Остальная часть высказывания С.О. Карцевского в отношении открытости ряда справедлива для вариантов. Мы показали, что вариантные возможности слова недоиспользуются в практике языка; их полное использование представляет собой чисто теоретическое построение, а потому каждый вариантный ряд всегда оказывается открытым для пополнения, а безвариантное слово тем более всегда может нарастить вариант. (Мальковский Г.Е., 1986, с. 109-122).

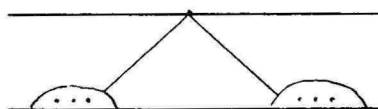
"... всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно." (Карцевский С., 1965, с. 87).

Мы бы хотели дополнить эту мысль: и вариантом, причем вариантов во много раз больше, чем синонимов, и их образование осуществляется быстрее и чаще.

Омонимия представляет крайний случай развития означаемого - полная разница в значении, а чаще несколько разных полисемантических комплексов.

I. I. страница	I. паж
2. перен. эпизод PAGE	2. мальчик слуга
П. Полиграф. полоса	3. служитель в законодательном собрании
- (Гальперин И.Р., 1972).

СХЕМА ОМОНИМА

Сопоставляя вышеизложенные схемы, осознаешь отличие такого типа слова как вариант от других типов лексических единиц в русле понятия асимметричного дуализма.

"Истинно новым, например, в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые." (Карцевский С., 1965, с. 86).

"Скрещение" - это соотношение явлений на плоскостях, на этих координатах. На схемах они представлены параллельными линиями, изображающими означаемое и означающее. Разные комбинации соотношений (а они показаны линиями, соединяющими эти параллели) создают то просто полисемантическое слово, то его вариант, то омоним и т.д. Действительно, схемы различаются только рисунком этих соединительных линий, причем полисемантизм присутствует во всех типах слов. Моносемантические слова очень редки.

"... природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично, и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе." (Карцевский С., 1965, с. 85).

Наиболее подвижно означаемое в бесконечности конкретных экстралингвистических ситуаций, хотя стержневое значение остается тождественным самому себе веками. Оно полисемируется по преимуществу. Общеизвестно, что практически новых морфем не создается, т.е. "координаты" не изменяются кардинально, а потому языковое творчество - это комбинирование имеющихся в языке элементов. Варианты, создаваясь замещением имеющихся в языке фонем и морфем по действующим моделям словообразования, новы в том смысле, в каком это описал А. М. Миклин:

"... даже перекомбинация существующих исходных элементов выступает одним из важнейших способов образования нового." (Миклин А.М., 1978, с. 86).

Варианты, ввиду своей равнозначности ничего не приносят для номинации, т.е. они не прагматичны. Возможно, что единственным случаем приспособления к конкретной экстралингвисти-

ческой ситуации является использование варианта в поэзии в ритмико-эмфатических целях, как мы это видим в эстрадной песенке:

"У Непту́на или Нептуна́

Есть седая борода ..."

Вариант порожден внутриязыковыми, скрытыми от непосредственного наблюдения потребностями. Знак (в материальном смысле) изменяется только частично своими второстепенными элементами: фонемами и аффиксами, оставляя без изменения корпус в целом. В этом выражается вариантность, а не принципиальность изменений слова. Следовательно, в общем и целом подвижность присуща означаемому в экстралингвистической ситуации и означаемому во внутриязыковой ситуации, но в обоих случаях не затрагивается основное: корневая морфема в целом и стержневое значение. Но следует указать, что, несмотря на это общее, вариантности в означаемом нет, а есть полисемия.

По своей идее то, с чем мы читаем у С. Карцевского:

"... мы знаем, что в зависимости от некоторых конкретных ситуаций такие различные значимости, как совершенный и несовершенный вид, могут потерять свое противоположение." (Карцевский С., 1965, с. 89).

осуществляется в вариантах в виде нейтрализации фонологичности вариантообразующих элементов слова — фонем и аффиксов. Тут уместно разобраться в вопросе, поднимаемом С. К. Шаумяном:

"Возьмем, например, в русском языке лексические дублеты: шкаф и шкaп, околоток и околодок, калиф и халиф. Здесь налицо фонологические оппозиции $f - p$, $t - d$, $k - x$, которые служат для различения соответствующих означающих, имеющих совершенно идентичные значения. Выходит, что разным означающим не обязательно должны соответствовать разные значения, и, стало быть, семантические критерии различия означающих могут приводить к ложным результатам. В самом деле, если исходить из семантических критериев, то мы должны считать означающие $skaf$ и $skap$ тождественными ввиду идентичности значений у слов шкаф и шкaп, но такой вывод противоречил бы определению фонологических оппозиций, согласно которому фонологические оппозиции есть звуковые оппозиции, служащие для различения разных означающих. Ведь если считать $skaf$ и $skap$ одинаковыми означающими, то мы с логической неизбежностью должны признать, что в

русском языке фонологическая оппозиция *f* - *p* не служит для различения означающих и что, стало быть, *f* и *p* не есть разные фонемы русского языка." (Шаумян С.К., 1962, с. 15).

Семантические критерии нужны в фонологии потому, что звучание (означающее) и значение (означаемое) неразрывно слиты в слово, и раздельное рассмотрение этих сторон может осуществляться только с оговоркой об условности такого подхода. Фактически же он невозможен ввиду того, что разрушается основа слова, его знаковость. То, что С.К. Шаумян называет лексическими дублетами, мы термилируем как варианты вслед за А.И. Смирницким. "Шкаф - шкап" - несколько неудачные примеры, т.к. они дифференцированы стилистически, т.е. фонологичность фонем осуществляется. Нас же интересует стилистически и семантически равнозначные варианты, т.е. такие как "околоток - околодок", "калиф - халиф" т - д, к - х и, добавляя сюда английские /s/ - /z/ заметим, что это разные фонемы, обладающие способностью создавать как смысловоразличительные, так и несмысловоразличительные оппозиции.

Фонологичность фонем	т - д, к - х, s - z
осуществляется	нейтрализуется
(отдельные слова)	(варианты слова)
ток - док	околоток - околодок
мак - мах	калиф - халиф
cause/kɔ:z/ - course/kɔ:s/	dismay /di'smei, diz-/
	(Джоунс Д., 1964)

Нейтрализация фонологичности лишь временна. Вариантный ряд это переходный период в создании другого слова, которое, приобретя свое семантическое значение, станет самостоятельным. Его означавшим будет один из нынешних вариантов. Возможно, что этот вариант и не приобретет этого нового значения и не перейдет в следующий период существования языка; это определится со временем и прогнозировать, какой из путей будет избран словом, невозможно. О таком положении свидетельствует история языка.

"... лингвистические значимости существуют только в силу своего противоположения друг другу. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошадей, ни рекой..." (Карцевский С., 1965, с. 86).

Лингвистические значимости действительно существуют в силу

своего противопоставления друг другу, но далее С. Карцевский переходит к понятийной сфере, несправедливо смешивая ее с лингвистической. Ведь в ямке речь идет о номинативе, для которой важно именно не сходство, давшее выход на противопоставленность: название "дерево" потому и служит знаком понятия "дерево", (я оставляю в стороне соотношение "понятие - значение"), что название (в смысле комплексов исторически слезшихся звуков) "дрв" отличается от него то не всеми звуками - фонемами, как англ. "go" и "bull", но их иным расположением этих фонем: "гом" - "мост".

"Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мысленные явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противопоставляются только внутри этих рядов..." (Карцевский С., 1965, с. 85).

Оперирова морфемами, С. Карцевский на примерах "стопа, стола, столу", "паруса, парусов...", "жена, жены ..." справедливо утверждает: "Только тогда, учитывая ряд, мы можем понять, какова дифференциальная значимость этой морфемы". (Карцевский С., 1965, с. 87).

О сходстве и различии вариантов говорится в определении А.И. Смирницкого: сходство в корне в целом и в семантике, различие - в остальных частях слова. Под "мыслимыми явлениями" подразумевается семантика, однако сказанное о них относится и к такому явлению означающего, как вариантность: члены вариантного ряда противопоставляются указанными частями внутри него на основе одинаковых своих частей при семантико-стилистической равнозначности. Вне ряда нет варианта слова, вариант существует только относительно другого варианта, т.е. члена вариантного ряда, а поэтому мысль С.О. Карцевского справедлива и не только для грамматализированных (-а, -у, -ы и др.) морфем, которые в его примерах однофонемны (-а, -у, -ы) и двуфонемны (-ов), но и для других морфем и фонем, что представлено нашими примерами вариантов.

Классическая работа С. Карцевского заслуживает внимания в разных своих аспектах, и автор будет удовлетворен, если его примеру последуют коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1969.
- Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. - М., 1972, т. 1-2.
- Джоунз Д. Словарь английского произношения. - М., 1964.
- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М., 1965, часть 2.
- Котляр А.Н. Словарь названий морских рыб на шести языках. - М., 1984.
- Мальковский Г.Е. Лексико-суффиксальные варианты слова в современном английском языке // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тареза, 1965, т. 29.
- Мальковский Г.Е. Свободное варьирование английскими фонемами // Вопросы фонетики и фонологии, 1972, вып. I.
- Мальковский Г.Е. Квазиомонимия и вариантность // Исследования по общему и сопоставительному языкознанию. - Тарту, 1986.
- Миклин А.М. Категория развития: трудности объяснения // Вопросы философии, 1978, № 3.
- Розенман А.И и др. Англо-русский синонимический словарь. - М., 1980.
- Смирницкий А.И. К вопросу о слове // Труды института языкознания АН СССР. - М., 1954, т. 4.
- Шаумян С.К. Проблемы теоретической фонологии. - М., 1962.

ASYMMETRIC DUALISM OF THE SIGNIFICANT'S VARIATION

Herold Malkovsky
S u m m a r y

The author arguing with S. Kartsevsky (see his paper "On asymmetric dualism of the linguistic sign") determines the status of the significant's variation as a kind of this asymmetric dualism. The variation row: 1) is material in its nature; 2) is open that is its variation opportunities are not used up completely; 3) is potential for every linguistic sign; 4) does not contribute to nomination being purely formal; 5) is necessary for the existance of variants because they must stand in comparison with each other.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛА

А.А. Мирский

Функциональный подход к языковым явлениям стал в последнее десятилетие основополагающим. Исследования в этом направлении образовали область наиболее интенсивно разрабатываемой проблематики. Во многих фундаментальных работах, выполненных в этом направлении, отмечается переключение интереса лингвистов со статического (системного) на динамический (функциональный) план языка, выдвинувшее функциональную лексическую семантику, как и функциональную перспективу предложения, реализации типов словообразования и др., в число весьма актуальных вопросов современного языкознания.

Но еще большую актуальность все эти вопросы приобретают в рамках теории функциональных стилей. Своеобразие функциональных стилей, как это признается лингвистами, должно выявляться на уровне специфических средств - в первую очередь на уровне лексики (Шендельс Е.И., 1973, с. 160; Riesel E., Schendels E., 1975, S. 161).

Понятие "функциональное" может быть узким и широким, когда в него включается функционально-стилистическая дифференциация языка, действующие в пределах функциональных стилей специфические нормы реализации языковых средств - лексических единиц, грамматических структур, а также их обобщенных категорий (классов, типов, моделей и т.д.). В таком функциональном освещении соответствующее явление предстает как "участок" общей функциональной картины соответствующего языка, фокусирующий взаимодействие факторов лингвистической (внутрисистемной) и экстралингвистической (социальной, коммуникативной) обусловленности.

В данной статье делается попытка проследить, как ведут себя лексико-семантические группы двухместных глаголов, структурирующие модели предложения современного немецкого языка с беспредложным объектом: (Mn - Vf - Na /o/; Mn - Vf - Ng /o/; Mn - Vf - Nd /o/)* в условиях текстовой реализации, имеющей функционально-стилистическую обусловленность. Речь пойдет о трех функциональных стилях современ-

---

* Символы обозначают: Mn, Ng, Nd - существительные в именительном, родительном и дательном падежах; Vf - финитный глагол; /o/ - объект.

менного немецкого языка - литературно-художественном, газетно-публицистическом и научно-техническом. На основе количественного анализа распределения лексико-семантических групп глагола в текстах названных стилей должны быть установлены стилиобъединяющие и стиледифференцирующие признаки в рамках изучаемого явления, а полученные данные должны быть соотнесены с общими закономерностями функционирования немецкого языка в его современном состоянии.

Для анализа строгая схема лексического расчленения глагола не задается: лексико-семантические типы (группы) глагола вычлениются в картотеке материала (15 000 предложений) с опорой на интуицию и с учетом работ Л.М. Васильева (1971, с. 40-96), Н.М. Мининой (1975, с. 10-17) и Н.И. Филицовой (1977, с. 22-167).

Результаты анализа конкретного материала по трем функциональным стилям современного немецкого языка приводятся в таблице I.

Таблица I

Частотность лексико-семантических групп глагола в моделях предложения на основе двухместных глаголов с беспредложным объектом (ГПС - газетно-публицистический стиль; СХП - стиль художественной прозы; СНП - стиль научного изложения)

Модели	Значение глагольной группы	ГПС %	СХП %	СНП %
Nn-Vf-Na/o/	а) действие, видоизменяющее объект	21,2	26,1	18,9
	б) действие, в результате которого предмет создается или возникает заново	16,8	17,4	12,7
	в) различные виды обработки и переработки материальных предметов	8,9	2,1	23,6
	г) перемещение объекта или изменение его положения в пространстве	3,4	16,8	13,7
	д) эмоциональное или моральное воздействие на человека	7,0	15,2	-

Модели	Значение глагольной группы	ТМО %	СУП %	СКИ %
Mn-Vf-Na/o/	е) виды действий, связанных с интеллектуальной или духовно эмоциональной сферами	33,7	10,5	1,8
	ж) прямое контактирование - приглашение, встреча	13,2	3,2	-
	з) принадлежность	10,1	8,7	29,9
Mn-Vf-Ng/o/	а) вид умственной деятельности	75,0	62,8	-
	б) вовлечение объекта в действие	25,0	5,6	-
	в) нехватка чего-либо, нужда	-	31,6	100,0
Mn-Vf-Nd/o/	а) восприятие через речь, проявление эмоций	13,0	17,3	2,8
	б) помощь, поддержка, содействие к.-л., ч.-л.	27,1	6,1	4,3
	в) прощение, отказ, отречение от ч.-л., к.-л.	4,1	9,2	-
	г) сопротивление, покорность, подчинение	8,7	3,8	2,4
	д) виды движения и процессов	3,3	1,2	14,7
	е) приближение к ч.-л., встречное движение, следование за к.-л., ч.-л.	4,9	6,3	8,5
	ж) удаление от объекта	11,3	17,1	4,8
	з) действие, опережающее объект	1,0	2,8	5,7
	и) присутствие при ч.-л., участие в ч.-л., присоединение к ч.-л.	9,2	6,9	1,4
	к) сходство, внешнее совпадение	10,1	6,3	34,7
	л) физическое состояние, состояние, связанное с различными видами восприятия или психической реакции на ч.-л.	5,1	10,2	7,4
	м) обладание, наличие в достаточном количестве или отсутствии у лица или предмета к.-л. признака	2,2	2,8	14,3

Как показывает таблица, лексико-семантические группы глаголов в разном объеме участвуют в образовании моделей.

В модели M_n-Vf-N_a /o/ в стиле газеты наиболее употребительны глаголы, обозначающие виды действий, связанных с деятельностью интеллекта или эмоциональной сферы (bewundern, besichtigen, wahrnehmen, betrachten и др. - 33,7%), и глаголы, выражающие действия, видоизменяющие (umgestalten, umformen, einhüllen и др. - 21,2%).

В стиле художественной прозы преобладают глаголы, выражающие действия, видоизменяющие объект (26,1%), и действия, в результате которых предмет создается или возникает заново (machen, herstellen, schaffen и др. - 17,4%).

В стиле научной прозы большим процентным показателем помечены глаголы с общим значением принадлежности (haben, besitzen, enthalten, gehören и др. - 29,9%) и глаголы, обозначающие различные виды обработки и переработки материальных предметов (23,6%).

Модель $M_n - Vf - N_g$ /o/ конституируется в стиле научной прозы глаголами со значением нехватки, нужды в чем либо (bedürfen) в стиле художественной прозы и газеты - большей частью глаголами, обозначающими какой-либо вид умственной деятельности (sich erinnern, sich entsinnen).

Предикат модели $M_n - Vf - N_d$ /o/ выражен в стиле газеты в большинстве случаев глаголами, обозначающими помощь, поддержку, содействие к.-л., ч.-л.; в стиле художественной прозы наибольшей частотностью характеризуется группа глаголов, обозначающих контакт через речь, восприятие, проявление эмоций (zuhören, lauschen, zuzufen и др. - 27,3%), а в стиле научной прозы - глаголы, обозначающие сходство, внешнее совпадение предметов (entsprechen, gleichen и др.) Относительно частотны в стиле научной прозы глаголы, обозначающие виды движений и процессов (entfallen, entspringen и др. - 14,7%), и глаголы обладания, наличия в достаточном количестве или отсутствия чего-либо (zukommen, reichen, fehlen и др. - 14,3%); в стиле художественной прозы относительно частотностью характеризуются глаголы со значением "удаление от объекта" (entgehen, sich entziehen и др. - 17,1%) и глаголы, называющие физическое состояние, состояние, связанное с различными видами восприятия или психической реакции на что-либо (einfallen, schwerfallen, beifallen и др. - 10,2%).

Самой низкой частотностью помечены в научном стиле гла-

голы со значением присутствия при чем-либо, участия в чем-либо, присоединения к чему-либо (teilnehmen, sich anschließen и др. - I,4%), в стиле художественной прозы - глаголы, называющие виды движений и процессов (I,2%), а в стиле газеты - глаголы, выражающие действие, опережающее объект (vorausgehen, vorgreifen, zuvorkommen и др. - I,0%).

Таким образом, модели предложения структурируются лексико-семантическими группами глагола при их неодинаковом удельном весе в разных стилях. В самой лексической семантике глаголов в стиле научной прозы наблюдаются явные тенденции к абстрактности: здесь очень мало глаголов конкретного действия. Если обратиться к частотным данным, то вырисовывается очевидная активность следующих категориальных рядов: а) глаголы стательного действия, выражающие длительное статическое состояние, б) глаголы реляционного действия, выражающие различного рода отношения, в) глаголы эволютивного действия, выражающие процесс, развитие, г) глаголы общерезультативного действия.

В стиле художественной литературы наблюдается активность следующих групп глагола: а) глаголы конкретного процессуального действия, конкретного физического действия или чувственного состояния, б) глаголы однократного действия.

Стиль же газеты занимает своеобразное промежуточное положение: он то сближается по одним показателям со стилем научной прозы, то обнаруживает ряд общих черт со стилем художественной прозы. Это не случайный вывод, исследователи часто обсуждают проблему "двойственного статуса" данного стиля (Брагина А.А., 1978, с. 71-72).

Такое распределение в стилях лексико-семантических групп глагола может получить обоснование, если принять во внимание специфику каждого отдельного стиля.

В стиле научной прозы, где описывается ход исследований, сам процесс исследования, результат исследования и т.п., план содержания включает раскрытие причинно-следственных связей между отдельными предметами и явлениями, аргументацию мысли, логизированную развернутость суждений и положений. Анализ и синтез в научных текстах взаимосвязаны и первый, собственно, необходим для получения второго, потому что назначение науки - вскрыть и сформулировать закономерности. В целом отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность, понятийная насыщенность стиля научной прозы предопределяют частотность глаголов реляционной семантики,

результативности, процессуальной статике (например: haben, bekommen, bilden, verlieren, dienen, gehören, entsprechen, и т.п.).

В стиле художественной прозы больше места занимают описания лиц, событий, действий и т.п. Поэтому преобладание в этом стиле глаголов конкретно-динамического плана (физического действия, эмоционального воздействия и др.) не случайно (например, schlagen, bewundern, lieben, reinigen, kaufen, tragen, voranschreiten, entlaufen и др.).

Газетный стиль сообщает о событиях и ситуациях, оформляя их в основном как действия и состояния, ведущие к результативности. Газета должна еще и воздействовать в определенном направлении на читателя, т.е. этому стилю свойственна функция воздействия (Виноградов В.В., 1963, 255 с.), предполагающая частичную экспрессивность. Здесь как бы оправдано наличие черт от каждого из двух других стилей.

Так, разница экстралингвистических предпосылок трех исследованных стилей мотивирует, несомненно, и внутривидовые языковые факторы, что находит свое непосредственное отражение в специфике лексико-синтаксического плана структуры предложения для каждого функционального стиля.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Брагина А.А. Синонимы и их истолкование // Вопрос языкознания, 1978, № 6. - С. 63-73.
- Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи, поведения): Дис. ... докт. филол. наук. - Л., 1971. - 320 с.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М., 1963. - 255 с.
- Минина Н.М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 1975. - 60 с.
- Филичева Н.И. Синтаксические поля. - М., 1977. - 213 с.
- Шендельс Е.И. Стилистические фигуры в грамматике (на материале немецкого языка) // Сб. научн. трудов I МГПИИЯ им. М. Горького, вып. 73. - М., 1973. - С. 160-165.
- Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. - М., 1975. - 316 S.

FUNKTIONALVERGLEICHENDE UNTERSUCHUNG DER LEXISCH-
SEMANTISCHEN GRUPPEN DES VERBS

Anatoli Mirsky

R e s ü m e e

Im vorliegenden Beitrag wird der Versuch unternommen, die Verteilung der lexisch-semantischen Gruppen in den Texten unterschiedlicher stilistischer Zugehörigkeit zu verfolgen. Die dabei gewonnenen Daten über die Häufigkeit der genannten Gruppen des Verbs ermöglichen es, differenzierende Merkmale der drei zu untersuchenden Funktionalstile der deutschen Gegenwartssprache festzustellen. Die quantitativen Angaben werden in unserem Beitrag in den Zusammenhang mit den allgemeinen Gesetzmäßigkeiten des Funktionierens der deutschen Sprache der Gegenwart gesetzt.

ТИПЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ

Н.В. Павлович

В основе этой статьи лежит мысль о том, что каждый словесный поэтический образ существует не сам по себе, а в ряду сходных, синонимичных образов, т.е. реализует некоторую семантическую модель, или парадигму. Существуют разные типы таких образных парадигм, которые и описаны в данной статье.

Словесный поэтический образ – это отрезок текста (от одного слова до нескольких строк), в котором сближаются (отождествляются) несходные (семантически далекие, несовместимые, в том числе противоречащие и противоположные) понятия, т.е. такие понятия, которые в нормативном общелитературном языке не сближаются.

Иными словами, образ – это некоторое противоречие, сходство несходного⁺. Сближаться при этом могут имена, свойства, предикаты, описания целых ситуаций. Примеры образов: холодожара (сближаются холод и жара), звезд булавки золотые (сближаются звезды и булавки), пуховый платок снегопада (сближаются снег и пух, снег и ткань), Туман нежности обволакивал горы тоски (нежность и тоска – туман и горы), И вера пролила спасительный елей в лампаду чистую надежды (вера и надежда – елей и лампада).

Парадигма образов есть устойчивый, т.е. реализующийся на поверхностном языковом уровне в ряде сходных образов семантический инвариант вида $X \rightarrow Y$, где X и Y – отождествляемые смыслы, а стрелка $\rightarrow$ обозначает направление отождествления в парадигме.

В таблице I приведен пример парадигмы образов "свет $\rightarrow$ сосуд", где "свет" – семантический инвариант языковых выражений: солнце, закат, рассвет, лучи, солнечный, звезды, звездный, луна, месяц и т.д., а признак "сосуд" – инвариант языковых выражений: чай, чаша, ковш, ведро, сковорода, блюдо, миска, посуда и т.д.

⁺ Такое понимание поэтического образа достаточно распространено, см., например, работы В.Б. Шкловского и П. Камината. Так: "Образ – это произвольное сближение двух или более означаемых, означаемые которых не находятся ни в какой "рациональной" связи в общепринятом смысле или в смысле аристотелевой логики" (Каминат, 1970).

Таблица I

 свет $\rightarrow$ сосуд^{*}

А в этом краю никто и не знал, что за луна такая, — все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз (Гончаров).

Тебе срываю месяц — чашу, / Холодный блеск устами пей (Белый).

В небе, налитая синим, косо стояла золотая чаша молодого месяца (Шолохов)

Луна лежала на струях, как огромное серебряное блюдо (Всев. Иванов).

...низкое солнце полированным медным тазом поползло по густой бирюзе (Лавренев).

Для тебя ведь солнце лишь миска с жиром жара (Шершеневич).

Я понял, что солнце из выси — / В колодезь златое ведро; О солнце, солнце, / Золотое, опущенное в мир ведро, / Зачерпни мою душу!; Не обронит вечер красного ведра (Есенин).

...Губы не срывая от звездных ковшов! (Клюев)

И Млечный Путь течет из кувшина (Луговской)

Как по синей по степи / Да из звездного ковша (Цветаева)

И отпила из звездного ковша / Моя ошеломленная душа (Казакова)

...Эту вечность лыщущая выпей / Из ковша Медведицы Большой! (И.Елагин)

Все — красные раки! Ой, много их, тоннами / По блидам рассыпал Зарный Час (мира рьяный стиль!), / Глядя, как повара, в миску дня, монотонными / Волнами лили привычные принасти. //

⁺ Звездочка обозначает обратимость парадигмы, т.е. тот факт, что для парадигмы $X \rightarrow Y$ существует обратная ей парадигма $Y \rightarrow X$. Так, парадигма сосуд $\rightarrow$ свет реализуется в образах: ...медный начищенный старинный (до катастрофы) таз, как солнце (А.Битов) ...и вот я вижу ее снова на кухне, повелевавшую сверкающим солнцем-тазом. Однако этот таз взмошел ненадолго (А.Битов) ...тетка в своей любимой китайской кофле с солнечным тазом, полным клубничного варенья (А.Битов).

Таблица I
(окончание)

Пришествие вечера! То не "стерлядь" Державина, /
Не Пушкина "грибли", не "чаши" Языкова! /
Пусть посуда Заката за столетия заржавлена, /
Пусть приехал поетам голос "музык" его; (Брюсов)

Веселый день горит... Но сад и пуст и глух./
Давно покончил он с соблазнами и пиром, - /
И маки сохлые, как головы старух, /
Осенены с небес связующим потиром. (Анненский)

Солнце красной половешкой (Вознесенский)

Солнце черной сковородко# (Вознесенский)

Подробнее понятие образной парадигмы освещено в (Павлович, 1987) и в (Автоматизация, 1988).

В зависимости от характера отождествляемых в парадигме смыслов X и Y можно выделить разные типы парадигм.

I. Парадигма типа "свойство → свойство"

Парадигмы этого типа основаны на отождествлении признаков, которые соотносятся как a и не-a. Все парадигмы этого типа образуются. Реализуются они, в частности, в оксиморонах, антитезах, контрасте, парадоксах и т.д. Примеры таких парадигм: положительный → отрицательный, светлый → темный, яркий → тусклый, возвышенный → низкий, легкий → тяжелый, горячий → холодный, интенсивный → неинтенсивный, живой → неживой и т.д. Вот ряд образов парадигмы "светлый → темный": несветлый свет, светит мгла, дневная тьма; и черный бел, и белый черен был; все будет чернее страшный свет; черное солнце, заря полунощная, черный млечный путь, черная заря, темные лучи, черное молоко, снег угля, черная береза, белая копоть, белая сажа, черный траур черемух, черная метель, белый ворон, темный ангел; Пусть светит месяц - ночь темна; И свет даришь тому, кто тьмой стеснен; День голубой, раб черной ночи и т.д. Описание таких парадигм см. в (Павлович, 1981).

2. Парадигмы типа "род свойства → род свойства"

Образы, порождаемые парадигмами этого типа, иногда называют "синестетическими". В таблице 2 приведены примеры.

Таблица 2

Парадигмы	Примеры образов
слух → зрение	Из палисадника, ленивый и желтый, как спелая дыня, выпал голос Фиозы Семеновны (Всеv.Иванов)
зрение → слух	...тишина темнела над степью (Паустовский) ...а у Ливанова - Ноздрева даже смех казался по-ярмарочному мясным, красного цвета (Г.Балл) Одноцветно затренькал глухой колокол (Л.Андреев) ...где в блаженном уснении цвели басисто-багряные георгины (Набоков) И красок звучные ступени (Мандельштам) Окрашена охраv хриплой (Мандельштам)
зрение → вкус	До оскомины зеленая долина (Мандельштам) Ложбину окисляет зелень сада (Ю.Мориц)
слух → вкус	У нее был хороший, сочный, сильный голос, и, пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, сладкую, душистую дыню (Чехов)
обоняние → зрение	то квадратный запах дубленой кожи ... или сырой и круглый запах рядов молочных (Мандельштам)
духовный → физический	Бросьте скуку, как корку арбузную (Высоцкий)
физический → духовный	И запах мазута, веселый и жгучий (Кушнер) Никакого светофора мы не нашли - парк был черен, как грех, которому он служил прикрытием (Набоков) ...горька морей трава / Ложноволосая - и пахнет долгой ложью (Мандельштам)

Все парадигмы такого рода обратимы.

3. Парадигмы типа "имя → имя"

В таблице 3 дан список признаков, которые могут выступать в роли X и У в парадигме X → У (типа "имя → имя").

Таблица 3

№	Условное при- обозначение знака признака	Пояснение признака
I	существо	человек, животное, птица, рыба, насекомое, божество
2	ткань	виды ткани, изделия из ткани, одежда
3	вода	море, река, океан, водоем, поток...
4	звук	шум, музыка, звон, скрип...
5	информация	слова, стихи, знаки, письмо, книга
6	орудие	оружие, инструменты, механизмы...
7	растение	цветы, деревья, ветви, листва, трава...
8	огонь	пламя, пожар, костер
9	пространст- венно- объемное	воздушное пространство (небо, туман...) земное пространство (поле, пустыня...) объемное природное (горы, холмы...) сооружения (строения, дома, церкви...)
10	еда	хлеб, соль, мед, сахар, салат, крупа...
11	плоды	фрукты, овощи, ягоды, семена, зерно
12	вещество	стекло, хрусталь, дерево, металлы
13	драгоценное	драгоценные камни, ювелирные изделия, деньги
14	сосуд	посуда, чаша, потир, блюдо, сковорода...
15	свет	солнечный (солнце, заря, восход...) лунный (месяц, луна) звездный (звезды, млечный путь, Веспер) искусственный (лампа, фонарь, люстра, свеча...)
16	экзистен- циальное	время, жизнь, судьба, случай, прошлое...
17	орган	части тела, организма (рука, глаза, кровь...)
18	ментальное	чувства, состояния, сознание, память
19	стихия	ветер, метель, гроза, тайфун...
20	социальное	революция, восстание
21	мир	противоположное "ментальному", также "челове- ку" ("я"), "информации"
22	природа	противоположное "ментальному", "сооружениям", "информации"
23	предмет	обозначение ряда особых "предметов", каждый из которых семантически уникален, не входит ни в какой класс (зеркало, лестница, паутина, крест...), задается списком.

Этому типу принадлежит приведенная выше парадигма свет → сосуд. Покажем, как укладывается в это пространство признаков некоторое реальное множество образов. В таблице 4 приведены парадигмы типа "имя → имя", реализующиеся в образах лунного света "лунный свет → У" (частный случай парадигмы "свет → У").

Таблица 4

---

1. Лунный свет → существо

л.с. → человек (страж, пастырь, пастух, свидетель, обходчик, жница, комиссар, дозорщик, всадник, врач): Но пастырь полночных эгад эфира, / Луне подобен - сладостный певец (Кихельбекер). Перепончата полночь, но месяц врачом / Совершает большие обходы (Луговской); (вождь, царь, царца): Царца тишины и сна, / Высоко поднялась луна (Баратынский), пред ним - серп лунный, вождь эфирный (Вяч.Иванов); (клоун, паяц, дурак, Пьеро, ворожея, кокетка, шапунья...): Выдлет месяц - небесный Пьеро, / Встанет красный паяц на юру (Блок).

л.с. → божество (бог, богородица, Селена, Диана, Сирена): И мурты спящие Селена осребряет (Жуковский) - Луна! Богородица всех измен (Цветаева).

л.с. → животное (ящерица, медуза, саламандра, конь, лошадь, теленок, ягненок, щенок, жеребенок...): Как мертвая медуза, всплыл со дна / Ночного неба месяц (Б.Лифшиц). Месяц огненной саламандрой вылез (Шершеневич). Ягненок кудрявый - месяц / Гуляет в голубой траве (Есенин).

л.с. → насекомое (паук, комар): уже месяц серебряным / Пауком затаился и идет (М.Ройзман). Я видел удивительную, красную, огромную луну, / подобную предпраздничному первому помятому блину, / а может быть, подобную ночному комару, что в свой черед / легко взлетел в простор с лесных болот (Окуджава).

л.с. → рыба (карась, лещ): Словно красный лещ, выплывала над степью луна (Всеv.Иванов). Ущербленный пятнистый месяц вдруг выплеснулся из-за гребня тучи, несколько секунд, блестя желтой чешуей, нырял, как карась (Шолохов).

---

2. Лунный свет → драгоценное

л.с. → драгоценные камни (изумруд, жемчуг, перл, янтарь, коралл, опикс, агат...): Озаряет ночная жемчужина / олеандровые лепестки (Набоков), месяц стыл / обломком матовым опикса (Белый).

л.с. → ювелирные изделия, знаки почета* (серьга, орден, медаль): Луна висала над двором, как дешевая серьга (Бабель). Исполинской медалью светит луна (Паустовский).

л.с. → деньги* (монета, полтина, золотой...): Луна холодеет полтиной (Пастернак). Монетой, плохо отчеканенной, / Луна над трубами повешена (Брюсов).

---

3. Лунный свет → орган

л.с. → лицо^ж (лик, рыло, рожа): Лунн ушербннй лик встает из-за холмов (Жуковский), лунное морщинистое рыло (Мартынов).

л.с. → голова (череп): Месяц встал рагрянной головой (Луговской). Луна голову вправила в венчик (Маяковский).

л.с. → глаза^ж (глаз, око, взор): Как лунные глаза светлы, и напряженно / Далеко видящий остановился взор (Ахматова). И когда луна за облака / Покатилась, как рыбий глаз (Тихонов).

л.с. → рог (сребророгий, златорогий, двурогий, круторогий, желторогий...): А сам глядит на лунный рог (Тарковский), Там вечером, - и нем, и строг - / Вставал над крышами пустыни / Коралловый, кровавый рог / В лазуревом, но душном дыме (Белый).

л.с. → клык: Клыкастый месяц вылез на востоке (Э.Багрицкий). Месяц висит / Клыка-тый (Луговской).

л.с. → грудь^ж: Белой грудью повисла опять луна (Всеv.Иванов).

л.с. → рука, палец, перст: Лазурью бледной месяц плыл / Изогнутым перстом (Блок).

л.с. → язык: Небо - как колокол, / Месяц - язык (Есенин).

л.с. → рот: Где на тугих ветвах / Кусал их лунный рот (Есенин).

л.с. → волосы (кудри, косы, усы...): Меж туч казаковал молодой желтоусый месяц (Шолохов), Пролой, как масло, / Власа луны / В мужичьи ясли / Моей страны (Есенин).

л.с. → ресницы: И несколько лунных ресниц у / Меня зажжелтели на плече (Шершеневич).

л.с. → слезы^ж: и месяц, как слеза, / прольется на цветы последние заката (Набоков), луна - зарева слеза - / где-то там в неизвестность / скатилась (Белый).

л.с. → кровь (рана, кровоподтек...): Красная, теплая, словно расплеснутая кровь, луна над скалами, потоками, дубами (Всеv.Иванов). Шотландии кровавая луна (Мандельштам).

л.с. → перья: На бугре береза-свечка / В лунных перьях серебра (Есенин).

---

4. Лунный свет → огонь

л.с. → огонь (пожар, зарево, пламя): красное, подобное пожару, зарево вставшего полного месяца разлилось по краю неба (Д.Толстой). И вот Луна, проснувшись в высоте, / Поит огнем кипучие приливы (Бальмонт).

Таблица 4
(продолжение)

---

5. Лунный свет → оружие

л.с. → серп, лезвие, алебарда, нож, клинок, сабля, резак, стрела, лопата^ж...: и луна сияла на нем, как кривое лезвие серебряной алебарды (Куприн). Я кладу в гильотину окна, / Никудышную, буйную голову, / Резаком упали, луна, / Сотни лет безнадежно тяжелая! (Шершеневич).

л.с. → лук (сребролукий): Вижу, вижу лунный лук / Сквозь листву густых ракет (Ахматова).

л.с. → клинья: Месяц кинул золотые клинья (Дуговской).

л.с. → транспорт:

а) судно (челн, ладья, лодка, фелука...)^ж: Твердь сечет луны серпчатой / Крутокормая ладья (Вяч.Иванов). Но месяц алмазной фелукой / Вдруг выплыл над встречей-разлукой (Ахматова);

б) колесо: И только месяц медным колесом / По вечерам катается по крыше (Исаковский). Колесом луны за мною / Ходит вечность в оправданье (Ю.Мориц);

в) аэро: На лунном аэро два рулевых (Шершеневич).

л.с. → щит^ж: Как щит в бою окровавленный, / Восходит полная луна! (Языков). Как всплывает алый щит над морем, / Издавна знакомый лунный щит (Брюсов).

л.с. → осветительный прибор^ж (лампа, фонарь, ночник...): И луна, как фонарь, / озаряла нас отсветом красным (Белый). И вновь / Луна / Чадит мне, как ночник (Мартынов).

---

6. Лунный свет → плоды^ж

л.с. → яблоко, ананас, апельсин, лимон...: Ночь, как дыня, / катит луну (Есенин). Над барабаном плавно качался перезревший апельсин луны (Эренбург).

---

7. Лунный свет → вещество

л.с. → серебро, платина, олово, сталь...: Старый дом зловеще гулок, / Бел под лунным серебром (Клюев). Обломком мертвленного олова / Плывет над городом луна (Б.Лифшиц).

л.с. → золото, медь, бронза...: И над лесом вечерещим / Стала медная луна (Мандельштам). Под бронзовым заревом поздней луны (Дуговской).

л.с. → стекло, хрусталь: и меркнул хрустальный серп на западе (Пильняк). Вскоре поднимается стеклянная луна (Пильняк).

л.с. → уголь: Месяц, как уголь, поднимается над дальним конпом делянки (Пильняк).

---

8. Лунный свет → ткань

л.с. → ткань (бархат, атлас, лен, флер...): луна поднималась полная, круглая, влажная, укутывая мир и город Ординни влажными бархатами и атласами (Шильник). Но мы с тобой знаем - луна-то льняная (Боков).

л.с. → изделия из ткани (багряница, риза, порфира, ковер, простыня...): узорчатые лунные ковры (Булгаков). И голубоватый снег простынный / Стелет прямо под ноги луна (Межиров).

л.с. → головной убор (шапка, камилавка)*: На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнуч под кустом (Есенин). За окном месяц - Божья камилавка (Клюев).

л.с. → обувь: Ты смотришь на лунный опорок, / Плывающий по сонной реке (Есенин).

л.с. → невод, сети: И влачит по заводям озерным / Белый челн, плывущий в небе черном, / Тусклый плен божественных сетей (Вяч. Иванов).

---

9. Лунный свет → вода

л.с. → река, паводок, поток, половодье, ручей, потоп, купель: Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны (Булгаков), да двор за окном белел, затопленный лунным половодьем (Шолохов).

---

10. Лунный свет → сосуд

л.с. → чаша, блюдо, таз...: Луна, лежала на струях, как огромное серебряное блюдо (Всеv. Иванов). Тебе срывает месяц - чашу, / Холодный блеск устами пей (Белый).

---

11. Лунный свет → еда

л.с. → хлеб (каравай, коврига, коржик, горбушка, сайка, колобок, блин...): Месяц в небе - / Словно сайка на столе (Некрасов). Луна скользит блином в сметане (Пастернак).

л.с. → сыр*: Сейчас луна напоминала большой закопченный круг горного сыра (Искандер).

л.с. → яйцо: Словно яйцо, расколотившись, скользнул / Месяц за дальним холмом (Есенин).

л.с. → масло (елей): Под широкой, словно кусок масла, луной (Всеv. Иванов). На грядки серне капуста волноватой / Рожок луны по капле масло льет (Есенин).

Таблица 4
(продолжение)

л.с. → мед: Луна пылает молодая, / мед каплет на мой жаркий мех (Набоков), и в черной чаше небосвода, / как золотая капля меда, / сверкает сладостно луна (Набоков).

л.с. → молоко: вышел на улицу, уже омытую козьим молоком федосийской луны (Мандалыштам). По счастью, в эту ночь, растерзанную молоком луны, Сидоров не проронил ни слова (Бабель).

л.с. → сосиска: И месяц повис, как оранжевая сосиска (Э.Багрицкий).

л.с. → вино (грог, пиво): Вино янтарное / В глаза струит луна (Есенин). Не грогом горячим, но киденьким пивом, / Луны подкисающей пеной / Обрызган Таллин (Тихонов).

---

12. Лунный свет → звук

л.с. → песня, смех, звонкость: Пронзительная, звонкая январская луна (Дуговской).

л.с. → музыкальный инструмент (скрипка, колокол, набат, пастушеский рожок): В синюю гладь / Окна / Скрипкой поет / Луна (Есенин). Когда же в ночь над городом луна / Гудит широким полевым набатом (Исаковский).

л.с. → струны: и полная встанет луна / И тонкие нити протянет, / чуть слышны, как струна (Дуговской).

---

13. Лунный свет → растение

л.с. → цветы²: Да в вышине, в небесной крепости, плавал месяц, как полнозрелый цветок кувшинки в заросшем осокой и лещуком пруду (Шолохов).

л.с. → сено, солома, стог: Месяц как охапка сена, подброшенная на вилы (Всев.Иванов).

---

14. Лунный свет → пространство

л.с. → бугор, солончак: месяц — обсохлым солончаком (Шолохов). Луна над крышей, как злат бугор (Есенин).

---

15. Лунный свет → воздушное пространство

л.с. → дым, туман, пар, мгла: И месяц медленно встает. / Все тени сделал он короче, / Прозрачный дым навел на лес (Бунин). Среде лунного тумана / я залу отыскал (Набоков).

---

16. Лунный свет → стихия

л.с. → дождь, ливень: Лунный ливень надо мной (Ю.Мориц).

л.с. → снег, пороша: Луна золотом порошек / Осыпала даль деревень (Есенин).

---

17. Лунный свет → ментальное

л.с. → сон: Как майская луна / На целый мир кидала обаянье / Несбыточно-восторженного сна? (Ап.Григорьев).

---

18. Лунный свет → предмет

л.с. → карты: И сияет месяц, как бубновый туз (Исаковский).

л.с. → окно: Месяц, как оконце, / Брезжит на погост (Клюев).
За озером луна остановилась / И кажется отворенным окном / В притихший, ярко освещенный дом (Ахматова).

л.с. → зеркало: Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне (Фет). И Люцифера лик восходит, / Как месяца зеркальный лик (Белый).

л.с. → циферблат: Нет, не луна, а светлый циферблат / Сияет мне (Мандельштам).

л.с. → маятник: как маятник, ходит луна (Ахматова).

л.с. → печать: Что небо звездное - песком / Посыпанный листок, / А месяц - красным сургучом / Оттиснутый кружок (Некрасов). И, как огромная печать за советским счастливым гербом, луна на синем звездчатом конверте. Печать, удостоверяющая истину, что в степи тишина и мир (Всеv.Иванов).

л.с. → заноза, соринка, щепка: Сутулный - он облит луной, торчащей там, наверху, как дерзкая заноза (Бабель). Лежит кусочек месяца / Колочен сориночкой (И.Малухаткин).

л.с. → гребень: Дай мне твои волосы / Гребнем луны расчесать (Есенин).

л.с. → поводья*: Месяц, всадник унылый, / Уронил повод (Есенин).

л.с. → шар, мяч, диск: Луна, тугая, как футбольный мяч, / Который в небо закатился на ночь (Мартынов).

л.с. → подкова: У месяца подковой (Божов).

л.с. → коромысло: Коромыслом серп двурогий / Плавно по небу скользит (Есенин).

---

4. Парадигмы типа "имя → свойство"

В таблице 5 представлены примеры парадигм этого типа для образов лунного света.

Таблица 5

1. Лунный свет → полный (круглый, толстый, большой)
л.с. → круглый, округлый, шар, диск, круг, клубок, пузырь...: Над рошей - красный диск луны (Блок).
л.с. → толстый, опухший, пухлый, жирный, откормленный, набухший...: Под эту жирную откормленную луну выходят, звеня копытцами, олени (Всеv.Иванов).
л.с. → большой, огромный, исполин...: Луны огромной Соломоновой / Слезам не выслал небосвод (Цветаева).
2. Лунный свет → ущербный (сломанный, худой, кривой, нездоровый...)
л.с. → осколок, обломок, отрезок, надломленный, зазубренный...: И светится месяца тусклый осколок, / Как старый зазубренный нож (Ахматова).
л.с. → худой, тощий, поджарый, щуплый, иссохший...: И под месяцем поджарым (Мандельштам). Под иссохшей этой луной / Ничего уже не заблестит (Ахматова).
л.с. → бедный, нищий: Полночная обедневшая луна вышла из-за далекой земли и осветила пески низким светом (Платонов).
л.с. → больной, инвалид, лихорадочный...: Озарены больным сияньем лунным (Бальмонт). Месяц восходил тихо и косообоко, как инвалид по лестнице (Шолохов).
3. Лунный свет → одинокий*
л.с. → одинокий, один, сирота, вдова, вдовствующий, пустынный: луна - эта круглая сирота (Исаковский). Как луна - одна, в глазу окна (Цветаева).
4. Лунный свет → обманчивый
л.с. → обманчивый, неверный, лживый, неправедный...: Я только голосом лебединым / Говорю с неправедной луной (Ахматова). В небетайно лживые / Лунные красы (Блок), о вас / Так ясно я мечтал в обманах лунных (Брюсов).

Таблица 5
(продолжение)

---

5. Лунный свет → мертвый^х

л.с. → мертвый, неживой, бездыханный, безжизненный...: Я вижу месяц бездыханный / И небо мертвейней холста (Мандельштам).
Всходила мертвая луна (Брюсов). Звучнее лес, безжизненной луна (Бунин).

---

6. Лунный свет → нагой^х

л.с. → нагой, голый, оголенный, обнаженный, лысый...: Голый блеск луны лился на него с неиссякаемой силой (Бабель). Оголенная луна висела высоко в чистом небе (Булгаков).

---

7. Лунный свет → обыкновенный

л.с. → обыкновенный, пошлый, казенный, примитивный...: Луна... Всегда одна - / Бледна и примитивна (Исаковский). Казенная спутница страсти по небу плыла / Луна неизбежная (Ап.Григорьев).

---

8. Лунный свет → необыкновенный

л.с. → таинственный, волшебный, магический, чары, обаяние...: Сны играют на просторе / Под магической луной (Тютчев). Под луны волшебным взглядом / Ты, как белое крыло (Клюев). Месяца желтые чары / Льют по каштанам в проресь (Есенин).

---

9. Лунный свет → изменчивый

л.с. → изменчивый, переменчивый: Полной луны переменчивый лик (Бальмонт).

---

10. Лунный свет → неизменный

л.с. → неизменный, вечный, старинный, неизбежный: Полный месяц встал над лугом / Неизменным дивным кругом (Блок). Ночью / Луна старинная идет над степью (Луговской).

---

11. Лунный свет → неинтенсивный

л.с. → бесстрастный, невозмутимый, спокойный, холодный^х...: Молода и прекрасна, / Безнадежно больна, / Смотрит на землю ясно / И бесстрастно луна (Ф.Сологуб). А надо мной спокойный и двурогий / Стоит свидетель (Ахматова).

л.с. → уставший, утомленный, изнемогающий...: Луна ... бледная, точно утомленная (Куприн). Как с перевязанной щекою истомленный человек, / Луна ущербная в небе крива (Н.Матвеева).

л.с. → тихий, кроткий, томный^ж...: И будет мне луны любезен томный свет (Лермонтов). И гордо-милые уста / дышали тихими, как лунный свет, речами (Тютчев). Так плачет кроткая луна (Ап. Григорьев).

л.с. → задумчивый: Беседует с духами, / С задумчивой луной (Батюшков). Задумчиво луна на тонкий пар глядит (Батюшков).

л.с. → дремотный, дремлющий, сонный...: лился дремотный свет луны (Тургенев).

л.с. → ленивый, скучающий: Лунный луч лениво протянулся (Ахматова). И месяц, скучая в облачной мгле... (Ахматова).

л.с. → немой, молчаливый, немеющий...: И, словно факел их унылых похорон, / Горела на небе луна немая (Кохельбекер). И месяц был один свидетель молчаливый (Лермонтов).

л.с. → медленный, медлительный, неподвижный: Медлительная луна выподала из-за туч (Бабель), Луна медлительно с полуночи восходит / На колеснице облаков (Тютчев).

л.с. → нерешительный: Но когда грозовую завесу / Нерешительный месяц рассек (Ахматова).

л.с. → легкий: потом солнце делалось красным, огромным и тяжелым, оно тонуло вдали, и легкая луна, как серебряная тень солнца, светила в измученное лицо стареющей матери (Платонов).

л.с. → слабый: Восходит слабый месяц. / Остался на ковре - и поправ изумруд (Ахмадулина).

12. Лунный свет → интенсивный

л.с. → страстный: луна, полная, круглая, влажная, как страсть (Пильняк).

л.с. → тяжелый: ...луна, / Сотни лет безнадежно тяжелая! (Шершеневич). Луна в три обхвата взошла над песками, / Тяжелая, медная, злая (Дуговской).

л.с. → дерзкий, наглый, назойливый...: Сутулый - он облит лунной, торчащей там, наверху, как дерзкая заноза (Бабель), месяц! ... и сдаётся мне, что устался он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... (Тургенев).

л.с. → сильный: Голый блеск луны лился на него с неяссякаемой силой (Бабель). Крепнут силой лунной / Неба паутины (Вяч.Иванов).

---

13. Лунный свет → безумный[†]

л.с. → безумный, сумасшедший, бессмысленный, неврастеничный: Где в мертвом воздухе оплотн из льда / Безумная Луна, не грея, освещает (Бальмонт). Выступила луна. От ее сумасшедшего света составы поездов казались еще более обгорелыми (Всеv.Иванов).

---

14. Лунный свет → холодный

л.с. → холодный, хладный, застылый, зябкий, морозный, прохладный, окоченелый, озябший, ледяной...: И хладная луна выходит из-за туч (Батшков), Сверху озябая светит луна (Есенин), тупотят копыта олени / под луною окоченелой (Асеев).

---

15. Лунный свет → отрицательный

л.с. → грустный, печальный, унылый, тоскливый[†]...: Выходит из-за роши / Печальная луна. / ...Луна, печальных друг! (Капнист). Вижу грусть луны (Ф.Сологуб), бледнеющий месяц, который восходит, весь красный, и выше возносит над городом свою бледно-палевую печаль (Белый).

л.с. → ужасный, жуткий, страшный, зловеший...: луна - гильотинная луть (Маяковский), Если плещется лунная луть, / Город весь в ядовитом растворе (Ахматова). Месяц по небу катился - зловеший фонарь (Блок).

л.с. → ядовитый: Как желтый яд, / Расплеснут ржавый свет луны (Дуговской). Лунных стрел яд (Цветаева). Зеленой магией лучей, / Как ядом залитых (Ахматова).

---

16. Лунный свет → положительный

л.с. → ласковый, нежный: Он не сводил глаз с узкого, нежного серпа (Куприн). Когда луна сверкнет во мгле ночной / Своим серпом, блистательным и нежным (Бальмонт). В парке мечтательном лунная нега, / Лунные ласки дрожат на листьях (Бальмонт).

л.с. → сладкий: Луна сладчайшая плывет в садовой кроне (Мориц).

л.с. → радостный: Полный месяц, словно очарован, / Высоко и радостно дрожит (Случевский).

[†] Ср.: "Луна была и оставалась светилом сумасшествия, тоски и неблагоприятия" (Шкловский, 1966, с. 218).

---

17. Лунный свет → ясный*

л.с. → ясный, чистый, прозрачный...: И месяц белый расцветает / На тверди призрачной - так чист! (Вяч.Иванов). Меж туч луны прозрачный челн (Брюсов). Прозрачность! Ты лунною ризо* / Скользнула на влажные лона (Вяч.Иванов).

---

18. Лунный свет → неясный

л.с. → неясный, смутный, темный, тусклый, дымный, тумачный...: За крыши прячется луна, / И потому, как дым, смутна, / Что на ущерб идет она, / И потому, что так темна, / Влюбленным нравится луна (Тарковский).

---

19. Лунный свет → несерьезный

л.с. → беспечный, шалящий, играющий, кокетливый, шаловливый...: и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блестящую, беспечную голову, бродяжит под окном (Бабель). Любят они луну-кокетку, которая бы нарячалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви деревьев (Гончаров).

---

20. Лунный свет → серьезный

л.с. → строгий: Там вечером, - и нем, и строг - / Вставал над краями пустыни / Коралловый, кровавый рог (Белый).

---

21. Лунный свет → глупый

л.с. → глупый, дурак: Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне (Пушкин). Видели как то месяц в колпаке, / И, ах, как мы смеялись! / "Бубенцы, бубенцы на дураке"! (Э.Гуро).

---

22. Лунный свет → торжественный

л.с. → торжественный, величественный: Какое-то бегучее величие / Стальной луны летит по темным саклям (Луговской). Из перламутра и агата, / Из запыленного стекла, / Так неожиданно покато / И так торжественно плыла (Ахматова).

---

5. Парадигмы типа "свойство → имя"

Существует множество образов типа "прекрасный, как...", "чиста, как...", "нежна, как...", "ясно, как...". Обычно они принадлежат парадигмам типа "свойство → имя". В таблице 6 приведены примеры таких парадигм.

Таблица 6

Простой → X

---

1. Простой → природа:

...о радости, простой, как крик птицы, как утренняя вода из колодца (Паустовский). ...были просты - как просто море (Паустовский). ...Проще рощ, и соловья, и Сольвейг (Н.Бенар).

---

2. Простой → оружие:

Там врезаются люди простые, как пилы, / В те дела, что совсем не просты (Тихонов). С лицом простым, как дуло "кольта" (Луговской). Чтобы стал я спокойным и ловким, / Как железные гвозди - простым (Тихонов)

---

3. Простой → вещество:

Все жизнью жесткою живем, как жезл, простой, / Без завитков и украшений (Кушнер).

---

4. Простой → еда:

Очень прекрасно и просто, как щи (Всер.Иванов). (...) и оно будет простым, как стакан лимонада (Пильняк). Надо ли говорить о том, что было все так же просто, как стакан чая? (Пильняк). Это так же просто, как двойная порция сливочного мороженого с горячим шоколадным соусом (Набоков).

---

5. Простой → предмет:

Мосты для сухопутных людей простал, как тарелка, вещь (Конецкий).

Таким образом, в статье описаны виды основных, т.е. элементарных, образных парадигм. Существуют еще парадигмы типа "предикат → предикат", "ситуация → ситуация", "свойство → ситуация". Они, как правило, включают в себя элементарные парадигмы. Частично их описание дано в (Автоматизация, 1988) и (Павлович, 1987).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Автоматизация подготовки словарей. Под ред. Н.В.Павлович. - М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Павлович Н.В. Машинный словарь поэтических образов. - В кн.: Лингвистические задачи и обработка данных на ЭЕМ. М.: ИРЯ АН СССР, 1967.
- Павлович Н.В. Семантика оксиморона: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1981.
- Щелковский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. - Т. I. - М.: Худож. лит., 1966.
- Caminate P. Image et métaphore. - Nancy, 1970.

TYPES OF PARADIGMS OF POETICAL IMAGES

Natalya V. Pavlovitch

S u m m a r y

The paper is based on the idea that poetical images have semantic models or paradigms. Different types of poetical paradigms are described with illustrations from Russian poetry and prose.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. Подольская

Пространственные отношения и способы их выражения в различных языках не раз становились предметом лингвистических исследований. Это и понятно, ибо пространство (место) представляет собой важную философскую категорию. Предметы находятся в пространстве, всякое действие происходит также в пространстве. Это не означает, однако, что пространственные отношения находят выражение в поверхностной структуре каждого предложения. Более того, функция локатива не всегда входит и в семантическую структуру предложения. Ее наличие обязательно в семантической структуре предложения с локативным глаголом. Локативными считаются такие глаголы, в ролевую структуру (падежную рамку) которых входит локатив (Anderson, 1971, p. 83).

Как уже отмечалось в литературе (см., например, Черский, 1986, с. 112), до сих пор нет четкого определения понятия локатива, нет также единства мнений исследователей в отношении количества семантических ролей (падежей), выражающих пространственные отношения. Ч. Филлмор в своих исследованиях использует термин "локатив" для выражения любого пространственного отношения на семантическом уровне (Fillmore, 1968, p. 25), а также термины "начальная точка" (source) и "конечная точка" (goal) (Fillmore, 1971, p. 376), которые позволяют более точно определить семантическую структуру предложений. Наиболее логичным представляется рассматривать семантическую функцию локатива как ролевую по отношению к таким функциям, как местоположение, точка отсчета, маршрут, начальная, промежуточная и конечная точки (Жолобов, 1984, с. 10). У разных исследователей имеются количественные и терминологические различия при выделении видов локатива (см., например, Lapinskas, 1989, p. 51).

У. Чейф предпринимает попытку выделить класс локативных глаголов. В результате исследования он приходит к выводу, что только глаголы, обозначающие состояние, являются органически локативными. Сюда принадлежат *in*, *on*, *under*, которые в традиционной грамматике считаются локативными предлогами. Так, в предложении *The cat is on the roof*, по мнению У. Чейфа, *on* - локативный глагол, *roof* - локатив, глагол *be* - элемент только поверхностной структуры, но не семантической

(Chafe, 1970, p. 159). Вопрос относительно роли глагола *be* в семантической структуре предложения не новый (см. Bach, 1967; Lyons, 1968; Anderson, 1971) и имеет сугубо теоретическое значение. Весомым аргументом в пользу точки зрения У. Чейфа служит отсутствие глагола *be* "быть" в поверхностных структурах предложений в некоторых языках, например, в русском: "Книга на столе", "Нож в коробке", "Кошка на крыше".

Что касается глаголов, обозначающих процессы, действия и действия процессы, они, по мнению У. Чейфа, могут быть превращены в локативные деривативно, т.е. путем добавления к глагольному корню так называемого локативизатора (*in(to)*, *under*, *off* и др.). Так, в предложении *Tom fell off the chair* локативный процесс обозначен глаголом *fall off*, который представляет собой сочетание нелокативного глагольного корня *fall* с локативным глагольным корнем *off*. Причем этот производный глагол - явление уровня семантической структуры, а не только поверхностной (Chafe, 1970, p. 162).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет наблюдение У. Чейфа относительно различий семантических структур предложений, которые внешне не отличаются. Так, предложение *Tom threw the ball behind the house* может иметь две интерпретации, о чем свидетельствует и перевод на русский язык: 1. Том закинул мяч за дом; 2. Том бросал мяч за домом. В первом случае, по мнению У. Чейфа, имеется производный локативный глагол *throwt behind*, а во втором два отдельных глагола: глагол *throw* обозначает действие-процесс, а глагол *behind* - локативное состояние. Второе предложение означает примерно следующее: Том был за домом, когда он бросал мяч (Chafe, 1970, p. 163).

Такой анализ позволил У. Чейфу разграничить локативные и нелокативные глаголы. В семантическую структуру предложения *Tom threw the ball behind the house* в первом значении входит семантическая роль "конечная точка"; действие направленное. Семантическая роль "местоположение", которая выражена в предложении во втором значении, не входит в ролевую структуру глагола *throw*; она нерелевантна для его значения. Дело в том, что любое действие происходит в пространстве, которое может быть выражено в предложении, но совсем не обязательно: *They played football (in the yard)*; *She danced (on the stage)* и т.д. Таким образом, если при глаголе, обозначающем действие или процесс, получает фор-

мальное выражение семантическая функция "местоположение", это еще не означает, что глагол локативный, тогда как присутствие в предложении элемента, выражающего семантическую функцию "конечная точка", как правило, характеризует глагол как локативный. Если же семантическая функция локатива, как начальная или конечная точка, так и местоположение, входит в ролевую структуру глагола (его падежную рамку), то глагол локативный.

Рассмотренные выше два значения предложения, а также семантические роли "местоположение" и "конечная точка" есть проявление очень важного противопоставления типов пространственных отношений по признаку статики/динамики, или местоположения/направления. Это различие семантического уровня и поэтому существенно для многих языков, хотя способы выражения могут быть различны.

В следующих двух предложениях пространственные отношения противопоставляются по признаку статики/динамики: *The ball lay on the floor* (статика); *The ball rolled from Jane to Mary* (динамика) (Anderson, 1971, p. 119). Во втором предложении выражена не только конечная точка, но и начальная (исходная). Это предложение можно представить в виде двух: *The ball rolled to Mary* и *The ball rolled from Jane*. В обоих предложениях выражено пространственное отношение направления; противопоставление здесь по признаку позитивное/негативное. Позитивным называется направление к предмету, а негативным - от предмета (Quirk, 1982, p. 136). В значении глаголов типа *roll*, обозначающих процесс или действие, входят обе семантические роли "начальная точка" и "конечная точка".

Кроме того, пространственные отношения противопоставляются по признаку "внешнее/внутреннее", т.е. в зависимости от того, где находится (или куда направлен) предмет: на поверхности другого предмета или внутри него. Это деление проводится внутри двух ранее выделенных оппозиций, и, таким образом, выделяем шесть типов пространственных отношений.

Задача данного исследования - проследить, насколько последовательно выделенные типы пространственных отношений выражаются в трех неродственных языках (английском, русском и эстонском) и выявить регулярные соответствия в способах выражения.

Исследуемые языки различны по своему грамматическому

стров: английский язык - аналитический, русский - синтетический, эстонский - агглютинативно-синтетический. Поэтому, естественно, способы выражения локативных отношений в этих языках будут отличаться. В английском используются синтаксические средства - предлоги и порядок слов, в эстонском - преимущественно падежные окончания и отчасти предлоги и послелоги, в русском языке используются как падежные окончания так и предлоги, а точнее: предлог вместе с падежным окончанием. Само по себе различие между предлогом/послелогом и падежным отношением не так существенно. Дж. Андерсон предлагает для любого из этих способов выражения использовать один общий термин, например, "функциональный элемент" или "маркер" (Anderson, 1971, p. 5). Более важным представляется изучение тех сложных взаимоотношений, которые существуют между семантическим отношением и внешним маркером, а также выявление соответствий и несоответствий в исследуемых языках.

В эстонском языке имеется шесть локативных (местных) падежей, каждый из которых передает одно из шести рассмотренных выше пространственных отношений. Это следующие падежи: инессив, адессив, иллатив, аллатив, элатив, аблатив. Далее приведем наиболее регулярные способы выражения в английском и русском языках, соответствующие каждому из этих падежей.

Эст. инессив	<u>toas</u>	русск. <u>в комнате</u>	англ. <u>in the room</u>
эст. адессив	<u>laual</u>	русск. <u>на столе</u>	англ. <u>on the table</u>
эст. иллатив	<u>teatrisse</u>	русск. <u>в театр</u>	англ. <u>to the theatre</u>
	<u>karpi</u>	<u>в коробку</u>	<u>into the box</u>
эст. аллатив	<u>lauale</u>	русск. <u>на стол</u>	англ. <u>on (to) the table</u>
эст. элатив	<u>toast</u>	русск. <u>из комнаты</u>	англ. <u>out of the room</u>
	<u>koolist</u>	<u>из школы</u>	<u>from school</u>
эст. аблатив	<u>laualt</u>	<u>со стола</u>	<u>off/from the table</u>

Таким образом, очевидно, что в эстонском языке все шесть отношений находят четкое выражение при помощи падежных окончаний. Оппозиция "внутреннее/внешнее" выражена при помощи противопоставления агглютинативных суффиксов -s /-l, каждый из которых присутствует в трех падежах и в сочетании с окончанием -e передает позитивную направленность, а вместе с -t - негативную. В русском языке предлоги "в/на" передают противопоставление "внутреннее/внешнее". Оппозиция "статика/динамика" выражена противопоставлением предложного и винительного падежей. Негативное направление выражено при помощи

предлогов "из" (внутреннее) и "с/со" (внешнее), употребляющихся с родительным падежом существительного. В английском языке не всегда четко прослеживается различие между статическим и динамическим аспектом, что уже было показано выше на примерах из работы У. Чейфа. Предлоги *in* и *on*, например, используются для обозначения как местоположения, так и конечной точки, хотя имеются и предлоги, выражающие только направление: *into*, *onto*, *to* (позитивное направление) и *from* (негативное). Противопоставление пространственных отношений по признаку "внутреннее/внешнее" передается предлогами *in/on*, *into/onto*, *out of/off*. Не столь четко выражена эта оппозиция при употреблении предлогов *at*, *to*, *from*. Сравним следующие случаи употребления предлогов: *to go to prison/to be in prison*, *to go to school/to be at school*, He sailed from Europe to Canada / *to be in Europe (in Canada)*, He drove from (out of) France into Belgium (одна страна граничит с другой) (Leech, 1983, p. 68, 186). Различие в значении предлогов *in* и *at* не сводится к оппозиции внутреннее/внешнее. *At* употребляется в том случае, когда местоположение представлено в виде точки: *My car is at the cottage*, *Our plane refuelled at London on its way from New York to Moscow* (London - точка на карте). (Quirk, 1982, p. 137-138). Оба предлога могут выражать нахождение внутри пространства, при этом *at* указывает на то, что это учреждение. Сравним следующие предложения: *He works at the post office* но *I left my purse at/in the post office*; также *He studies at Oxford*, но *He lives at/in Oxford (= the city)* (Leech, 1983, p. 69).

В эстонском языке, кроме специальных местных падежей, пространственные отношения могут быть выражены словосочетанием "существительное в генитиве + послелог". Между этими конструкциями и соответствующими формами местных падежей наблюдается отношение эквивалентности, например: *Poiss võttis õuna korvist*, *Poiss võttis õuna korvi sees* / Мальчик взял яблоко из корзины / *Poiss pani õuna korville*, *Poiss pani õuna korvi peale* / Мальчик положил яблоко на корзину (Rätsep, 1978, lk. 45).

Исследование показало, что в некоторых случаях статический локатив в одном языке соответствует динамическому локативу в другом: *to remain in the room* (где?), остаться в комнате (где?), но *tuppa jääma* (куда?); *to find in the forest* (где?), найти в лесу (где?), но *metkast leidma* (откуда?), *to buy in the shop* (где?), купить в магазине

(где?), но *kauplustest ostma* (откуда?). Различие в способах выражения пространственных отношений, по-видимому, объясняется тем, что одна и та же ситуация по-разному представлена на семантическом уровне: либо в виде конечной или начальной точки, либо как местоположение, т.е. место, где происходит действие.

Наблюдаются также некоторые отклонения от регулярных соответствий в способах выражения оппозиции "внутреннее/внешнее" пространственное отношение в исследуемых языках. Обычно суффиксу *-s* в эстонском языке соответствует предлог "в" в русском и *in* (реже *at*) в английском, а суффиксу *-l* - соответственно "на" и *on*. Рассмотрим следующие случаи, являющиеся исключением из этого правила: *jaamas* (инессив) - на вокзале - *at the station*; *põllul* (адессив) - в поле, *in the field*; *maal* (адессив) - в деревне - *in the country*; *väljakul* (адессив) - на площади - *in the square*; *vabrikus* (инессив) - на фабрике - *at the factory*. Данные несоответствия, вероятно, обусловлены грамматическими факторами, действующими в каждом языке, но в отдельных случаях не исключено и влияние семантического фактора.

В заключение следует отметить, что типы пространственных отношений, выделенные в результате применения оппозиций "статическое/динамическое" (отношение), "позитивное/негативное" (направление), "внутреннее/внешнее" (отношение), лингвистически релевантны для всех трех исследуемых языков. Способы выражения этих отношений различны, но имеются некоторые соответствия. Изучение таких регулярных соответствий в способах выражения пространственных отношений, а также отклонений от них, имеет важное значение в практике преподавания любого из этих языков как иностранного.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Жолобов С.И. Семантика и функционирование английских глаголов, обозначающих определенно-направленное перемещение в пространстве / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Калинин, 1984. - 15 с.
- Черский А.Ю. Понятие локатива и ориентира в семантической интерпретации локативной ситуации // Лексическая семантика и части речи. - Ленинград, 1986. - С. III-II6.
- Anderson J.M. *The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory.* - Cambridge: University Press, 1971. - 244 p.

- Bach E. "Have" and "Be" in English Syntax // *Language*, 1967, v. 43, N 2, part I. - P. 462-483.
- Chafe W.L. *Meaning and the Structure of Language*. - Chicago and London: The University of Chicago Press, 1970. - 360 p.
- Fillmore C.J. *The Case for Case // Universals in Linguistic Theory*. - N.Y., 1968. - P. 1-90.
- Fillmore C.J. *Types of Lexical Information // Semantics*. - Cambridge, 1971. - P. 370-392.
- Lapinskas S. *Zur Problematik des semantischen Kasus Lokativ // Paradigmatic and Syntagmatic Investigations in Germanic Languages. Abstracts of the Conference*. - Vilnius, 1989. - P. 49-51.
- Leech G., Svartvik J. *A Communicative Grammar of English*. - Moscow: Prosveshcheniye, 1983. - 304 p.
- Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. - Cambridge: The University Press, 1968. - 589 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A University Grammar of English*. - Moscow: Vyssšaja škola, 1982. - 391 p.
- Rätsep H. *Eesti keele lihtlausete tüübid*. - Tallinn: Valgus, 1978. - 263 lk.

SOME WAYS OF EXPRESSING LOCATIVE RELATIONS

Ludmila Podolskaya

S u m m a r y

The article looks at some ways of expressing locative relations in such non-cognate languages as English, Russian and Estonian, which are also different in their morphological structure. These means vary in the three languages under consideration, yet there exists a certain correspondence between them. The aim of the article is to reveal regularities and irregularities in expressing various types of locative relations.

Л Е К С И Ч Е С К А Я   П О Л И С Е М И Я В   Э В О Л Ю Ц И О Н Н О М   А С П Е К Т Е

А. А. ПОЛИКАРПОВ

1. Намекательный способ общения является наиболее общим, базовым семиотическим феноменом. Он действует как в коммуникации животных, так и в коммуникации человека. Он вытекает как из невозможности "спиритуалистического процесса переселения готовой мысли из одной головы в другую" [Кацнельсон, 1977, с.107], так и из отсутствия необходимости делать это. "Мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается, и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью" [Поливанов, 1968, с.296].

Экономный способ передачи информации с помощью "необходимых намеков" возможен в условиях определенной избыточности любой ситуации общения, на основе учета отправителем и получателем всех релевантных обстоятельств, сопутствующих акту общения, в т.ч. и взаимной осведомленности о коммуникативных целях и намерениях партнера.

Подчеркнем, что способность человека правильно понимать, верно интерпретировать направленные ему знаки и последовательности знаков, несомненно определяется и личностными, присущими только данному индивидууму моментами восприятия, но, главное, типовыми, присущими роду, коллективу, группе. Типовые, повторяющиеся способности индивидуумов к верной интерпретации знаков определяются, во-первых, генетически задаваемыми константами человеческого восприятия и мироощущения вообще, во-вторых, сходством условий существования индивидуумов в данном этносе и более мелких коллективах, в-третьих, их постоянным обменом опытом интерпретации тех или иных знаков и знаковых последовательностей, взаимным языковым обучением в ходе любого акта общения. Это, в частности, и приводит к формированию у всех полноценных членов данного языкового коллектива относительно идентичных наборов типовых способов порождения и опознания объектов, выполняющих роль знаков, и наборов стандартных, воспроизводимых интерпретаций знаков, представляющих в виде системы значений, в виде полисемических структур, присущих каждому из используемых знаков.

Язык в этой системе представлений - это относительно стандартная, повторяющаяся в основных своих чертах в памяти каждого члена коллектива ассоциативная сеть. Основной ячейкой этой сети является пара, образуемая вероятностно связанными между собой, с одной стороны, эталонной моделью физического посредника общения, знака, а с другой стороны, системным набором соответствующих ему значений, полисемической структурой.

2. Полисемическая структура любого знака не падает с неба, а является результатом ее ассоциативного развития от какого-либо исходного значения, т. е. того понятия, которое в какой-то момент, момент рождения слова, было соединено с данным звучанием (или написанием). Причем, от исходного значения все прочие значения могут развиваться как последовательно друг из друга, образуя цепочечную полисемическую структуру, так и только из одного исходного значения, образуя радиальную структуру. Возможна и комбинация двух этих типов структур. Возможен также и такой путь (или, точнее, этап) развития, когда путем обобщения одного из центральных значений знака в радиальной структуре формируется т. наз. "общее значение", стоящее уже не рядом, а над всеми (или многими) значениями языка, воплощая в себе некоторую общую, связующую их идею.

Каждое значение полисемического набора знака, являясь одной из возможных типовых его интерпретаций, может служить промежуточной ступенью к конечной, окказионально-индивидуальной смысловой интерпретации знака.

Каждая из окказиональных интерпретаций при условии ее повторяемости, принятия коллективом и использования в качестве промежуточного звена при намеке на какие-либо другие смыслы может стать новым самостоятельным значением в полисемической структуре знака.

3. Есть ли какие-либо закономерности становления системы значений у слова, семантического развития лексической системы в целом? Попытка поставить эти вопросы содержалась в наших докладах, прочитанных на конференции в Тарту в 1988 г. [Поликарпов, 1988б; Поликарпов, Каримова, 1988]. Представления о механизме этого процесса сформировались сейчас в виде модели жизненного цикла слова.

Исходным компонентом этой модели является допущение о семантическом потенциале слова. Каждое слово, появляющееся в языке,

обладает определенной, присущей только ему способностью к ассоциативно-смысловым переходам, взаимодействию с другими образами в сознании человека. Эта способность, названная нами семантическим потенциалом слова, делает возможной языковую коммуникацию, а также обуславливает принципиальную возможность семантического развития каждого знака и, соответственно, исторического развития языка в целом. Развитие осуществляется на основе закрепления, социализации через механизм взаимного обучения коммуникантов некоторых возникающих в тех или иных актах коммуникации ассоциативных переходов от имеющегося значения к каким-то похожим на него внеязыковым образам, придании им статуса значений. Т.е. каждый из знаков, входя в язык для обозначения сначала, как правило, какого-то одного класса коммуникативных явлений (т.е. будучи при рождении, как правило, однозначным) может в ходе его последующего употребления последовательно реализовать свой ассоциативно-семантический потенциал в виде наращивания числа своих значений *.

Реализация потенциала одновременно означает и его расходование. Вследствие этого переход слова из одной полисемической области в другую (т.е. приобретение словом каждого нового значения) отнюдь не равновероятен, постоянно тормозится, и тормозится тем сильнее, чем большим количеством значений слово уже обладает. На каком-то этапе семантический потенциал слова исчерпывается, развитие слова останавливается.

4. Исчерпание потенциала семантического развития слов, замедление темпа образования новых значений слов при движении слова во все более высокие полисемические зоны (вплоть до полной оста-

-----
* Оговорка "как правило" связана с тем, что если иметь в виду действительно новые лексические единицы, а не категориальные формы уже существующих слов (типа: радиophobia - радиophobic), то им почти на 100 % присуща и исходная однозначность. Но даже новым категориальным формам слов в большинстве случаев свойственна однозначность как результат ограничения в новом производном дополнительными морфемами возможной сферы референтной отнесенности слова. Проблема действительно "чистой" лексической единицы, в которой как в инварианте сливаются разные семантически не разошедшиеся слова, рассматривалась в работах [Борода, Поликарпов, 1984; Поликарпов, 1988а; Каримова, 1989; Каримова, Поликарпов, 1989].

новки на определенном этапе) подтверждается на материале русского языка при анализе данных словаря "Новые слова и значения" [Поликарпов, Каримова, 1988] и на материале "Дополнения" к "Большому Оксфордскому Словарю" (наши неопубликованные данные). Косвенные предварительные данные на этот счет в настоящее время у нас имеются еще по испанскому и финскому языкам.

5. Если бы можно было снять варьирующее влияние культурно обусловленного объема смысловой области, которая должна покрываться словарем данной общности, а также влияние на объем словаря типологической принадлежности данного языка (относительно более аналитические языки должны по типологическим причинам, как было отмечено выше, обладать относительно более ограниченным словарем), то можно было бы ожидать, что средний семантический потенциал слов одного национального языка в сравнении со словами любого другого языка должен быть одним и тем же, универсально-константным. Это связано с тем, что способность слов к ассоциативным переходам при прочих равных исходных условиях связана только с ассоциативными характеристиками человеческого мозга, которые можно признать относительно идентичными у разных народов, в разные эпохи.

Типологически обусловленная вариативность среднего семантического потенциала слов выражается в том, что каждая лексическая единица более ограниченного словарного состава более аналитического языка в сравнении с более синтетическим должна быть в среднем более нагруженной значениями [Поликарпов, 1979], темп продвижения каждой из них во все более полисемические области должен быть более высоким, абсолютный максимум полисемии тоже должен быть пропорционально более высоким.

6. Из весьма очевидных предпосылок прогнозируется также и явление градуального изменения качества значений, последовательно появляющихся у слов в ходе их семантического развития. Основное направление развития здесь следующее: от предметности - ко все более выраженной признаковости, абстрактности, широкозначности и далее - к служебности (специализированной широкозначности).

7. Этот прогноз предварительно подтверждается нашими данными по русскому и английскому языкам. Однако налицо потребность проведения широких исследований лексики по этой характеристике.

Одно из важных следствий, вытекающих из явления качественно-го развития последующих значений в семантической структуре слова в сторону все большей их отвлеченности, универсальности, заключается в факте относительно более высокой частоты употребления каждого нового значения слова в сравнении с частотой ранее появившихся у слова значений. Действительно, чем менее предметными, менее специфическими, более широкими по своей денотативной отнесенности становятся последующие значения, тем в более широком круге ситуаций и контекстов общения каждое из них может выступать в качестве намекаелей со все большей общей частотой. Этот прогноз подтверждается всё тем наличным эмпирическим материалом, представляющим собой данные о корреляции частотных и полисемических характеристик слов разных языков - русского, английского, французского, немецкого, эстонского, финского, вьетнамского и др. [Zirg, 1945; Guiraud, 1954; Поликарпов, 1976, 1979; Андрукович, Королев, 1977; Тулдава, 1979; Köhler, 1986; Арапов, 1988]. Все указанные источники свидетельствуют о более быстром росте частоты употребления слов, чем соответствующем росте их полисемии, а это и означает, что каждое последующее значение слов в ходе их полисемического развития является в среднем все более употребительным, частотным.

Вместе с тем, нуждается в объяснении обнаруженный нами, но не прогнозированный на основе каких-либо общих соображений, факт замедления темпа роста частоты, приходящейся на одно значение, при движении от слов однозначных к мало- и среднезначным, а потом, наоборот - роста этого темпа при движении от значений среднезначных слов к значениям многозначных. Этот факт, по всей видимости, может быть объяснен как результат резкого различия в частотных свойствах знаменательных (предметных и конкретно-признаковых) и служебных (специализированно широкозначных) значений слов. Если со среднезначной области удельный вес знаменательных значений начинает заметно падать, а удельный вес служебных значений у слов начинает заметно расти, то понятно, почему заметно меняется и закон связи частоты с исторически порядковым номером появления значения слова (что и предстает в конце концов в виде изменения закона связи частоты слова и общей величины его полисемии).

8. В связи с качественной эволюцией последовательно появляющихся у слова значений от предметности к признаковости и, далее, к служебности может прогнозироваться и наиболее активное вхождение значений среднеполисемичных слов в синонимические и антонимические отношения. Этому должна способствовать их признаковая (качественная) природа. Значения малозначных слов еще слишком предметно-конкретны, значения многозначных слов уже слишком служебно-абстрактны, чтобы входить в тонкие или полярные противопоставления (в чем и заключается сущность синонимии и антонимии).

Результаты нашего анализа русского и английского материала подтверждают этот прогноз.

9. Прогноз может быть сделан и в отношении относительной предрасположенности значений слов разных полисемических зон к их фразеологическому переосмыслению, т. е. к образованию от них фразеологически связанных значений. Логика прогноза здесь заключается в том, что если значения среднезначных слов наиболее признаковы, качественны, то в этих значениях слова и наиболее предрасположены ко вхождению в различные комбинации с другими словами. Часть из этих комбинаций целиком переосмысливается, что и означает появление у слова фразеологически связанного значения. Значения одно- и малозначных слов менее активны в этом отношении, т. к. они еще слишком конкретно-предметны. Значения многозначных слов уже слишком широкозначны, универсальны, чтобы позволять данному слову входить в устойчивые сочетания с какими-то определенными словами.

Экспериментальные данные этого рода, полученные при совместном с И. Н. Метелевой анализе словаря "Новые слова и значения" подтверждают сделанный прогноз.

10. Кроме моментов "плюс"-развития необходимо учесть и моменты "минус"-развития, т. е. учесть и потери значений (и, в итоге, иногда целых слов) в ходе реализации семантического потенциала слова. Это означает, что необходимо спрогнозировать в модели жизненного цикла слова определенную и закономерно меняющуюся на каждом такте семантического развития вероятность выпадения из употребления или исходного, или других, производных от него значений. А это желательно сделать тоже на основе некоторых общих соображений.

Основным допущением может здесь быть представление о том что как и в порождении новых значений, наиболее активными в выхо-

де из строя, т. е. наиболее подверженными вымиранию, в среднем, являются исторически первые значения слов, а последующие значения оказываются, в среднем, все менее и менее подверженными этому процессу, обладают все менее и менее значительной вероятностью выпадения. Этот прогноз предопределяется теми же причинами, что и прогноз о градации положительной активности последовательно возникающих значений в порождении новых значений. Более нерастроченный потенциал на первых тактах семантического развития слова более активно может выплеснуться и в обратном направлении, направлении вымирания значений.

Этому прогнозу не противоречит известный факт наиболее массового вымирания в каждую эпоху существования языка однозначных слов. Однако этот факт имел бы место и в том случае, если бы вероятность вымирания всех значений была даже равной: для двух- трех- и более многозначных слов одновременное вымирание нескольких значений - слишком невероятное событие, чтобы оно было слишком заметным.

Подтверждающим предположение о падении склонности последующих значений слов к вымиранию является факт высокой устойчивости служебных значений слов (которые, как раз, и появляются у слов в конце их семантического развития).

Полное экспериментальное подтверждение данного прогноза еще впереди. Он может быть получен на основе сопоставления больших словарей одного языка в разные периоды его развития.

II. Способность слова к вхождению в омонимические отношения также может быть связана с его продвинутостью по пути реализации его семантического объема. Однако картина здесь достаточно сложная, т. к. существует два непосредственных источника омонимии - (1) случайное совпадение звучаний (или написаний) двух слов в результате процесса их укорочения и ликвидации различавших их ранее фонетических (или графических) элементов и (2) распад прежде единого слова на два омонима вследствие выпадения одного из звеньев в цепи последовательного полисемического развития и утраты связи между оставшимися значениями.

Первый источник предопределяет зависимость омонимии от времени существования слова в языке и, соответственно, от величины его полисемии. Второй источник должен предопределять концентрацию омонимов в зоне низкой полисемии, т. к. исходные значения в наи-

большой степени склонны к выпадению из употребления (о чем говорилось выше), что и ведет к распаду полисемической цепи. Имеющиеся на сегодняшний день данные подтверждают второй прогноз [Крылов, Якубовская, 1977, с. 5-6].

Нуждается в дальнейшем рассмотрении вопрос о соотношении мощности этих двух источников лексической омонимии.

12. На основе склонности исходных значений слов к более высокой вероятности выпадения из употребления некоторые слова, успевшие пройти в своем семантическом развитии путь до служебных значений, потеряв наконец знаменательные значения, становятся чисто служебными словами.

13. Можно также прогнозировать и рост вероятности выживания слова в целом на каждом последующем такте семантического развития, т.к. растет вероятность выживания каждого последующего значения в историческом процессе семантического развития слова, а вероятность выживания целого слова определяется суммой вероятностей выживания всех его значений. Однако, по всей видимости, эта сумма вероятностей никогда не становится равной единице, т.к. известно, что время от времени даже служебные слова умирают. Качественная интерпретация определенной вероятности вымирания и служебных слов связана как с неизбежными структурными, грамматическими перестройками любого языка (т.е. "системным расасыванием" время от времени тех или иных устаревших грамматических значений), так и с неизбежной конкуренцией разных синонимических средств выражения одной и той же понятийной категории (даже на уровне служебных категорий).

14. Если служебное или знаменательное слово в ходе своего семантического развития приобретает такое значение, в котором оно входит в высокоупотребительную синтаксическую конструкцию (сочетание данного служебного слова с другими служебными и знаменательными словами) или в высокоупотребительное фразеологическое выражение, то высока вероятность поэтапного стяжения этой конструкции, т.е. образования новой лексемы (словоформы), в которую слово входит уже на правах морфемы - корня или аффикса.

Возможен и путь постепенного превращения в дальнейшем в аффикс и одного из корней сложного слова, который продуктивен при образовании сложных слов в данном языке, а сами сложные слова достаточно употребительны.

В ходе возможного дальнейшего повышения степени употребительности словоформы, утраты, забывания носителями языка мотивированности входящих в ее состав морфем (например, в результате утраты служебного слова-прообраза морфемы может происходить переосмысление какой-либо группы морфем в составе слова как единой морфемы. Этот процесс ведет и к дальнейшему переосмыслению и фонетического облика словоформы, опрощению его состава, исчезновение в конце концов даже остатков от какой-либо морфемы, исторически послужившей для данного слова строительным материалом.

Если к данному моменту действительно исчезло из самостоятельного употребления и слово-образ аффикса, то речь может идти о полном завершении жизненного цикла слова. "Останки" слова (морфемы) какое-то время выполняли роль почвы для произрастания последующих поколений слов, но теперь полностью рассосались в циклах "лингвистического обмена веществ". При условии полного рассасывания всех остатков прежде существовавшего слова во всех словоформах, ранее включавших их в себя, во всех языках, происходящих от одного и того же предка, и при отсутствии письменной фиксации стадий их развития произвести этимологический анализ многих древних, "первообразных" слов оказывается уже невозможно. Однако благоприятный материал в этом отношении представляют языки некоторых древних культур (например, романские), для которых в письменных памятниках (например, классической латыни) зафиксировано некоторое отдаленное состояние языка, промежуточные и различные его варианты, по-разному "перемоловшие" в ходе своей истории исходный языковой материал.

15. В математической модели жизненного цикла слова должен найти свое место параметр, ответственный и за типологически обусловленный объем словаря, на котором разыгрываются события семантической эволюции, а также параметр, ответственный за широту культурно-смысловой области, обслуживаемой языком. Предварительные соображения, например, по поводу первого параметра сводятся к тому, что типологически обусловленное сужение объема словаря ведет к более быстрому темпу реализации семантического потенциала слова, к более высоким максимальным уровням полисемии, к более быстрому завершению словами своего жизненного цикла, т. е. в итоге к более скорой общей обновляемости лексического состава (и, по всей видимости, системы грамматических показателей).

На материале типологического развития различных германских, славянских и др. языков факт более быстрой обновляемости лексического состава и грамматических показателей в указанных условиях подтверждается (Поликарпов, 1979, гл. 2-3).

Расширение или сужение смысловой сферы общения на данном языке, видимо, также выполняет роль ускорителя или замедлителя тех процессов, которые происходят в словаре и в языке в целом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Андрукович П.Ф., Королев Э.И. О статистических и лексико-грамматических свойствах слов // НТИ. Сер. 2, 1977, № 4.
- Арапов М.В. Употребительность и многозначность слова // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов - 1987 / Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 774. - Тарту, 1987.
- Борода М.Г., Поликарпов А.А. Закон Ципфа-Мандельброта и единицы различных уровней организации текста // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов / УЗ Тарт. ун-та. Вып. 689. - Тарту, 1984.
- Каримова Г.О. Гиперлексемная группировка слов как способ представления системности лексики // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов - 1989 / Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 872. - Тарту, 1989.
- Каримова Г.О., Поликарпов А.А. Принципы выделения гиперлексем как единицы лексической системы языка // Дериационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. - Владивосток, 1989.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - М.-Л., 1972.
- Ковлов Ю.К., Якубовская М.Д. Статистический анализ полисемии как языковой универсалии и проблема семантического тождества слова // НТИ, сер. 2, 1977, № 3.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы 70-х гг. - М., 1984.
- Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. - М., 1968.
- Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов / УЗ Тарт. ун-та, вып. 774. - Тарту, 1987.

- Поликарпов А.А. К теории жизненного цикла лексических единиц // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тез. докл. научн. конф. - Тарту, 1988.
- Поликарпов А.А. Логическое пространство единиц лексической подсистемы языка и квантификация соотношений между ними // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тез. докл. научн. конф. - Тарту, 1988а.
- Поликарпов А.А., Каримова Г.О. Словарь "Новые слова и значения" (НСЗ-1984) как источник данных об эволюции языка // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тез. докл. научн. конф. - Тарту, 1988.
- Туддава Ю.А. О некоторых квантитативно-системных характеристиках полисемии // Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 502. - Тарту, 1979.
- Guiraud P. Les caractères statistiques du vocabulaire. - Paris: Press universitaires, 1954.
- Köhler R. Zur linguistischen Synergetik: Struktur und Dynamik der Lexik. - Bochum: Brockmeyer, 1986.
- Zipf G.K. The meaning-frequency relationship of Words // The Journal of General Psychology, 1945, v. 33.

LEXICAL POLYSEMY IN EVOLUTIONARY ASPECT

Anatoly A. Polikarpov

S u m m a r y

A model of word's life cycle has been proposed. Central notion of it is a notion of the semantic potential of a word. Every word has some individual amount of it in the beginning of life cycle, spends it with some speed while living and dies when gets exhausted.

There is some typical level of the semantic potential of a word for every language. Many fundamental features of every word life (and of lexical system of any human language on the whole) are predetermined by the level of the potential and by the stage of its spending.

ДИСКУССИЯ 1954 ГОДА С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ

С.О. Савчук

В настоящей статье ставится задача проанализировать материалы дискуссии о стилистике 1954 года, рассмотреть ее основные итоги и их теоретическую значимость с точки зрения актуальных проблем современной лингвостилистики.

Начало дискуссии по стилистике положил доклад Ю.С. Сорокина "Об основных понятиях стилистики"⁺, прочитанный на расширенном заседании Ученого совета ИЯ АН СССР 19-23 июня 1953 г. Доклад был оценен неоднозначно и вызвал противоречивые мнения, поэтому редакционная коллегия журнала "Вопросы языкознания" решила открыть на страницах журнала дискуссию, и, публикуя в № I за 1954 год статью Р.Г. Пиотровского "О некоторых стилистических категориях", приглашала специалистов принять участие в обсуждении вопросов стилистики, которое и продолжалось в течение 1954 года.

В дискуссии приняли участие В.И. Адмони, Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, И.С. Ильинская, В.Д. Левин, Р.Г. Пиотровский, Т.И. Сильман, Г.В. Степанов, А.В. Федоров, с итоговой статьей выступил В.В. Виноградов. Выступления участников дискуссии не равноценны по объему и содержанию. Одни выдвигали целые стилистические концепции (Ю.С. Сорокин, В.Д. Левин, В.Г. Адмони и Т.И. Сильман), другие предлагали свою трактовку некоторых основных проблем стилистики (Р.Г. Пиотровский, И.С. Ильинская), третьи ограничивались замечаниями по частным вопросам (Р.А. Будагов, Г.В. Степанов, А.В. Федоров, И.Р. Гальперин).

Так как выступления участников дискуссии содержат скрытую или явную полемику с Ю.С. Сорокиным, то их анализ следует начать с изложения самой концепции Ю.С. Сорокина, которая может быть представлена в виде следующих основных положений:

1. В современном русском языке не существует стилей языка как "замкнутых, экспрессивно ограниченных и целесообразно организованных систем". 2. В современном русском языке существуют стили речи, т.е. различные "принципы выбора, отбора и

⁺ Статья Ю.С. Сорокина "К вопросу об основных понятиях стилистики", отражающая этот доклад, была опубликована в № 2 журнала "Вопросы языкознания" за 1954 год.

объединения слов в художественно-литературных, публицистических, научных произведениях" (Сорокин, 1954, с. 74)⁺. "Решающим для характеристики того или иного стиля речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи" (с. 76). 3. Выбор языковых средств определяется содержанием и назначением речи. 4. Основная масса языковых средств нейтральна и обладает лишь потенциальными "стилистическими возможностями", которые могут по-разному реализоваться в том или ином контексте высказывания. 5. Часть языковых средств обладает определенной "стилистической тональностью" независимо от контекста. Сюда относятся такие слова с ограниченной сферой употребления, как просторечные, областные, устаревшие (с. 78-79). 6. Следовательно, стилистика как наука представляется состоящей из двух разделов: 1) "стилистики аналитической", задачей которой является изучение "общей стилистической тональности" отдельных элементов языка на основе изучения синонимии языка, типов значения слов и фразеологических связей; 2) "стилистики функциональной", которая должна изучать "конкретные принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи в связи с общим смыслом и назначением высказывания" (с. 82). 7. Стилистика, занимаясь изучением средств языка и их применения, является "особой, прикладной областью языкознания" (там же).

Итак, выдвигая свою концепцию, Ю.С. Сорокин старался ответить на основные для стилистики вопросы: вопрос о существовании (несуществовании) стилей языка и стилей речи, о признаках стиля речи, о факторах формирования стилей, о стилистической окраске, об объеме, задачах и структуре стилистики, о месте стилистики среди других наук.

Нельзя сказать, что концепция Ю.С. Сорокина лишена недостатков. Прежде всего ее недостатком является отсутствие четких определений и формулировок. Так, не получило строгого терминологического определения центральное понятие концепции — стиль речи, что привело к тому, что участники дискуссии стали вкладывать в него другой смысл. Понимая стиль речи как "стиль конкретного высказывания", они упрекали Ю.С. Сорокина в том, что он отождествил стиль с контекстом. Между тем, говоря о том, что "каждый контекст обладает стилем" Ю.С. Сорокин стилями ре-

---

⁺ В дальнейшем при цитировании выступлений участников дискуссии будет делаться ссылка только на страницу соответствующего номера журнала "Вопросы языкознания" (см. список литературы).

чи называет "принципы выбора, отбора и объединения слов" в различных произведениях, характеризующихся общим содержанием и назначением (с. 81). Таким образом, стиль речи по Ю.С. Сорокину — это не стиль индивидуального контекста, а стиль некоторого типа контекстов.

В результате подобного рода нечеткости формулировок оказался непонятным большинству участников дискуссии и пафос отрицания Ю.С. Сорокиным "стилей языка" и противопоставление им "стилей речи", вследствие методологического неразличения ими этих терминов. Так, В.Г. Адмони и Т.И. Сильман говорят о "языковых (или речевых) стилях" (с. 97); И.Р. Гальперин, назвав свою статью "Речевые стили и стилистические средства языка", рассуждает в ней уже о стилях языка. Характерно высказывание А.В. Федорова: "Дело... не в термине самом по себе — "стиль языка" или "стиль речи", между этими двумя обозначениями есть даже некоторая синонимическая связь: "стиль языка" мог бы быть назван и "языковым" или "функционально-речевым стилем"... (с. 67). Поэтому высказывание Ю.С. Сорокина "не существует стилей языка" и было понятно, скорее, как не существует стилей языка (со смещенными акцентами), что побудило участников дискуссии отыскивать ненужные в данном случае доказательства существования языковых стилей.

Но, пожалуй, главным риторическим недостатком концепции Ю.С. Сорокина является ее компромиссный, половинчатый характер, с точки зрения предложенной им самим логики изложения. Утверждая, что стиль — явление речевое, что средства языка нейтральны в стилистическом отношении и тем самым намереваясь вывести стилистику из числа наук о системе языка, Ю.С. Сорокин логически нарушает эту установку, когда одновременно с этим утверждает, что часть языковых средств обладает внеконтекстной "стилистической тональностью", изучением которой должна заниматься "аналитическая стилистика". На эту логическую расплывчатость обратили внимание и участники дискуссии. Так, например, В.Д. Левин видит противоречивость концепции Ю.С. Сорокина в том, что последний признает стилистическую окраску элементов языка, но отрицает существование стилей языка (с. 75).

Переходя к рассмотрению взглядов других участников дискуссии, отметим, что одни трактовки стиля принципиально расходятся с сорокинской концепцией, другие отличаются от нее лишь в деталях. Среди первых выделяются своей ортодоксальностью концепции В.Д. Левина, который отстаивает точку зрения на стиль как на замкнутую систему стилистически окрашенных языковых эле-

ментов. В.Д. Левин упрекает Ю.С. Сорокина в "преувеличении роли контекста" и считает наличие у элементов языка стилистической окраски фактом, с одной стороны, неоспоримым, с другой стороны, достаточным для выделения стилей языка. В.Д. Левин полагает, что "определив и описав разные типы стилистической окраски в каком-нибудь языке, мы тем самым определяем и систему стилей этого языка" (с. 77). Он выделяет два типа стилистических окрасок: "экспрессивно-стилистическую окраску, раскрывающую экспрессивно-эмоциональное содержание речи" и "функционально-стилистическую окраску, указывающую на область общественного применения языкового средства" (там же); каждому из этих типов окраски соответствует тип стилей: "экспрессивные стили языка" и "функциональные стили языка". Основными признаками языкового стиля В.Д. Левин считает: 1) "наличие специфических фактов языка, обладающих определенной стилистической окраской и поэтому составляющих своеобразие данного стиля"; 2) относительную стилистическую "замкнутость", ограниченность стиля, т.е. неуместность употребления в нем таких языковых средств, которые воспринимаются как принадлежащие к другим стилям" (с. 79).

Оставляя в стороне вопрос о содержании термина "стилистическая окраска" и о наличии такой окраски у элементов языка, отметим, что попытки выделения "экспрессивных стилей" на основе одной только экспрессивной окраски единиц языка уже предпринимались к этому времени в стилистике (см., например, Гвоздев, 1952) и были справедливо оценены как неудачные (Виноградов, 1952, с. 144). С точки зрения критиков этого подхода, существование стилистически окрашенных языковых средств еще не предполагает со всей однозначностью, что они структурно организованы в стилистические системы внутри системы языка. Кроме того, выделяя стили на основании "жестких" критериев, описанных выше, В.Д. Левин игнорирует тот факт, что элементов, обладающих экспрессивной или функциональной окраской, в языке ничтожно мало⁺. Остается неясным, как сам В.Д. Левин рассматривает "неокрашенные" языковые элементы; вероятно, он должен был бы вы-

---

⁺ Согласно данным статистического анализа стилистических помет в словаре С.И. Ожегова, пометы "эмоционально-выразительной оценки" составляют 5,23% к числу слов в словаре, пометы "сферы употребления" - 23,30%, при этом учитывались и пометы, относящиеся к целому слову, и к отдельному значению слова, и к выражению, приведенному в качестве примера употребления слова. - П.Н. Денисов, В.Г. Костомаров. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.

делить особый "нейтральный" стиль, но об этом в его статье прямо не говорится.

Ряд участников дискуссии, при всем своем внешнем несогласии с позицией Ю.С. Сорокина в отношении понятия стиля, предлагают, однако, такое понимание, которое обнаруживает известную близость с точкой зрения Ю.С. Сорокина. В особенности это относится к концепции Р.Г. Пиотровского, согласно которой "речевые стили" — это общие нормы отбора элементов из синонимических рядов (с.60). Правда, язык, согласно Р.Г. Пиотровскому, существует в виде "разновидностей" и "форм функционирования" (устная и письменная речь, диалогическая и монологическая формы, бытовая, научно-деловая и художественная формы), на базе взаимодействия которых и складываются речевые стили, однако само определение стиля (не выбор, а отбор) аналогично определению Ю.С. Сорокина.

Специфика взглядов Ю.С. Сорокина заключается, видимо, и в том, что его подход отражает тенденцию рассматривать речевые явления с позиции говорящего, в отличие от более распространенной в пятидесятые годы ориентации на позицию слушающего, другими словами: синтез в концепции Ю.С. Сорокина противопоставляется анализу в принципиальном большинстве стилистических исследований того времени. Широкое признание ориентации на позицию говорящего будет характеризовать лишь семидесятые и восьмидесятые годы, когда в терминологический актив лингвистов прочно войдет противопоставление активной и пассивной грамматики.

Конечно, было бы неверно утверждать, что Ю.С. Сорокин в 1954 году полностью осуществил попытку создания стилистики говорящего. В то время стилистов, в том числе и Ю.С. Сорокина, больше волновал вопрос о том, что изучать, а не как изучать. Поэтому никто из участников дискуссии и не обратил внимания на то обстоятельство, что определяя стили речи как принципы отбора элементов, Ю.С. Сорокин фактически становится на точку зрения говорящего. Впрочем, и сам Ю.С. Сорокин не заостряет на этом внимания и не эксплицирует свою методологическую позицию.

Большинство участников дискуссии, как бы они ни толковали понятие стиля, естественно не могли обойти вниманием вопрос, какие факторы лежат в основе формирования стилей. Эта проблема решается однозначно всеми авторами: стиль формируется в зависимости от экстралингвистических факторов. Среди этих факторов называют "содержание и назначение речи" (И.С. Ильинская), "исторические условия, сферы, формы и задачи общения" (Р.Г. Пиот-

ровский), "социальные условия, область общественной деятельности, содержание и назначение речи" (Ю.С. Сорокин) и т.д. Более подробно проблему стилистических факторов разрабатывают В.Г. Адмони и Т.И. Сильман. Они выделяют следующие стилеобразующие факторы: 1) коммуникативная форма речи (диалогическая и монологическая речь, устная и письменная речь и т.д.); 2) сфера человеческой деятельности (отрасль техники, бытовая сфера и т.д.); 3) предмет речевого общения; 4) социальная ситуация; 5) индивидуальная установка говорящего, включающая: а) эмоциональную установку (повышенно эмоциональная речь, спокойная речь и т.д.) и б) познавательную-оценочную установку (отношение говорящего к предмету речи, к адресату речи, к действительности).

Как видим, факторы в понимании В.Г. Адмони и Т.И. Сильман — это некоторые переменные, принимающие различные значения; сочетание значений переменных в конкретном акте речи определяет стиль конкретного высказывания. Но так как сами факторы, по мнению авторов, характеризуются "устойчивостью и повторяемостью", то на их основе "должны вырастать устойчивые типы языкового оформления речи — "общие" языковые стили" (с. 98).

Следует отметить, что роль экстралингвистических факторов в формировании стилей признается всеми стилистами функционального направления. Именно эти факторы кладутся в основу определения понятия "функциональный стиль", именно на основании экстралингвистического принципа выделяются и классифицируются стили. Ученых занимает вопрос о том, образуют ли эти факторы иерархию, о том, какова роль каждого из них в формировании того или иного стиля, какие факторы класть в основу разграничения стилей, а какие использовать для выделения более мелких речевых разновидностей; они подразделяют экстралингвистические факторы на стилеобразующие и нестилеобразующие, на объективные и субъективные (Кожина, 1983, с. 66-70).

Таким образом, введение в стилистику дихотомии язык/речь повлекло за собой целый ряд взаимосвязанных вопросов. Это не только вопрос о взаимоотношении стилей языка и стилей речи, который так и не получил своего методологического и терминологического разрешения, но и вопрос о соответствии экстралингвистических стилеобразующих факторов элементам системы языка. Если признавалось, с одной стороны, существование стилей языка, а с другой стороны, принципиальное влияние на формирование стиля со стороны экстралингвистических факторов, то это влекло за собой необходимость признать и наличие постоянных, фиксированных соответствий между этими экстралингвистическими факторами

и единицами языковой системы (в основном словами). Внешнее многообразие выделяемых экстралингвистических факторов и внутренняя неоднозначность каждого из них соседствовали при этом с чрезвычайно бедным составом тех конкретных примеров из системы языка, которые исследователи могли привести в подтверждение своей мысли. Если же признавались только стили речи, то проблема соответствия языковых и экстралингвистических понятий значительно упрощалась, ведь в речи существуют не только слова, но и такие несистемные явления, как композиция высказывания, жанры речи, т.е. те самые особые совокупности языковых системных элементов, в которых происходит изменение стилистического значения одного и того же слова. Понятия "стиля речи" и "экстралингвистических факторов" в таком случае уже не противоречили друг другу.

Однако этот последний вариант рассуждений не был принят стилистикой, так как в пятидесятые годы отказ от стилистического изучения системы языка мыслился равнозначным потере стилистикой статуса науки. Ведь стилистика, как и всякая наука, должна заниматься изучением общего, а "общее" в сознании стилистов того времени, находившихся под влиянием сосюрровской дихотомии язык-речь⁺ как противопоставления общего — индивидуальному, было связано только с "языком". Критикуя Соссюра, стилисты тем не менее продолжали находиться в плену его дихотомии. Это мешало им увидеть возможность деления объекта исследования не на два, а на три предмета изучения, при котором индивидуальная речь противопоставлялась бы двум самостоятельным "общим" областям: системе языка (освобожденной от стилистики) и системе типологических свойств речи, изучение которых и составило бы задачу стилистики. Собственно, некоторый выход именно в таком направлении и предлагал Ю.С. Сорокин, однако, воспринимая эту концепцию сквозь призму сосюрровской дихотомии, участники дискуссии увидели в его "стилях речи" не общие свойства высказываний, а индивидуальные контексты.

В то же время лингвисты не могли прийти мимо очевидных фактов. Они прекрасно понимали и важность экстралингвистических факторов, и ограниченность и спорность возможных "языковых" примеров, но пытались все-таки примирить эти новые идеи со

⁺ Речь здесь идет, конечно, не о реальном Ф. де Соссюре, в концепции которого, помимо языка и речи, был еще и третий компонент — некий аналог речевой деятельности, но о вошедшем в то время в массовое сознание условном "сосюррианстве", в котором и функционировала указанная дихотомия.

старой идеей дихотомии язык/речь, они вынуждены были идти на отмеченные выше противоречия. Тем более, что на этот путь их вдохновлял и авторитет В.В. Виноградова.

Прежде чем перейти к анализу концепции В.В. Виноградова, необходимо заметить, что статья "Итоги обсуждения вопросов стилистики" интересна еще и тем, что позиция Виноградова, отраженная в ней, отличается от той, которая представлена в предыдущих его работах, в частности в статье 1946 года, на которую ссылались участники дискуссии, отстаивавшие существование стилей языка (Виноградов, 1946).

Оценивая концепцию Ю.С. Сорокина как "шаг назад", поскольку в ней отрицается "коллективная природа и общественно-осознанные типические свойства тех функционально дифференцированных способов словесного выражения, которые принято называть то "стилями языка", то "стилями речи" (Виноградов, 1955, с. 72), В.В. Виноградов не может согласиться и с В.Д. Левиным, который "считает объективно реальное существование "экспрессивных стилей" как цельных систем в самой структуре языка фактом самоочевидным и несомненным" (с. 69). В.В. Виноградов признает наличие у единиц языка стилистической окраски, на основании которой они объединяются в совокупности, или "устойчивые экспрессивно-стилистические ряды", однако на вопрос, "содержатся ли в самой системе языка... самые способы... объединения и организации языкового материала, характерные для того или иного типа... речи", он не дает прямого ответа. Лишь в ходе дальнейшего изложения выясняется, что В.В. Виноградов склонен ответить на поставленный им вопрос отрицательно. Так, сославшись на то, что в прежних работах термин "система" употреблялся им неточно, отчего были возможны ошибки в интерпретации его идей другими авторами, В.В. Виноградов пишет: "Термин "стиль языка" и определение стилей... как частных систем внутри "общей" системы языка побуждает представлять их по образу и подобию языковой системы. Однако никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных систем выражения ("стилей языка"), составленных из характерных для каждого из них совокупностей столь же "изолированных элементов языка" (с. 7).

Из всего сказанного нельзя делать, однако, вывод, будто бы В.В. Виноградов в статье 1955 года вообще отказался от понятия "стиль языка". Напротив, он настаивал на необходимости разграничения понятий "стиль языка" и "стиль речи", что выте-

кало из требования разграничения языка и речи, которое он считал очень важным для стилистики (с. 76). Однако ко времени дискуссии В.В. Виноградов, по-видимому, еще не сформулировал специфику своего понимания языка и речи (соскряговскую дихотомию *langue/parole* как противопоставление социального индивидуальному В.В. Виноградов не принял), о чем свидетельствует, например, тот факт, что требуя уточнения терминов "стиль языка" и "стиль речи", В.В. Виноградов первым нарушает это требование, формулируя свое определение просто "стиля", без указания на то, какой стиль (языка или речи) имеется в виду. В статье В.В. Виноградова чаще ставятся вопросы, чем даются на них окончательные ответы, однако в ней уже заложены основы того понимания стилистики, которое нашло выражение в более поздней работе ученого — "Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика" (1963 г.) В этой книге В.В. Виноградов излагает свою концепцию "трех стилистик": стилистики языка как "системы систем", стилистики речи, т.е. "разных видов и актов общественного употребления языка" и стилистики художественной литературы.

Стилистика языка, согласно этой концепции В.В. Виноградова, "описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как "системы систем". Стиль языка — это одна из частных систем (или "подсистем"), входящих в общую систему (с. 20). На стилистике языка базируется стилистика речи, весьма обширная и приблизительно очерченная В.В. Виноградовым область, в которой он выделяет несколько "пластов" или планов (с. 164).

Одним из доказательств того, что термин "стиль речи" не получил в концепции В.В. Виноградова четких очертаний, может служить уже то, что с одной стороны, говорится о "социально-групповых" и "производственно-профессиональных речевых стилях", жаргонах (с. 163), с другой — о композиционно-речевых системах.

Если термином язык в концепции В.В. Виноградова обозначается вполне определенное понятие ("система систем"), то этого нельзя сказать о термине речь. Отказываясь от понимания речи как соскряговской *parole*, от трактовки речи в концепции "языкового существования", предложенной японскими лингвистами, и в концепции языкового поведения (американский "бихевиоризм") Виноградов не дает термину речь своего определения. Он предполагает, что при изучении речи встанет проблема выделения "новых речевых единиц", "новых принципов сочетаемости языковых и речевых единиц и новых композиционных систем речи" (с. 164), однако

решение этой проблемы оставляет будущим исследователям. Неопределенность термина речь обуславливает и неопределенность границ "стилистики речи".

В частности, в ней трудно выделить такие сферы и методы изучения, которые составляли бы специфику именно данного отдела стилистики, в отличие от "стилистики языка" и "стилистики художественной литературы". Вероятно, поэтому последующие попытки разработать "стилистику речи" в понимании В.В. Виноградова встретились с большими трудностями.

Таким образом, В.В. Виноградов лишь наметил контуры будущей науки о стилях языка и речи, детально разрабатывая третий аспект стилистики в его понимании — стилистики художественной литературы. Стилистика языка и стилистика речи должны были, по мнению В.В. Виноградова, стать теоретической основой для стилистики художественной литературы.

Необходимо специально оговорить, что та терминологическая нечеткость Виноградова, о которой шла речь выше, сказалась лишь на последователях ученого. Сам Виноградов, начиная еще с 20-х годов, в своих конкретных стилистических исследованиях преодолевал терминологическую непоследовательность за счет богатства применяемого аппарата анализа и за счет всегда присущей ему широты теоретических взглядов, синтетически совмещавшей различные методики стилистического анализа. Сложность же дальнейшей судьбы виноградовской теории трех стилистик связана больше с отсутствием такой широты у его последователей. Концепция В.В. Виноградова значительно повлияла на то направление современной советской стилистики, которое называется функциональным. Влияние было, в основном, терминологическим; довольно часто термины В.В. Виноградова получали другое содержание, но тем не менее общее виноградовское название — функциональная стилистика — объединило большинство современных стилистических концепций.

Не останавливаясь на анализе содержания понятия "функции языка", на котором базируется здание функциональной стилистики, отметим, что современные исследователи, приняв идеи многосоставности стилистики В.В. Виноградова, пытаются увязать ее уже не только с соскоровским пониманием дихотомии язык/речь. Так, одни исследователи, в целом придерживаясь виноградовской трактовки "стилистики языка" и "стилистики художественной литературы", объектом "стилистики речи" считают "структуру текста", "речевого произведения" (А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Оudinov). Другие отказались от противопоставления стилистик языка и речи в связи с выделением иных аспектов изучения языка: структурного

(язык как ἔργον) и функционального (язык как ἐνέργεια) (Кожина, 1983). Стилистика, занимающаяся изучением языка в аспекте ἔργον, получает в этой концепции название "стилистики ресурсов" (что соответствует "стилистике языка" Виноградова) стилистика изучающая язык в аспекте ἐνέργεια, названа виноградовским термином - функциональная стилистика. При этом стилистика художественной литературы рассматривается как "внутреннее ответвление той же функциональной стилистики" (с. 9, 13, 23, 55 - 56). Однако в структурной стилистике по Кожиной в отличие от стилистики языка по Виноградову стили как таковые отсутствуют. Выделяются же стили только в пределах стилистики функциональной. Поэтому и термин "функциональный стиль" понимается Кожиной иначе, чем Виноградовым, споря с которым Кожина пишет: "Функциональные стили - это стили и языка, и речи (при рассмотрении языка и речи как единства), а точнее, это стили функционального аспекта языка" (с. 61). При этом не совсем четким оказывается в концепции М.Н. Кожиной соотношение терминов язык и структура.

Аналогичную позицию занимает и Ю.С. Степанов, который неоднократно подчеркивает, что, с его точки зрения, существует противопоставление функционального стиля как социального типа речи индивидуальному сообщению, но не существует противопоставления стилей языка и стилей речи (Степанов, 1965, с. 25).

Ю.С. Степанов, выделив три уровня описания языка - уровень структуры, уровень нормы, как совокупности общепринятых, традиционных реализаций структуры, и уровень индивидуальной речи, противопоставляет описание языка на уровне нормы (традиционная задача стилистики) его описанию на уровне индивидуальной речи, которое должно осуществляться" в связи с контекстом и в связи с ситуацией" (с. 25). Как видим, и в этой концепции стилистика не охватывает уровень структуры. Нельзя не вспомнить при этом соответствующую идею Ю.С. Сорокина.

Следует отметить, что понятие системы языка по Виноградову практически равно понятию нормы по Степанову, а структура языка у Степанова не имеет аналогов в концепции Виноградова. Именно поэтому, несмотря на видимое увеличение предметов исследования (три вместо двух) стилистика как наука об общих закономерностях относится в концепции Степанова к одному (в отличие от двух) уровню описания языка - к норме. И здесь, при всей терминологической родственности с концепцией Виноградова, Ю.С. Степанов ближе к теории Сорокина, понимавшего язык, скорее, как структуру языка, тогда как у Виноградова такое понимание не принималось в расчет.

Общее желание ориентироваться на авторитет В.В. Виноградова все-таки не привело, как мы видим, к терминологическому согласию. Не прекращаются споры все о тех же предметах: о месте стилистики в ряду других лингвистических дисциплин, о соотношении стилистики с понятиями язык и речь, причем проблема этого соотношения не исчезает и тогда, когда эту неудобную (что выяснилось в более чем тридцатилетних попытках совместить эту дихотомию со стилистикой) для стилистики дихотомию меняют на другую влиятельную дихотомию – дихотомию *ἔργον* и *ἐνέργεια*.

Эти споры не праздные, они вызваны стремлением выяснить соотношение общего и единичного, что является одной из самых сложных философских проблем. Конкретно для языкознания вопрос о соотношении общего и единичного, начиная еще со споров номиналистов и реалистов, был одним из самых трудных, так как язык при этом оказывается не только объектом, но и инструментом исследования. В настоящее время исследователи приблизились к четкому пониманию собственно стилистического аспекта этой дилеммы, который не однозначен с абстрактно языковым. Эта неоднозначность проявляется в обособлении предмета стилистики от системы языка (см. например, *Стилистика...*, 1987, с. 7–10). В таком решении вопроса видится скрытое влияние сорокинских идей, облаченных в терминологию Виноградова.

Таким образом, можно, видимо, утверждать, что стилистика в последние два десятилетия начинает все больше ориентироваться на прагматическую, речевую область, а не на систему языка. И если внешне, в терминологическом отношении, отечественная стилистика находится под влиянием концепции В.В. Виноградова (выделявшего стилистику языка и стилистику речи), то с внутренней, содержательной стороны можно отметить и некоторое влияние идей Ю.С. Сорокина, ставившего основной акцент в стилистических исследованиях на тифологических формах речи.

Основной причиной, тормозящей окончательный поворот стилистики от потенциального и изолированного слова к реальному функционированию языка, уже не является, как в 50-е годы, стремление лингвистов ориентировать стилистическое мышление на дихотомию "язык/речь": спекулятивность и бессодержательная абстрактность именно такой постановки вопроса, без учета ясности содержания самой дихотомии язык/речь, стали в стилистике очевидными. Такой тормозящей причиной является сегодня неразработанность основного собственно стилистического и лишь с первого взгляда аксиоматично ясного понятия – понятия экспрессивной оценки.

Природная связь стилистики с процессами различного рода оценок несомненна. Однако до сих пор даже на теоретическом уровне не заполнены семантические валентности понятия оценки: кто оценивает и что оценивается. Вопрос же "как оценивается", составляющий предмет стилистики, не может быть даже поставлен без заполнения пустующих валентностей основного квалификационного для стилистики термина.

Аналогичные вопросы чрезвычайно интенсивно разрабатываются сейчас в различных неосинтаксических и неориторических концепциях, где уже достигнуты определенные результаты, и, возможно, что стилистика получила бы необходимый новый импульс к развитию, если бы принципиально и теоретически отчетливо сменила ориентацию с лексикологии на синтаксис, тем более, что стремление к такой новой ориентации имплицитно содержится во многих работах. И здесь нельзя не заметить определенного сходства современного состояния стилистики с тем, которое было во время дискуссии: хотя наименование членов альтернативы сменилось (синтаксис вместо лексикологии, а не речь вместо языка), общим остается сама необходимость смены исходной ориентации стилистики. История исходных стилистических ориентиров — это один из моментов истории отечественного языкознания.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Адмони В.Г., Сильман Т.И. Отбор языковых средств и вопрос стиля // ВЯ, 1954, № 4.
- Будагов Р.А. О языковых стилях // ВЯ, 1954, № 3.
- Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно ХУП—ХІХ вв. // Известия АН СССР. М., 1946, вып. 3.
- Виноградов В.В. Рецензия на кн. А.Н. Гвоздева "Очерки по стилистике русского языка" // ВЯ, № 6, 1952.
- Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ, 1955, № 1.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. — М., 1981.
- Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка // ВЯ, 1954, № 4.
- Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1952.
- Гоготишвили Л.А. Опыт построения теории употребления языка (на основе общелингвистической концепции М.М. Бахтина). АҚД. М., 1984.

- Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи (по данным "Словаря русского языка" С.И. Ожегова, изд. 3, М., 1953)//Вопросы лексикографии. - М., 1969.
- Ильинская И.С. О языковых и неязыковых стилистических средствах // ВЯ, 1954, № 5.
- Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. - М., 1982.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. - М., 1983.
- Левин В.Д. О некоторых вопросах стилистики // ВЯ, 1954, № 5.
- Пиотровский Р.Г. О некоторых стилистических категориях // ВЯ, 1954, № 1.
- Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // ВЯ, 1954, № 2.
- Степанов Г.В. О художественном и научном стилях речи // ВЯ, 1954, № 4.
- Степанов Ю.С. Французская стилистика. - М., 1965.
- Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / Отв. ред. Кожин А.Н. - М., 1987.
- Федоров А.В. В защиту некоторых понятий стилистики // ВЯ, 1954, № 5.

THE 1951 YEAR DISCUSSION FROM THE POINT
OF VIEW OF MODERN LINGUOSTYLISTICS

S.O. Savchuk

S u m m a r y

The paper deals with some important problems which were under discussion in 1954: the correlation between styles of language and styles of speech; word connotations and stylistic overtones, style formative factors, methods of stylistics, the place of stylistics among other sciences.

The paper represents a comparison of different positions on each of the problem and analyses the appraisal of the result of the discussion given by V.V. Vinogradov.

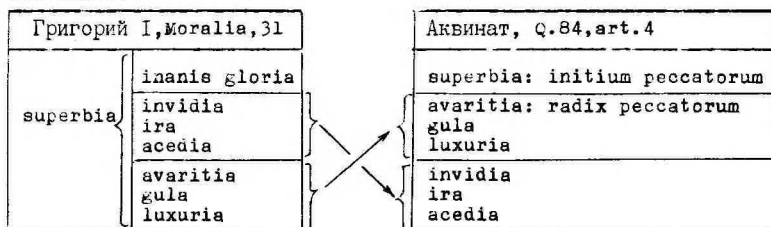
An interesting peculiarity of the considered discussion is that the official result of the discussion turned out to be in contradiction with the following development of Soviet stylistics.

СИМВОЛИКА СЕМИ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ В ПОЭТИКЕ ВОСРОЖДЕНИЯ

В.И. Силецкий

В представлениях позднего средневековья и Возрождения заметное место принадлежит концепции семи "смертных грехов" и, как этической альтернативе, семи основным добродетелям. Исследователь Чосера John H. Fisher считает, что "в средние века Семь Грехов служили очками, через которые воспринималось человеческое поведение, в точности так, как теперь мы его воспринимаем через очки бихейвиоризма или фрейдизма" (Chaucer, 1977, p. 346). Naturфилософия связывала каждый из смертных грехов с астрологическими и алхимическими коррелятами: гордыня = Солнце = золото, сребролюбие = Луна = серебро, зависть = Меркурий = ртуть, сладострастие = Венера = медь, гнев = Марс = железо, чревоугодие = Юпитер = олово, леность = Сатурн = свинец. Подключались и другие семеричные группы из животного, растительного, минерального царств и из духовной сферы, цвета, ноты и дни недели, которыми по верованиям времени управляли светила, одноименные им по номинации (ср. понедельник -- день Луны в романских и германских языках). Синонимические серии типа гнев -- Марс -- железо -- волк -- красный цвет -- рубин -- огонь -- холерик были открыты и достаточно популярны. Аналогичные цепочки известны в культурах Азии.

Порядок "смертных грехов" после публикации "Клементин" (1317 год) ориентируется на "Сумму богословия" Фомы Аквинского (Thomas, 1673, II, II, q. 84) с нередким компромиссом в пользу магического варианта. У Фомы лестница грехов преобразуется таким образом, что в I-й позиции (*superbia* "гордыня") совпадают *superbia* и *inanis gloria* "тщеславие" Григория I, а две последующих триады -- *invidia* "зависть", *ira* "гнев", *acedia* "леность" и *avaritia* "сребролюбие", *gula* "чревоугодие", *luxuria* "сладострастие" инвертируются. Вот эта схема:

В статье будут рассмотрены произведения трех авторов, у которых отклонения от томистской схемы превышают эмпирически ожидаемые флуктуации: это "Чистилище" Данте, "Стол смертных грехов" Босха и трагедии Шекспира 1600-х годов.

В "Чистилище" Данте использована парадигма Григория I, кантика создавалась не позднее 1317 г. Дань Фоме была отдана в засекреченном "Рае": сферы Луны (рассказ нарушительницы обета), Меркурия (законодатель Истиниан) и Венеры (многих возлюбившие и прощенные) предваряют собеседование поэта с Петром о вере, Иаковом о надежде и Иоанном о любви. Это добродетели высшего порядка (теологические) и прямо они не названы, пока не состоялась встреча с преуспевшими в кардинальных добродетелях в сферах Солнца (*prudenza* "мудрость"), Марса (*fortezza* "мужество"), Юпитера (*giustizia* "справедливость") и Сатурна (*templanza* "умеренность"). Это космический порядок.

Напротив, уступы Чистилища вздымаются в опасном -- недельном -- порядке планет, соответственно внушаемыми ими страстям. На челе путника ангел запечатлевает семь P (*peccati* "грехи"), и по мере подъема исчезают последовательно клеимы гордыни, зависти, гнева, ленисты, сребролюбия, чревоугодия, сладострастия. Им соответствует цветовой перечень в VII, 73-75:

Oro e argento fino, cossco e biacca, / indaco, legno lucido sereno / fresco smeraldo in l'ora che si fiacca -- "Серебро и золото, червленый и белила, / Отколотый недавно изумруд, / Лазурь и дуб-светляк". (VII, 73-75).

В переводе М.Л.Лозинского изменен порядок цветов, и эта вольность обесмысливает терцину. У Данте золото соответствует Солнцу, а в перечне смертных грехов -- Гордыне. Серебро -- Луне и Зависти (бледная Луна заимствует свет от Солнца), она изменчива, ср. в "Ромео и Джульетте":

Jul. O! Swear not by the MOON, the INCONSTANT MOON, / That monthly CHANGES in her circled orb. (II,2,109-110).

Cossco "кошениль" -- красный цвет, цвет Марса и гнева, алхимическая корреспонденция -- железо. *Biacca* "свинцовые белила" -- соответственно свинец, Сатурн и *accidia*. *Indaco* "индиго"-- цвет Меркурия (*avaritia* "сребролюбие"). *Legno lucido* "светящееся дерево" -- Юпитер, *diabolus metallorum* алхимиков, так называлось олово -- корреспонденция Юпитера еще и потому, что за ним сохранился стигмат планеты, соотносившейся с главным языческим

божеством. Чревоугодие сопутствовало Юпитеру как ненасытному Ваалу. *Fresco smeraldo* "изумруд" -- Венера (сладострастие) и медь, входившая в состав изумрудной краски; Венера (Афродита -- Киприда) ассоциировалась с Кипром, богатым залежами меди. Эта цветовая ассоциация Венеры традиционна в европейской символике (в мусульманской образности зеленый цвет характеризует Луну, Венера же белая, то есть цвета планет-патронов инвертированы).

Порядок смертных грехов в Чистилище в общем обратен организации Ада и полностью совпадает с перечислением у Григория I (*Moralia* 31, 31), заимствованным у гностиков; планетарные эквиваленты выстраиваются в порядке, совпадающем -- за исключением Сатурна -- с последовательностью дней недели:

порок	цвет	металл	светило	день недели
1. <i>superbia</i> гордыня	oro золото	oro золото	Sole Солнце	(<i>dies Solis</i>) воскресенье
2. <i>invidia</i> зависть	argento серебро	argento серебро	Luna Луна	lunedì понедельник
3. <i>ira</i> гнев	rosso красный	ferro железо	Marte Марс	martedì вторник
4. <i>accidia</i> леность	bianca белый	piombo свинец	Saturno Сатурн	(<i>dies Saturni</i>) суббота
5. <i>avarizia</i> сребролюбие	indaco лазурь	mercurio ртуть	Mercurio Меркурий	mercoledì среда
6. <i>gola</i> чревоугодие	legno lucido дуб-светляк	stagno олово	Giove Юпитер	giovedì четверг
7. <i>lussuria</i> сладострастие	smeraldo изумруд	rame медь	Venere Венера	venerdì пятница

Порядок дней недели, организующий Чистилище -- греховный и земной. Это дорога риска. Планеты проявляют свои опасные свойства, само их деление на благотворные и зловердные (к первым, например, относятся Юпитер и Венера, ко вторым -- Марс и Сатурн) нейтрализуется в пользу зла. Опасен вторник -- день Марса, трон которого располагается в знаке Скорпиона (дом смерти). Вторник и пятница котируются и поныне как неблагоприятные у романских народов, они не споспешествуют начинаниям, ср. исп. *Nacer en Martes* ~ "родиться под несчастливой звездой", итал. *Né di Venere né di Marte non si sposa e non si parte* "На Венеру и на Марс, т.е.

в пятницу и во вторник, "не женись и не отправляйся в путь". Вообще дни недели -- область запретов: в разных вероисповеданиях те или иные дни -- табу на работу, будь то пятница (ислам), суббота (иудаизм) или воскресенье (христианство), или, напротив, на отдых; на разные дни приходится посты различной строгости; этнография, да и повседневная жизнь предлагает целую коллекцию суеверий по этой части.

Та же идея риска отражена в эмблематической картине Иеронима Босха "Стол смертных грехов" ("Mesa de los pecados capitales" по каталогу Прадо). В нынешнем виде (первоначально -- действительно стол, возможно цеховой *Meisterwerk*) это столешница с четырьмя угловыми тондо и центральным с концентрическими поясами; внешний разделен на семь отрезков по числу смертных грехов.

Расположение "кадров" необычно ввиду неожиданной инверсии GULA (Чревоугодие) и SUPERBIA (Гордыня). Над верхним и нижним "кадрами" помещены надписи из Второзакония, 32:28-29 и 32:20, интерпретированные как пророчество о Страшном суде.

Цитированные надписи, угловые медальоны ("Ars moriendi", "Страшный суд", "Ад", "Рай"), календарная композиция: Христос-Солнце, четыре фазы Луны (медальоны) и семидневный коловорот составляют в совокупности сюжет на эсхатологическую тему, популярный для мышления конца XV века.

Нелишне отметить, что перспектива круглых картин Босха предполагает проекцию полусферы на плоскость; осуществив обратную трансформацию, то есть вообразив круг в виде купола, мы обнаружим, что всех изображенных грешников ноги тянут к земле, а соответствующие надписи (GULA, etc.) удобочитаемы. Читать их следует против часовой стрелки. Довольно универсальным правилом этого порядка является последовательность *Invidia -- Ira*, ср. опять-таки реплику шекспировского героя: *Brutus. Our course will be too bloody, Caius Cassius, / To cut the head off and then hack the limbs, / Like WRATH in death and ENVY afterwards. (Julius Caesar, II, I, 162-164).*

Рассудительный Брут отвергает абсурдный порядок: должна быть сначала Зависть (отношение) и лишь как следствие -- Гнев (действие); по аристотелезирующей терминологии потенция предшествует акту. Такова трактовка зависти и гнева у Фомы Аквинского (Loc. cit.) вплоть до Ф.Бэкона. В средние века, а практически до II Ватиканского собора, эта диада неизбежна; в отли-

чие от прочих "сцепок" она была законсервирована томизмом.

Порядок остальных смертных грехов у Босха вполне отличен от очень скупозвучно следующего правилам игры Данте, но с "Суммой богословия" Фомы Аквинского его сближают уже две позиции: *avaritia* "сребролюбие" и *accidia* "леность":

Григорий I	Данте (Чист.)	Босх	Аквинат
<i>Inanis gloria</i>	<i>Superbia</i>	<i>Gula</i>	<i>Superbia</i>
<i>Invidia</i>	<i>Invidia</i>	<i>Avaritia</i>	<i>Avaritia</i>
<i>Ira</i>	<i>Ira</i>	<i>Invidia</i>	<i>Gula</i>
<i>Accidia</i>	<i>Accidia</i>	<i>Ira</i>	<i>Luxuria</i>
<i>Avaritia</i>	<i>Avarizia</i>	<i>Superbia</i>	<i>Invidia</i>
<i>Gula</i>	<i>Gola</i>	<i>Luxuria</i>	<i>Ira</i>
<i>Luxuria</i>	<i>Lussuria</i>	<i>Accidia</i>	<i>Accidia</i>

Хаотичное колесо Босха заметно упорядочивается, если вспомнить, что к XV веку астрологическая патронизация сребролюбия перешла к Луне -- не без влияния алхимической пересориентации Меркурия: Луне соответствует серебро, а Меркурий ртуть (серебро и "жидкое серебро"). Луне (серебро, сребролюбие) соответствует второй день римского календаря -- понедельник, *luxuria* "сладо-страстие" = Венера = медь = пятница, *accidia* "леность" = Сатурн = свинец = суббота.

Порядок смертных грехов в картине Босха не григорианский и не томистский: это порядок дней недели с поправкой на иллюстрируемый сюжет -- 32 главу Второзакония, где обличение начинается с упрека избранному народу: "УТУЧЕЛИ, ОТОЛСТЕЛИ, И РАСШИРЕЛИ" (в Вульгате, тексте Босха -- "*Incrassatus est dilectus, et recalci-travit: incrassatus, impinguatus, dilatatus*"- Deuter. 32, 15).

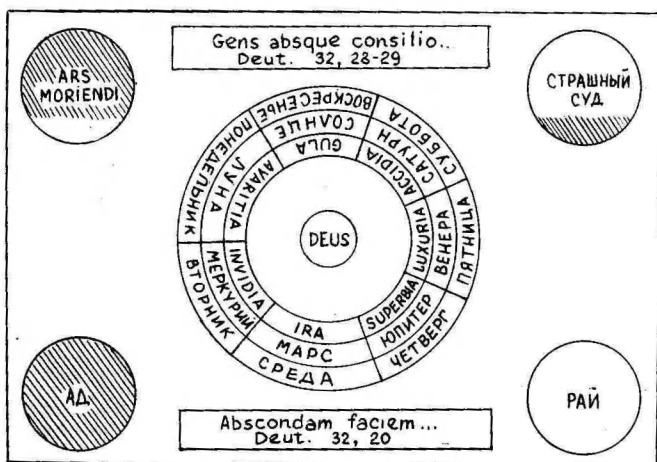
На главенствующем месте Гордыни оказывается Чревоугодие, позиция последнего в свои очередь занята Гордыней. При обратной рокировке получаем не томистский, но достаточно трафаретный порядок

Гордыня / Сребролюбие / Зависть / Гнев / Чревоугодие / Сладострастие / Леность, представленный, например, в "дон Кихоте": *Sorberbia / Envidia / Ira / Gula / Lujuria / Perezia* ("Don Quijote", II, 7 с опущением *Avaritia*).

Чтение нижнего кадра как "среда" подтверждается нидерландским наименованием этого дня недели (*woe(de)nsdag*, ср. *woed* "гнев" = *ira*). Ср. и в прочих случаях: *zondag* "воскресенье",

zonde "грехи"; vrij "распутный", vrijdag = день Фрей (Венеры) = "пятница"; zater "пресыщенный" (zaterdag = dies Saturni "суббота"). Склонность Босха к обыгрыванию слухового и зрительного образа общеизвестна. Если эта конъектура верна, то последовательность зависть -- гнев, обусловленная правилами иерархии грехов, но нарушающая порядок патронов дней недели, корректируется каламбуром. Нидерландские названия дня недели, как и вообще в германских языках, калькированы: (zondag = dies Solis; maandag = dies Lunae; dinsdag = dies Martis; woensdag = dies Mercurii, хотя в поздней германской мифологии функция Водана скорее аналогична Марсу; dondersdag = dies Jovis; vrijdag = dies Veneris (Фрей); zaterdag = англ. Satur(ns)day = dies Saturni), но едва ли зрители Босха были искушены в германской этимологии, иное дело латынь в последние века европейского двуязычия. Обиходный же нидерландский язык знали как ранние ценители Босха, так и будущие обладатели "Стола смертных грехов": Филипп I Красивый (уроженец Брюсселя), его внук Карл V (уроженец Гента) и сын последнего Филипп II Испанский, поместивший эту картину в своем личном покое. Уникальный почет, оказанный картине Босха хозяином Эскориала, не в последнюю очередь объясняется его пристрастием к астрологии.

В очень упрощенном виде схематизация корреспонденций в картине Босха приобретает следующий вид:

Судя по распределению света и теней, *ars moriendi* соответствует старому месяцу, Страшному суду -- фаза между полнолунием и третьей четвертью, ад -- новолуние, рай -- полнолуние. Сам греховный пояс у Босха представляет собой циклическую модификацию вертикально устремленной горы Чистилища Данте: вместо спирали -- замкнутый круг.

Теоретически возможен вариант, в котором аргумент задается как планетарный ряд по Птолемею. Тогда серия грехов образует функциональную последовательность сребролюбие (Луна), зависть (Меркурий), сладострастие (Венера), гордыня (Солнце), гнев (Марс), чревоугодие (Юпитер), леность (Сатурн).

Правда, у Данте небесные сферы использованы как место вечного обитания добродетельных небожителей, но еще до разработки идеи чистилища те же планетарные круги в учениях гностиков и герметизма (I трактат "Поймандр") толковались как горнило, в котором возносящаяся душа очищалась от земной скверны.

Так строится ряд семи смертных грехов у Шекспира. Речь идет о драматургической гепталогии 1600-х годов.

Генетически персонажи Шекспира, даже если они соотнесены с вполне определенными историческими лицами, восходят к моралите и далее к средневековой мистерии -- как и "адские" фигуры Босха (в середине XVI в. мистерия почти повсеместно в Европе была запрещена; столетие спустя при ее возобновлении в Лиссабоне устроители были вынуждены в поисках декораций и костюмов обратиться к дьяблерам Босха в "Искушении св. Антония"). Образность Шекспира вбирает мистериальную атрибутику, отраженную и в иконографии (Босха в том числе). Зеркало как атрибут Гордыни (ср. ведовские эпизоды в "Макбете"), антураж Сладострастия (в экспозиции "Антония и Клеопатры" влюбленный полководец сравнивается с шутом, в "Luxuria" Босха метафора реализована зрительно; в обоих произведениях фигурирует шатер, ср. тот же образ в "Luxuria" Брейгеля); Гамлет, как и мистериальная Леность, тучен и сонлив. Человеческая зависть и ревность иллюстрируется анималистическими параллелями. В свое время Каролайн Сперджен отметила зоометафорику как отличительную черту "Отелло". В соответствующем сюжете Босха ("Invidia") человеческая зависть дублируется грязней собак из-за кости, а коррелят "зависти" в угловом медальоне "Ад" возобновляет тот же образ, но костью служит сам грешник. В "Gula" Босха чревоугоднику противостоит нищий; "Кориолан" начинается сценой

мיתהжа голодных против сытых. В "Отелло" и "Кориолане" присутствует и обратная маркировка, но об этом ниже; пока же обратим внимание на то, что упомянутые образы не являлись авторской фантазией ни Босха, ни Шекспира: именно повторение сходных атрибутов в разных жанрах и даже у разных народов одной и той же культуры обеспечивало их узнаваемость.

Театральные персонажи, воплощающие скупость, ревность, кичливость и т.д. -- принадлежность комедии (нравов, масок, классицистической); астрологический вариант этого жанра представлен в комедии "эморов" Бена Джонсона. Прорыв Шекспира состоит в том, что он поместил порок на котурны.

По наиболее распространенной хронологии цикл трагедий 1600-х годов создавался в порядке "Гамлет", "Отелло", "Король Лир", "Макбет", "Антоний и Клеопатра", "Кориолан", "Тимон Афинский". Последовательность смертных грехов и их планетарных коррелятов имеет тогда следующий вид:

Гамлет	Отелло	Король Лир	Макбет	Антоний и Клеопатра	Кориолан	Тимон Афинский
леность	зависть	гнев	гордыня	сладо- страстие	чрево- угодие	сребро- любие
Сатурн	Меркурий	Марс	Солнце	Венера	Юпитер	Луна

Этот порядок аномален для лестницы грехов, в том числе ключевых -- гордыни, сребролюбия; ср. в современной постановке "Доктора Фаустуса" Марло (тексты 1604 и 1616 гг.) сравнительно традиционное явление на сцене Гордыни, Сребролюбия, Зависти, Гнева, Чревоугодия, Лениности, Сладострастия; по сравнению с ранее цитированным порядком второй части "Дон Кихота" у Марло (или автора вставки, по предположению некоторых исследователей) содержится только одна малая инверсия -- Лениности и Сладострастия. Зато шекспировская секвенция почти совпадает с порядком планетарных сфер по Птолемею, прослеженном в обратном направлении (не от Луны к внешнему Сатурну, как в "Рае" Данте, а от Сатурна к Луне). Единственным нарушением оказывается "рокировка" Меркурия и Юпитера.

И здесь следует учесть еще один параметр: знаки зодиака. Основа трагедии -- конфликт, и антагонисты (Отелло и Яго, отцы и дети в "Лире", Антоний и Август, Монтеки и Капулетти, нако-

нец) отмечены оппозитивными знаками зодиака, не случайно так часто упоминаются дни рождения героев. Знак Отелло -- Стрелец. Яго сообщает Брабанцио место, где следует искать Отелло и безвещую Деездемону:

I must show out a flag and SIGN of Love, / Which is indeed but SIGN. That shall you find him, / Lead to the SAGITTARY the raised search (I,I,157-159).

Отелло повторяет: I do beseech you, / Send for the lady to the SAGITTARY (I,3,115).

Истинные завистники и ревнивцы -- Яго и Родриго с испанизованными ("образ врага") и рифмуемыми именами, их знак -- Близнецы (один из "домов" Меркурия, вселяющего зависть). Стрелец же -- дом Юпитера (Отелло).

То же противоборство присутствует в "Кориолане"; заглавный герой становится жертвой ненасытной алчности (Gula) своих противников. Сцена голодного бунта начинается пьесу; в начале второго акта Менений предсказывает, что чернь пожрет Марция Кориолана:

Menenius. Pray you, who does the wolf love? / Sicinius. The lamb. / Menenius. Ay, to devour him, as the hungry plebeians would the noble Marcius (II,I,6-9).

В IV действии уже Кориолан констатирует:

Only that name (Coriolanus) remains; / The cruelty and envy of the people, / Permitted by our dastard nobles, who / Have all forsook me, hath devour'd the rest (IV,5,73-75).

В пятом акте Марция Кориолана доедают.

Не пренебрежем и планетарным индексом. В I,3 домочадцы Марция обсуждают характер его сына ("вылитого отца" -- "O' my word, the father's son", говорит Валерия). Первую свою ненависть наследник обращает на бабочку, а случилось это в среду (день Меркурия), это знак протагониста. Дни недели у Шекспира не упоминаются все, достаточно вспомнить о споре старого Капулетти с женой о дате скоропалительного брака Джульетты: и среда (день свадьбы), и четверг (трагическая развязка) оказывается роковыми для героев, родившихся под соответствующими планетами (Джульетта -- Меркурий, Ромео и Парис -- Юпитер).

С этими поправками совпадение внешнего и внутреннего порядка шекспировского цикла становится более очевидным -- следование грехов обратно геоцентрическому порядку светил:

Гамлет	Отелло	Король Лир	Макбет	Антоний и Клеопатра	Кориолан	Тимон Афинский
Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна

Зодиакальные оппозиции для прочих пьес рассмотрены мною в другом месте; здесь я ограничусь указанием на то, что во всех этих трагедиях представлены пары планет: Сатурн и Луна в "Гамлете" и "Тимоне Афинском", Меркурий и Юпитер -- в "Отелло" и "Кориолане", Венера и Марс в "Короле Лире" и "Антонии и Клеопатре", Солнце и Сатурн в "Макбете". Симметричность этого построения проиллюстрируем следующей схемой:

А.А.Аникст полагал, что от средневековой мистерии театр Шекспира унаследовал космический фон, несмотря на переход от циклической формы драмы к изображению конкретного события. "Каждая его пьеса -- это макрокосм в уменьшенном масштабе" (Аникст, 1986, с. 49). К сказанному остается лишь добавить, что Шекспир восстановил цикличность мистерии на уровне ее синтеза с современным ему натурфилософским миропониманием.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Аникст А.А. Шекспир и художественные направления его времени //

Шекспировские чтения 1984.-- М.: Наука, 1986.-- С.37-66.

Chaucer G. The Complete Poetry and Prose of Geoffrey Chaucer.

Edited by John H. Fisher. St. Louis, Missouri, 1977 -- 1032 p.

Thomas Aquinatis. Summa totius theologiae. Lugduni, 1663 --2522p.

THE SEVEN MORTAL SINS SYMBOLISM IN RENAISSANCE POETICS

V.I.Siletski

S u m m a r y

Dante's "Purgatory", Bosch's "Table of the Mortal Sins" and Shakespeare's cycle of tragedies written in the first decade of the 17th century show deviation from St.Thomas' sequence of the Seven Sins.

Dante used St.Gregory's paradigm. Each sin has its planetary patron in the week order with its respective metal (colour), e.g. Envy = Moon = Monday = Silver. The malevolent order in "Purgatory" is opposed to the favourable influence of the same planet in "Paradise". In "Purgatorio", the tercet VII,73-75 is to be taken into consideration especially.

The Seven Sins in Bosch's picture are presented as a hebdomadal astrological zone. GULA and SUPERBIA are inverted, see Deuteronomy 32,15 sqq. for explanation of the anomaly.

Shakespeare's sequence of tragedies may be interpreted as follows: "Hamlet" = Sloth = Saturn, "Othello" = Gluttony = Jupiter, "King Lear" = Anger = Mars, "Macbeth" = Pride = Sun, "Antony and Cleopatra" = Lust = Venus, "Coriolanus" = Envy = Mercury, "Timon of Athens" = Covetousness = Moon. Notwithstanding the visible contradiction as far as "Othello" and "Coriolanus" are concerned, the hypothesis is corroborated by Othello's and Coriolanus' horoscopes which are Sagittary, i.e. Jove for Othello and Mercury (Gemini) for Coriolanus (see "Othello", I,1,159 and I,3,115; "Coriolanus", I,3,58-60 and IV,4,15). The complementary zodiacal signs are identified in the whole series.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я.

В статье ставится задача систематизации основных типов представлений о природе языка и характере взаимодействия этих представлений друг с другом. Решение такой задачи позволяет поставить вопрос о специфике ситуации в современной лингвистике и тенденциях ее развития. Следует сразу же заметить, что данное исследование осуществляется не только с лингвистических, а прежде всего с общеметодологических позиций. Такой, не слишком привычный способ видения лингвистической реальности (взгляд на нее "как бы со стороны") требует определенной схематизации.

Прежде чем приступить к обсуждению существа поставленной задачи, сделаем несколько предварительных замечаний о природе выделенных нами типов представлений о языке.

Во-первых, можно говорить не только об определенных типах представлений о языке, но и об определенной их последовательности во времени, которую можно интерпретировать как генетическую (схематическую, модельную). Такая последовательность отображает типологические различия исходных установок исследователей, эволюцию их взглядов, а также различия и эволюцию научных школ. Именно поэтому об этих типах представлений можно говорить в определенной мере как об исторических периодах развития науки о языке. Во-вторых, в истории случаются длительные периоды сосуществования двух и более альтернативных концепций (например, сосуществование лингвистики и филологии), ввиду чего границы этих концепций оказываются размытыми и однозначно привязать к каждой из них конкретные представления о языке бывает трудно. В-третьих, каждая из фундаментальных концепций допускает сосуществование нескольких, порой сильно различающихся, а иногда исторически сменяющих друг друга версий, ввиду чего трудно дать достаточно компактную и полную характеристику каждой концепции. В-четвертых, говоря о конкретной школе и даже конкретном исследователе, нужно иметь в виду, что их представления о языке практически никогда не могут быть отнесены к какому-либо "чистому" типу; если же это делается, то это всегда идеализация, натяжка, игнорирующая какие-то детали, не всегда второстепенные.

С учетом сказанного, можно выделить пять фундаментальных

концепций языка: герменевтику, филологию, языковедение, семиологию и прагматическую лингвистику. В определенной историко-культурной ситуации доминирует какая-либо одна концепция языка, которая в процессе исторического развития сменяется другой.* Следует также учитывать, что указанные представления о языке являются познавательными. Однако существуют и деятельностные образы языка, такие, как поэтика, риторика, нормативная грамматика и др., которые коррелируют с определенными типами познавательных представлений и будут нами анализироваться вместе с ними. Рассмотрим последовательно каждую из упомянутых концепций.

1. Герменевтика.

Сутью этого способа рефлексии представления о языке яв-

---

*Выделенные типы представлений о языке можно обнаружить в разных культурных традициях: европейской, ближне- и средневосточной (иудейской и мусульманской), индийской и китайской, так что эти представления могут претендовать на достаточно большую степень универсальности (границы которой, однако, нами не исследуются). Названия выделенных концепций в значительной мере условны. В основном тексте обсуждается главным образом европейская традиция. В итоговой таблице даны по возможности универсальные формулировки.

Для понимания сущности выделенных типов можно воспользоваться примерами, которые будут рассматриваться в качестве эталонных. Иллюстрацией герменевтического подхода является книга С.С.Аверинцева (Аверинцев, 1977), филологию представляет Ю.Н.Тынянов (Тынянов, 1977), лингвистику - В.фон Гумбольдт (Гумбольдт, 1985), семиологию - Л.Ельмслев (Ельмслев, 1960), прагматическую лингвистику - И.П.Сусов (Сусов, 1983). Важно иметь в виду, что иногда суть одной концепции может излагаться с позиций другой. Так, например, указанная книга С.С.Аверинцева является филологическим изложением герменевтики, а структуралистическое рассмотрение мифологии является семиологической интерпретацией герменевтики (Иванов, 1977). Возможны и другие проекции одной концепции на другую.

Поскольку нашей задачей является сопоставление концепций, их содержание и аргументация приводимых положений излагаются очень сжато. Это же относится и к библиографии.

ляется отношение к нему как к чему-то данному свыше, к тому, что существует в символически осмысливаемом мире в кругу других явлений одухотворенной природы. В соответствии с таким представлением любое явление действительности рассматривается как текст, смысл которого нужно разгадать человеку (Аверинцев, 1977; Мифы народов мира, 1980-1982). Тексты на естественном языке при таком толковании в принципе не отличаются от текстов, записанных в Книге бытия животными, минералами, растениями (Муратова, 1984), и основной проблемой герменевтики поэтому оказывается проблема интерпретации текста. Таким образом, объектом герменевтики может быть любой фрагмент реальности, но актуальная герменевтическая работа с ним начинается только тогда, когда этот фрагмент рассматривается как текст, несущий в себе определенный смысл. Поэтому объект герменевтики несравнимо шире объекта филологии и языковедения (в последних он связывается с естественным языком). Предмет же рассмотрения в упомянутых трех концепциях оказывается одинаковым — план выражения свидетельствует о чем-то, что скрыто в плане содержания. Вместе с тем, существуют и отличия — для герменевтики эта связь всегда произвольна, в то время как для естественного языка эта произвольность проявляется лишь иногда. Именно поэтому характер и природа этой связи является предметом пристального интереса в герменевтике, но лежит на периферии исследовательских интересов филологов и языковедов. Чрезвычайно важным при этом является то, что человек (интерпретатор) в таком контексте рассматривается как посвященный, как тот, для которого в принципе искомый смысл уже раскрыт, но недостаточно прояснен, проявлен. В этом состоит коренное отличие герменевтики от экзегетики как метода интерпретации для непосвященного. С точки зрения знаний о языке это означает, что в герменевтическом процессе "создатель" и человек говорят на одном языке. При данном подходе принципиально различие означаемого и означающего, выступающее как различие смысла и явления, в котором манифестируется этот смысл.

Наиболее существенной чертой герменевтики, характерной для всех ее версий (в том числе и современных), является представление о том, что смысл скрыт за явлением и поэтому требуются специальные процедуры выявления смысла, стоящего за явлением. В этом аспекте отношение герменевтики к явлению про-

тивоположно наивнореалистическому взгляду, доверяющему видимому; причем в данном случае недоверие к видимости и сущности является тотальным в противоположность локальному рассогласованию видимости и сущности, рассматриваемому естествознанием (Гайденок, 1983, с. II2).

Описанное отношение к миру редко выступает в рафинированном виде, оно меняется от эпохи к эпохе, разрабатывается с разной степенью глубины. В своих нерасчлененных формах это будет анимистическое сознание, в более тонко рефлексивных — мифологические представления. Наиболее развитым выражением подобной позиции являются детально отрефлексированные и тщательно описанные представления иудаизма о Книге ^Ж(Тере), ради которой создан весь мир. Другим примером будет логология, в которой Христос рассматривается как Бог-слово, через которое являет себя Бог-отец.

Исторически сложилось так, что при формировании герменевтического подхода к языку не было проведено последовательного различения слова и текста, слова и речи, слова и языка; в герменевтической традиции оно не играет существенной роли. ^{ЖЖ}

Герменевтика, выступающая как "сверхестественный" способ интерпретации текста, является частью мистической практи-

---

^{ЖС} этим представлением о Книге связано и существенное для христианства понятие "Книги Жизни", в которой записаны праведники, а также фундаментальное для средневекового христианства представление о Мире как Книге. В связи с последним, в частности, формируется особый жанр средневековой литературы — бестиарии, являющийся, с одной стороны, некоторым подобием Книги Мира, а с другой — основой для формирования современного жанра сводки в описательном естествознании.

^{ЖЖ} Греческий λόγος может переводиться всеми перечисленными способами, хотя у античных грамматиков порой и проводится более тонкие различия (например, различие λόγος и λέξις). К тому же λόγος может обозначать и число. Для герменевтической традиции все эти различия несущественны и принципиальным является лишь то, что все это есть средство обозначения некоторого смысла. Ср. представление о слове у П. Флоренского (Флоренский, 1973), герменевтическое по сути учение о числе — арифмологию (Спафарий, 1978).

ки. В таком своем качестве она связывается с тайными учениями глубочайшей древности, в которой, собственно, и возникли тайные связи почитателей Гермеса, с именем которого и связано возникновение термина герменевтика (Черны, 1977).^{*} Далее эта традиция проходит через пифагорейский союз, платоновскую академию, стоиков, неоплатоников, практика которых наследуется затем средневековым христианством. В таком обличье герменевтика выступает в качестве инструмента тайного познания и не актуальна для анализа развития представлений о языке.

Однако развитие герменевтики порождает и определенные, достаточно "овнешненные" методы работы с текстом. Среди последних можно упомянуть следующие:

1. Моралистическая интерпретация Гомера стоиками, использованная впоследствии Филоном Александрийским и Оригеном — основателями Александрийской школы герменевтики (Борев, 1985).

2. Христианское представление о четырех смыслах Писания: 1) историческом или буквальном; 2) аллегорическом (когда описываемые события обозначают некоторые другие события, ради которых создается текст); 3) метафорическом или моральном (когда описываемые события рассматриваются как материал для наставления); 4) аналогическом или мистическом, ведущем человека к спасению.^{**} Такая практика интерпретации текста породила довольно изощренную технику выявления его смысла, способствовала формированию понятийного аппарата герменевтики.

3. В христианской традиции, как и в других религиозных традициях, существует представление о преобразующей роли звучащего слова, поэтому некоторые ключевые слова должны сохранять свое звучание при переводе (ср. сохранение еврейских аллилуя и аминь, пришедших из греческого, а также греческих терминов для обозначения утвари в русском церковном языке).

---

^{*} Такое толкование содержания термина "герменевтика" не является единственным и бесспорным. Некоторые специалисты связывают содержание этого термина с греческим глаголом *ἑρμηνεύω*.

^{**} Еще более развита подобная техника в персидской поэзии (ср. образ красавицы и зеркало для обозначения мудреца, ищущего истину, вина и пьяницы для обозначения истины и ее поборника, что порой приводит к совершенно неосновательному истолкованию Омара Хайяма как любителя спиртного). Аналогичные явления известны в китайской, японской и других литературах.

Аналогичная картина наблюдается и при переводе буддийского канона в Китае (Комиссарова, 1987). Такая практика является источником предельного консерватизма языка богослужения, а в своих крайних проявлениях сопровождается или запретом перевода священных текстов (например, Корана) или же тем, что к переводу начинают относиться как к чрезвычайному событию (например, перевод католической библии на национальные языки потребовал специального постановления II Ватиканского собора). Очевидно, что в этом случае речь идет прежде всего о герменевтике устной речи.*

С герменевтикой устной речи связано и представление о святости уст и возможности их осквернения погаными словами (Даль, 1955).** Это представление в свою очередь латентно связано с родством дыхания и духа, что вводит проблему устной речи в круг вопросов христианской пневматологии как учения о Святом Духе. Таким образом, герменевтика связывает вопросы логологии и пневматологии.

4. Особым приемом герменевтической интерпретации является порождение сакрализованных текстов-этимологий и псевдоэтимологий. Это порой приводит к утверждению, что мир создан таким образом, чтобы существовали омофоны ключевых слов в разных языках (ср. древнееврейскую и греческую этимологию слова "пасха").*** С этим явлением коррелирует и то, что в средневековых bestiaries с названием животного связываются его нравственные качества, обозначающие, в свою очередь, качества человека. Именно поэтому в этих текстах для описания существ выделен раздел раздел "экивок", содержащий сведения об этимо-

---

*Подобная установка связана с проблемой мотивированности знака (Газов-Гинзберг, 1974; Материалы по проблемам мотивированности языкового знака, 1969).

**Ср. в статье "Лицо": "Губы - духовная хвала".

***Использование народных этимологий и псевдоэтимологий - осознанный герменевтический прием, который существовал наряду с использованием собственно лингвистических методов (например, опора на псевдоэтимологию в индийской герменевтике наряду с использованием семиологической по сути концепции Панини). Еще более экстравагантный пример - приписывание лексического значения заимствованным санскритским мантрам, лишенным такового в санскрите, но омонимичным тибетским речениям.

логии (Муратова, 1984). Этот раздел сохранился и в современных таксономических описаниях (хотя и под другим названием).

5. Предметом герменевтики является и графическая сторона существования речи. Буквы в герменевтике священны и самостоятельны: они могут либо взлететь на небо при сжигании свитка, либо переходить в тело человека, поедаящего свиток (Аверинцев, 1977, с.189). Буква в герменевтике – такой же символ, как текст в целом, животное или камень. Однако в отличие от последних букву может начертать сам человек, и такой акт возводится в ранг священнодействия. Это обстоятельство определяет высокий социальный статус писцов, внимание к каллиграфии, к художественному оформлению книги. Пределом указанной тенденции традиционно считаются китайские тексты, выступающие как самостоятельное произведение живописи (Завадская, 1975 ; Соколов-Ремизов, 1985).

Так или иначе, герменевтика является определенным способом рефлексии образований, рассматриваемых как сакральный текст на некотором языке. Однако можно говорить и об определенных представлениях о порождении сакральных текстов. В этом случае появляется возможность обсуждать литургическое отношение к языку, противопоставленное герменевтическому.

II. Филология.

Для филологии, как и для герменевтики, различие между словом, языком и речью несущественно. В центре внимания, однако, оказывается текст, прежде всего письменный, подлежащий анализу и комментированию. Текст при этом выступает как самостоятельная, практически самозамкнутая реальность; проблема референции здесь отступает на самый задний план. Именно поэтому филологи интересуются преимущественно художественными и публицистическими текстами, по отношению к которым практически не значим вопрос об истинности описываемого, статус его существования. Ввиду вымышленной или проектной природы описываемых референтов вопрос об истинности их существования в филологии заменяется вопросом об исторической релевантности их интерпретации. Текст в филологии выступает как продукт творческой деятельности некоторого автора и предмет чтения потенциальным адресатом, образ которого, однако, в высшей степени расплывчат. Одной из существенных сторон филологического анализа является интерес к эстетике текста, преломляющейся под углом зрения стилистики, для которой центра-

льной оказывается проблема художественной формы. Эстетика текста, будучи центром филологического анализа, предопределяет ориентацию филологической мысли на нормативный аспект языка. Именно под углом зрения нормативов, их исторического развития и допустимых отклонений и анализируется язык в рамках филологического подхода. Основным жанром филологии оказывается комментарий. Последний, ввиду объективного развития языка, неизбежно обращается к анализу эмпирического мира, вводя тем самым референтный аспект в рассмотрение текста. Однако эмпирическая сфера, вовлекаемая в область филологического анализа, довольно узко очерчена: это человек, его мир и ближайшее окружение, явления природы. Научные концепции, теологические представления почти не попадают в поле зрения филолога, а если и попадают, то только в опосредованном виде, объясняя смысл и мотивы человеческих поступков. Такое отношение к проблеме референции, органически связанное с историческим мышлением,^{*и} дало основание Ф. де Соссюру определять филологию как метод критики источников (Соссюр, 1977, с. 39). Примечательно и то, что хотя соссюрское определение не исключает филологическо-

---

^{*С} исторической критикой связана трактовка герменевтики в новое время — у М. М. Хлодениуса, Т. Ф. Майера, В. Дильтея, Л. Ранке и Г. Драйзена. В таком качестве герменевтика по сути теряет свою специфику как особый способ отношения к миру и становится просто составной частью филологии. В связи с этим, в частности, ныне можно говорить не только о герменевтизации прикладной лингвистики (для уточнения можно было бы привязать эту линию развития о языке к александрийской, символично-аллегорической герменевтической традиции), но и о герменевтизации филологии, которая, однако, есть совершенно другой процесс, идущий почти в противоположном направлении и явно тяготеющий к антиохийской (исторической) школе герменевтики. В дальнейшем в данной работе проблемы, связанные с филологической герменевтикой XIX — XX вв., рассматриваться не будут. Также лишь косвенно будет рассматриваться проблематика онтологической герменевтики, связанной с именем М. Хайдеггера (см. напр., Михайлов, 1984). Следует, однако, заметить, что ныне герменевтика претендует на то, чтобы вместе с аксиологией дополнить онтологию и гносеологию в качестве раздела философии (см. Борев, 1985; Гайденко, 1975).

го анализа научных текстов, разговорной речи, профессиональных жаргонов, традиционная филология интересовалась этим очень слабо. Вместе с тем, отмеченное обстоятельство определило то, что филология стала центром гуманитарной культуры в целом и гуманитарного образования в частности. Исторически это диктовалось тем, что идеологи Возрождения поставили именно человека (и речь как продукт его деятельности) в центр мира, отодвинув природу (в том числе и одухотворенную) на периферию. Однако по мере развития естествознания произошло отчуждение гуманитарной культуры от деятельности, в результате чего сформировался образ замкнутого в себе, оторванного от реальной жизни филолога-гуманитария, образ книжного червя, ставшего предметом насмешек, а в настоящее время и явным анахронизмом. В такой ситуации филологи пытаются компенсировать возникший психологический дискомфорт: они гордятся своими "полиглотическими" способностями, утонченным чувством стиля, выступают как потерявшие чувство реальности ритористы, нормализаторы речи, что, как это не парадоксально, на практике может привести к явно выраженной ксенофобии: профессионал в области коммуникации становится некоммуникабельным.

Естественно, в рамках филологического подхода осуществляется работа не непосредственно с языком, а он вычленяется как материал, используемый для построения словесного произведения. Такая работа необходима прежде всего для осуществления перевода, поэтому рефлексия языка является одной из задач филологии. Однако, будучи подчиненной прежде всего практическим задачам изучения литературного процесса, эта задача решается методами идеографического знания, что затрудняет обнаружение каких-либо регулярных, законосообразных явлений в языке. Такое положение дел определяется, в частности, концентрацией внимания филолога на сфере коннотаций, главным образом, стилистических. В итоге, слово, идиома, произведение в целом рассматриваются как нечто уникальное и неповторимое, что заслоняет видение универсалий языка и законов построения текста. Язык для филолога это сфера произвольных действий человеческих групп, не ограниченных никакими рамками природного, внеположенного человеку характера.

Деятельностными коррелятами филологического подхода являются поэтика, нормативная (практическая) стилистика, риторика, культура речи.

Филологическое отношение к тексту восходит к античности и характерно для комментаторской традиции Китая и Индии. В Европе она получает распространение в новое время, развиваясь и манифестируясь в рамках текстологии, эпиграфики и т.п. В XIX в. (Бёк) подобную практику начинают называть герменевтикой (новой герменевтикой), сопрягая ее с идеей исторической реконструкции Дильтея. Фундаментальные отличия герменевтики от филологии (включая новую герменевтику) тем не менее сохраняются. Дело в том, что герменевтический подход к тексту предполагает послойное освоение его смысла, который последовательно раскрывается читателю в зависимости от подготовки, достигаемой всей его жизненной практикой. Поэтому герменевтика органически связана с аскетикой как определенным способом организации повседневного поведения. Филология же исходит из того, что в тексте существует один смысл (в частности, детерминированный исторической определенностью обстоятельств создания текста), который следует дешифровать или реконструировать специалисту и донести его до читателя. У читателей же, независимо от уровня их духовного развития должно быть сформировано единое "правильное" представление о тексте и его смысле. Из этого следует, что с точки зрения филологии герменевтика и экзегетика неразличимы как методы интерпретации текста.

III. Языковедение.

Языковедение как один из способов отношения к слову характеризуется сосредоточением внимания на языке, выступающем в качестве материала речевого произведения, письменного или устного. Физическая природа материала плана выражения рассматривается в значительной мере как чисто произвольная, условная, не вытекающая из психо-физиологической природы человека и процессов, в которые он вовлечен. Одновременно слово лишается не только сакрализации, присущей ему в герменевтике, но и священности, которым оно обладает в филологии. Подобная установка позволяет расширить интерес к сфере "достойной" речевой деятельности, в частности объектом лингвистического исследования становятся территориальные диалекты, разговорная и отчасти профессиональная речь.*

---

*Указанное расширение интереса к "достойной" речевой деятельности достигает еще больших масштабов в настоящее время. Человек во всей своей многоликости, во всем многообразии сво-

Весьма своеобразной чертой лингвистики является ее отношение к референтному аспекту языка. С одной стороны, связь слова с референтом представляется в значительной мере произвольной, и это потенциально предрасполагает к рассмотрению слова как единицы языка, не соотносимой явно с какими-либо эмпирическими и когнитивными реальями. Такая установка и позволяет лингвистике освободиться от остальных областей гуманитарного знания, прежде всего филологии. С другой стороны, этот разрыв с эмпирической реальностью не оказывается столь глубоким, как это имеет место в классических работах структуралистов.* Именно поэтому лингвисты, в особенности лексикографы, а в еще большей степени лексикографы-филологи каким-то образом соединяют свою деятельность с внеязыковой реальностью, но это соотношение не оказывается достаточно четко структурированным. Не совсем понятно, на чем именно акцентируется работа таких лексикографов: или на референтах, или на сигнификатах.**

Еще более характерным для лингвистики является размытость представлений об онтологии языка. С одной стороны, утверждается, что язык есть средство общения, а с другой, последовательно проводится принцип рассмотрения языка вне процессов человеческой коммуникации, относимых лингвистами к сфере социологии и психологии. Вследствие этого в лингвистике создается имманентное концептуальное напряжение, в среде которого лингвисты в зависимости от личных склонностей "уклоняются" в герменевтику (Вл. Даль), филологию (В.В. Виноградов), психологию (А.А. Шахматов) и т.п., т.е. вынуждены работать одновременно с двумя и более образами языка. Выход за пределы предмета определяется по сути дела ориентацией на сигнификат, от

их внешних связей становится объектом исследования самых разнообразных лингвистических дисциплин. Именно это обстоятельство и определяет в значительной мере возможность сосуществования в современной лингвистике различных концепций языка, в том числе представлений о природе языка, которые рассматриваются в настоящей работе.

* Имеются в виду классические структуралистские работы семиологов, выполненные в рамках внутренней лингвистики.

** Естественно, из этого есть исключения, например, интерес к истории референтов в школе "Слова и вещи" (Шухарт, 1964).

которого явно не отчленяются коннотаты. Ввиду сказанного оказывается принципиально невозможным провести четкую грань между лингвистической семантикой, логикой и психологией.

Безусловной заслугой сторонников такого представления о языке является накопление и предварительная систематизация большого массива эмпирических знаний о языках различных типов, построение глобальных систем взаимосвязи языков (сравнительно-историческое языкознание), формирование концепции языкового развития как самостоятельного исторического процесса, не зависящего от развития культуры и общества.

Деятельностные представления о языке, коррелирующие с лингвистическим подходом, связаны с формированием в качестве особых типов профессиональной работы таких видов профессиональной деятельности как преподавание языков (родного и иностранных), перевода, дешифровки и др. Особо важной сферой такой прикладной деятельности является создание различного рода языковых нормативов: нормативных грамматик, унифицированной орфографии, орфоэпических правил и т.п. Такая деятельность отчасти даже заслоняет стихию спонтанного речевого поведения, которое рассматривается в случае отклонения от норм как сниженный стиль, не заслуживающий серьезного внимания при изучении природы языка. В еще большей мере это относится к профессиональным языкам, прежде всего искусственным.

Рассмотренное представление о языке доминирует на историческом этапе, простирающемся от Гумбольдта до Соссюра и сохраняет достаточно прочные позиции до настоящего времени, ставя, однако, в центр своего внимания говорящего человека.

IV. Семиология (структурная лингвистика).

Семиология (структурная лингвистика) продолжает движение, начатое отчленением лингвистики от филологии, но разрушает внутреннее напряжение, свойственное лингвистике. Исходным для нее является отношение к языку как к системе знаков, находящимся в определенных отношениях, причем как знаки, так и эти отношения рассматриваются как внеположенные той реальности, для описания которой они используются (представление об условности знака). Язык как предмет семиологии выступает как своего рода алгебраическая система с собственными имманентными законами, что явно сформулировано у Ф. де Соссюра (Соссюра, 1977) в предельно формализованном

виде представлено у Л.Ельмслева (Ельмслев, 1960). Для того чтобы провести четкое отделение языка от эмпирической реальности, потребовалось корректное различие смысла и значения, референта и сигнификата, что и выдвинуло на первый план обсуждения проблем, связанных с семантическим треугольником (Ф.де Соссюр, Г.Фреге, Р.Карнап и др.). Это позволило четко провести различие психологии, логики и лингвистики, оставив за последней прежде всего сферу выявления значений (а не смыслов) и синтактику. Семантика же и, в особенности, прагматика, декларированные как составляющие семиотики, остаются за рамками семиологии (внутренней лингвистики).

Такая постановка вопроса примечательна в нескольких отношениях. Прежде всего язык оказывается объектом приложения точных методов, что способствует размыванию границ между гуманитарным и естественно-научным знанием, а четкое вычленение предмета позволяет интенсифицировать исследование языка. Кроме того, в рамках структурного подхода появляются принципиально новые возможности типологического исследования языков (Успенский, 1962). Для семиологии характерна определенная схематичность и сухость, отчасти замыкание в собственных теоретических построениях. Проявляется это по-разному. Так, для Л.Ельмслева эмпирия языка является чем-то случайным и второстепенным, для Пражской школы, продвигавшей структуралистские методы в область традиционной филологии, свойственен некоторый схематизм и формалистичность, но в целом для структурной лингвистики характерно преобладание глобальных теоретических исследований над изучением конкретных языков.

Деятельностным коррелятом семиологии является разработка метода оппозиций и дистрибутивного метода, на основании которых разрабатываются алгоритмические языки, строятся дешифровочные алгоритмы, описываются новые естественные языки и т.п.

У. Прагмалингвистика.

Современное состояние знаний о языке характеризуется тем, что в центре исследовательского интереса оказывается говорящий человек, принимающий участие в конкретной деятельности. Речевая деятельность рассматривается как компонент этой деятельности, а в сферу лингвистического интереса втягиваются самые разнообразные представления о природе человека и реалий, с которыми он взаимодействует. Прежде всего это находит отра-

жение в привлечении психологических и социологических представлений. Именно поэтому психолингвистика и социолингвистика выдвигаются на первый план формирующейся в настоящее время новой концепции языка. Эту концепцию предложено называть прагмалингвистикой (Сусов, 1983). Наряду с этим в современной культуре активизируется другое, интересующееся сходной проблематикой движения мысли, называемое коммуникологией (Рождественский, 1984), в которой речевая коммуникация исследуется в кругу других видов человеческой коммуникации и в сочетании с ними.

Деятельностным коррелятом прагмалингвистики является прикладная (инженерная, компьютерная) лингвистика, которая как и прагмалингвистика базируется на достижениях предшествующих подходов к изучению языка. Основой формирования ее концептуальной базы явились главным образом достижения семиологии, используемые для решения многочисленных практических задач, таких, как перевод с одного естественного языка на другой, дешифровка системы языка по данным речи, обучение языку, редактирование, построение информационно-поисковых языков и др. Центральной задачей прикладной лингвистики является построение систем искусственного интеллекта. Именно в этой суперзадаче наиболее четко просматривается взаимодействие и взаимное влияние прагмалингвистики и прикладной лингвистики.

ж ж ж

Прежде чем подвести итоги проведенного анализа, отметим, что другие способы видения материала могут привести к выделению других типов представлений о языке и даже построению дополнительных самостоятельных типов.

Как уже говорилось выше, рассмотренные концепции языка являются чистыми типами, которые в реальных исследованиях тесно взаимодействуют друг с другом. Приведем один показательный пример.

Известно, что Роман Якобсон идейно и организационно связан с Пражской школой структурной лингвистики. Вместе с тем у него явно выражены филологические интересы. Кроме того он интенсивно занимался теоретической поэтикой, отчасти реализуя ее принципы в собственной поэзии (имеются в виду его ранние футуристические опыты). Наряду с этим он остро интересовался проблемами фоносемантики, естественно вплетающимися в прагмалингвистику. Более того, его интерес к теории информа-

ция и теории связи непосредственно соотносится с прикладной лингвистикой.

VII. Заключе́ние.

На основе рассмотренного материала можно сделать ряд практически значимых выводов:

1. Можно говорить по крайней мере о пяти разных подходах к языку, доминирующих на определенных этапах развития представлений о языке, но могущих длительное время сосуществовать в той или иной комбинации в определенной культуре. На практике это имеет двоякое значение.

2. Во-первых, как при изучении истории языкознания, так и при ее преподавании следует иметь в виду, что речь должна идти о принципиально разных картинах языка и речи, которые во многом не сопоставимы друг с другом. Нужно быть в высшей степени осторожным (это требование распространяется и на авторов данной статьи) при выявлении исторической преемственности представлений о языке, при истолковании "гениальных" прозрений древних. В первую очередь речь здесь должна идти о реконструкции той картины мира, в которую помещали язык эти мыслители. Большинство этих соответствий, видимо, не предугадывает будущие концепции, а имеет статус системного изоморфизма разных представлений одного и того же объекта.

3. Во-вторых при синхроническом анализе знаний о языке важно выделять по крайней мере те представления о природе языка, которые были рассмотрены нами, и не смешивать их, что, с одной стороны, затрудняет концептуальный перенос из одной философско-методологической традиции в другую, а с другой стороны, настоятельно требует анализа механизмов такого переноса. Последнее существенно для того, чтобы иметь возможность обогащать представление о языке и речи путем обращения к прошлому, в частности к ставшим недавно доступными для европейцев инокультурным (азиатским, например) концепциям языка и речи.

4. Необычайное расширение представлений о природе языка достигается в настоящее время благодаря тому, что лингвистика становится прикладной дисциплиной, а практика требует рассмотрения тех аспектов языка, которые являются дискуссионными для академической традиции.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Наука, 1977.
- Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика. — В кн.: Художественная рецепция и герменевтика. — М.: Наука, 1985, с. 3-68.
- Газов-Гинзбург Л.М. Символизм прасемитской флексии. — М.: Наука, 1974.
- Гайденко П.П. Философская герменевтика и ее проблематика. — В кн.: Природа философского знания. Ч. I. — М.: ИНИОН, 1975, с. 134 — 217.
- Гайденко П.П. Герменевтика. — В кн.: Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983, с. III — II2.
- Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 — М.: Гос. изд-во иностр. и национал. словарей, 1958, с. 258.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. — М.: Прогресс, 1960.
- Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая — М.: Искусство, 1975.
- Иванов Вяч. Вс. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных представлений. — В кн.: Семиотика. Вып. 8. Труды по знаковым системам. — Тарту: Тартуск. ун-т, 1977, с. 45-64.
- Комиссарова Т.Г. Роль библиографии в истории китайского буддизма. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1978-1979 гг. — М.: Наука, 1987, с. 218-233.
- Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. — Л.: Наука, 1969.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Под ред. С. А. Топорова, — М.: Советская энциклопедия. Т. I, 1980, Т. 2, 1982.
- Михайлов А.А. Современная философская герменевтика. — Минск: Изд-во "Университетское", 1984.
- Муратова К. Средневековый bestiary. — В кн.: Средневековый bestiary. — М.: Искусство, 1984, с. 5-52.

- Рожественский Ю.В. Актуальные проблемы социалистической советской риторики. - В кн.: Риторика и стиль. - М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Соколов-Ремизов С.Н. Литература - каллиграфия - живопись. - М.: Наука, 1985.
- Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977.
- Спафарий Н.Г. Арифмология. - В кн.: Спафарий Н. Эстетические трактаты. - Л.: Наука, 1978.
- Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики. - В кн.: Содержательные аспекты предложения и текста. - Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1983, с.3-15.
- Тнянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977.
- Успенский Б.А. Принципы структурной типологии. - М.: Изд-во МГУ, 1962.
- Флоберский П. Строение слова. - В кн.: Контекст 72. Литературно-теоретические исследования. - М.: Наука, 1973, с.348-375.
- Черны И. Проблема анализа текста в марксистско-ленинской философии. - Философские науки, 1977, № 2, с.122.
- Шухардт Г. Вещи и слова. В кн.: История языкознания XIX-XX вв. Ч. I - М.: Просвещение, 1964, с.312 - 320.

Способы интерпретации языка и текста в пяти фундаментальных
концепциях языка

	Герменевтика	Филология	Лингвистика	Семиология	Прагмалингвистика	
	1	2	3	4	5	6
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС						
Тип семиологических средств	Символ	Троп	Исторически детерминированный знак	Знак	Комплекс знаковых средств	
Размерность отношения к языку	бесконечность	многомерность	одномерность	одномерность	"нужномерность"	
Фундаментальное время	панхроническое	историческое	грамматическое	-	физическое	
Характер понимания	бесконечное углубление	выявление исторического смысла	понимание текста	понимание конвенционального смысла	понимание разных слоев смысла	
Цель обращения к тексту	спасение	полезный досуг	сообщение сведений	передача информации	осуществление действия	
Отношение к числу	арифмология	пренебрежение числом	безразличие к числу	интерес к числу	квантитативные методы	
Статус текста	часть мира	историко-художественный памятник	речевое произведение	суперзнак	компонент деятельности	
Отношение между человеком и языком	дар речи (двусторонний)	средство творчества	средство коммуникации	пространство семиотической игры	средство практической деятельности	

I	2	3	4	5	6
Представление целостности	духовная целостность	произведение как памятник	этническая целостность языка	системность языковых структур	целостность актов речевой деятельности
Семиотическая ориентация	прагматика	семантика	семантика синтактика	синтактика	прагматика
Универсальная семиотическая модель	текст бытия	энциклопедия	словарь	тезаурус	семантическая сеть

С Е М И О Л О Г И Ч Е С К И Й С Т А Т У С

130

Роль референта	сакрален	представляет класс	случаен	незначим	интересен
Связь означаемого и означающего	сакрализованная природа	культурная обусловленность	историческая обусловленность	произвольность (локальная)	гетерогенная детерминация
Статус устной речи	проявление духа	второстепенная (кроме ритуалики)	первична	случайна	определяется природой человека
Статус письменной речи	явление тайного (в том числе профанация)	надежное средство фиксации текста	доступная форма представления речевого материала	декларативно равноправная форма существования речи	визуализированная форма существования речи
Статус материала плана выражения	священен	традиционен	дан	произволен	неслучаен
Роль этимологического значения	сверхэффективность (перформативность)	источник коннотаций	факт истории языка	предмет внешней лингвистики	средство различения синонимии

I	2	3	4	5	6
Роль коннотаций	неразделимость концептуального	историко-культурная ценность	источник неопределенности	источник вторичного семиозиса	имплицитное средство актуализации иллокутивных интенций
Роль омонимии	проникновение в замысел	улучшение понимания	осложнение общения	факт языка	поиск средств разрешения омонимии на глупбинном уровне
Контекстная зависимость смысла и знаковых средств	значимое приращение смысла в контексте	модификация смысла в контексте	ориентация на концептуальное значение	потенциально полная зависимость от контекста (ценность знака)	взаимодействие контекстного и инвариантного значения

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ СТАТУС

Деятельностный коррелят научной концепции языка	литургика	поэтика риторика	дидактика нормативная грамматика	дескриптивизм как процедура открытия грам- матики	прикладная лингвистика
"Присущность" человеку	бытийная	привычная	случайная	отсутствует	психофизиологическая
Соотношение "слова" и "дела"	средство творения	передача образа	передача сведений	-	слово есть дело
Тип адресата	"имеющий уши"	образованный	обученный	компетентный в языке	разные типы адресатов
Роль перформативов	средство творения	средства создания текста	часть речевого этикета	-	орудие деятельности

I	2	3	4	5	6
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС					
Методологический подход	натурофилософский подход (онтологизм)	логико-эпистемический подход	логико-эпистемический подход	системный подход	системно-деятельностный подход, комплексный подход
Базовый метод	откровение	проникновение	наблюдение	реконструкция	экспертиза
Объект	текст как вмещатель смысла (поэма)	текст как памятник	речевой материал на естественном языке	речевой материал на естественном и искусственном языках	процесс по рождению и восприятия речи
Предмет	сакральный смысл текста	текст как произведение (художественная форма и смысл)	язык, извлекаемый из речевого материала	структура языка, извлекаемая из речевого материала или постулируемая	речевое общение

BASIC TYPES OF CONCEPTIONS OF THE LANGUAGE NATURE

S.V. Chebanov, G.Ya. Martynenko

S u m m a r y

Summary

The article describes some basic types of cognitive conceptions of the language nature (hermeneutics, philology, linguistics, semiology, pragmatic linguistics) and characteristic features of their interaction. It is noted that in a definite historical and cultural situation some language conception only is prevailing and is turning into another one in the process of historical development. Along with the cognitive conceptions the article discusses activity images of language: poetics, rhetoric, normative grammar, applied linguistics, etc., correlating with definite types of cognitive conceptions. The extraordinary extension and deepening the views of the language nature of late is due to the fact that linguistics is becoming an applied branch of science facing the solution of the very diverse problems connected with the man's practical activities.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Рецензия на книгу: В. В. Левицкий. Статистическое изучение лексической семантики. - Киев: Учебно-методический кабинет по высшему образованию, 1989. - 156 с.

Рецензируемая книга представляет итоги и проблемы применения статистических методов при изучении лексической семантики, предпринятого автором проф. В. В. Левицким и его сотрудниками при Черновицком государственном университете в течение последних 10 - 15 лет. За это время накоплен большой материал, и настало время осмыслить и обобщить его, разработать общую теоретическую концепцию этой отрасли современной количественной лингвистики. Автору удалось сделать это в достаточно простой и доступной форме, так что книга-монография может быть использована в качестве учебного пособия для студентов-филологов. Книга позволяет читателю самостоятельно подготовиться к изучению теоретических и практических проблем изучения связей и отношений на меж- и внутрилексемном уровне и в плане парадигматики и синтагматики. Книга снабжена обширным списком литературы, охватывающей все важнейшие работы в области лексической статистики последнего времени.

В книге В. В. Левицкого дается полный обзор наиболее известных методов лексикостатистики с привлечением иллюстративного материала из английского и немецкого языков. Во многих случаях дается новая, оригинальная трактовка применения статистического метода, например, при анализе семантической связи между лексическими единицами с учетом "веса" их компонентов (с. 88 и след.). Большой интерес представляет также предлагаемая процедура инвентаризации лексических микросистем на основе степени близости семантических компонентов (с. 97 и след.). Перечень полезных методов и приемов статистического исследования лексики и семантики, а также межуровневых связей (лексики и фонетики, лексики и морфологии, лексики и синтаксиса) можно было бы еще продолжить, но важно указать на то, что книга выходит за рамки решения чисто лексикостатистических задач. В ней обсуждаются очень многие актуальные проблемы теоретической лингвистики, такие как иерархичность отношений в лексике, проблемы и методы изучения смысловой структуры слова, типологии лексической сочетаемости и др.

Первая глава посвящена лексическому значению и методам его изучения. Дается критический анализ существующих подходов, ясно и доступно излагается точка зрения автора. В сравнительном плане рассматриваются существующие методы изучения смысловой структуры слова (методы контекстологические, структурные, психодингвистические и статистические), и делается вывод, что наиболее экономным и эффективным является статистический метод, в частности корреляционный анализ и его разновидность — метод измерения сопряженности альтернативных признаков. Результаты количественного анализа непременно интерпретируются с содержательной, лингвистической точки зрения.

Во второй главе рассматриваются синтагматические отношения в лексике и методы их изучения. Обсуждаются проблемы лексической сочетаемости элементов одного грамматического класса, синтаксическая сочетаемость слова и семантическая сочетаемость подкласса слов. Предлагается статистическая процедура для распознавания постоянного контекста и отграничения его от переменного контекста. Удачно решается задача выявления и измерения семантической сочетаемости на основе таких критериев, как объем и частота употребления подкласса слов, определяется критерий "употребительности" (функциональной нагрузки) подкласса, выявляется "широта" сочетаемости и др. Конкретно изучается связь между разными семантическими классами прилагательных немецкого языка (прилагательными положительной и отрицательной оценки, эмоционального состояния, размера, формы и т.д.) и разными подклассами наречий (качественных, количественных, наречий времени, места, условия, причины и др.).

В третьей главе анализируются парадигматические отношения в лексике. Кроме лингвотейоретических проблем, касающихся типологии парадигматических отношений и инвентаризации лексических микросистем, в работе большое внимание уделяется разработке достаточно формализованных процедур изучения структуры лексических групп (определение доминанты группы, вычисление "веса" доминанты в толковании слов, формирование ядерного состава группы и т.д.). В методических целях автор часто заканчивает анализ материала представлением обзорных алгоритмов исследовательских процедур. В третьей главе рассматриваются также внутрилексемные пара-

дигматические отношения, т.е. связь между элементами смысловой структуры слова; выбранная методика позво. т объективно определить главное (основное) значение слова, позволяет измерить, например, отстояние каждого из значений от инвариантного значения и т.п.

Наконец, четвертая глава посвящена межуровневым связям лексики. С помощью статистических методов исследуется взаимосвязь семантики слова с фонетикой и грамматикой (морфологией и синтаксисом) языка. Там же изучаются семантические и стилистические функции некоторых фонотактических комбинаций фонем в английском и немецком языках. В работе приводятся интересные данные о фонетических связях слов-синонимов и слов-антонимов. Убедительные результаты приводятся по корреляции лексической и морфологической семантики и по связям лексики и синтаксиса.

Рецензируемая книга В. В. Левицкого является полезным и интересным исследованием, представляющим множество новых и оригинальных идей и результатов в области лексикологии и семантики. Работы с таким широким охватом различных аспектов функционирования и связей лексики с другими языковыми уровнями нам неизвестны. В работе детально рассматриваются узловые проблемы методики статистического исследования парадигматических и синтагматических отношений в лексической системе языка. Приведенный богатый фактический материал пополнит базу данных лексикологии немецкого и английского языков и несомненно может быть использован как в методических целях, так и в дальнейших, в частности сопоставительных исследованиях.

Юхан Тулдава

Review of STATISTICAL INVESTIGATION OF LEXICAL
SEMANTICS by V. V. Levitsky

Juhan Tuldava
S u m m a r y

The monograph under review deals with some fundamental concepts and applications of statistical lexicology on the illustrative material from English and German. The monograph consists of four chapters and the following main themes are examined: lexical meaning and the methods of its investigation, syntagmatic and paradigmatic relations in lexis, interlevel relations (lexis - semantics - phonetics - morphology - syntax).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<u>Алвре П.Ю.</u> Сопоставительный анализ функций новых объектных падежей в уральских языках.....	3-8
<u>Глушак Т.С., Копань Л.И.</u> Проблемные вопросы вторичной номинации.....	9-17
<u>Голубева-Монаткина Н.И.</u> Проблема классификации вопросов диалогической речи ("теоретический" мир классификации).....	18-26
<u>Ившин В.Д.</u> Соотношение понятий языка и видов речи.....	27-35
<u>Мальковский Г.Е.</u> Асимметричный дуализм вариантности означающего.....	36-43
<u>Мирский А.А.</u> Функционально-сопоставительное исследование лексико-семантических групп глагола.....	44-50
<u>Павлович Н.В.</u> Типы поэтических образных парадигм.....	51-68
<u>Подольская Л.</u> О некоторых способах выражения локативных отношений.....	69-75
<u>Поликарпов А.А.</u> Лексическая полисемия в эволюционном аспекте.....	76-86
<u>Савчук С.О.</u> Дискуссия 1954 года с позиций современной лингвистической стилистики.....	87-100
<u>Силецкий В.И.</u> Символика семи смертных грехов в поэтике возрождения.....	101-111
<u>Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я.</u> Основные типы представлений о природе языка.....	112-133

Р Е Ц Е Н З И Я

<u>Тулдава Ю.</u> Рец. на кн.: <u>В.В. Левицкий.</u> Статистическое изучение лексической семантики. - Киев: УМК ВО, 1989.....	134-136
---	---------

SUMMARIES - RESÜMÉES

<u>Alvre P.</u> Analyse der Funktionen der neuen Objekts- kasmus in den uralischen Sprachen.....	8
<u>Glusak T., Kopan L.</u> Problemfragen der Erscheinung der mehrfachen Benennung ein- und desselben Objekts in der Textdarstellung.....	17
<u>Golubeva-Monatkina N.I.</u> Problems of Classification of Questions in Russian (Theoretical World of Classification).....	26
<u>Ivshin V.D.</u> Correlation of Language and Speech Kinds' Notions.....	35
<u>Malkovsky H.Ye.</u> Asymmetric Dualism of the Signi- ficant's Variation.....	43
<u>Mirsky A.A.</u> Funktionalvergleichende Untersuchung der lexisch-semantischen Gruppen des Verbs.....	50
<u>Pavlovitch N.V.</u> Types of Paradigms of Poetical Images.....	68
<u>Podolskaya L.</u> Some Ways of Expressing Locative Relations.....	75
<u>Polikarpov A.A.</u> Lexical Polysemy in Evolutionary Aspect.....	86
<u>Savchuk S.O.</u> The 1954 Year Discussion from the Point of View of Modern Linguostylistics.....	100
<u>Siletski V.I.</u> The Seven Mortal Sins Symbolism in Renaissance Poetics.....	111
<u>Chebanov S.V., Martynenko G.Ya.</u> Basic Types of Conceptions of the Language Nature.....	133

R e v i e w :

<u>Tuldava J.</u> Review of <u>V.V. Levitsky.</u> Statistical Investigation of Lexical Semantics (in Russian). Kiev 1989.....	136
---	-----

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 911.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЩЕМУ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ.
Linguistica 1990.
На русском языке.
Резюме на разных языках.
Тартуский университет.
ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.
Ответственный редактор Д. Тулдава.
Подписано к печати 6.XI.1990.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 8,63. Печатных листов 8,75.
Тираж 450.
Заказ № 744.
Цена 2 руб. 60 коп.
Типография ТУ, ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.